

Сергей Калабухин

СПОРНЫЕ МЫСЛИ

Сергей Калабухин

Спорные мысли

Ярославль
2011

ББК 84
УДК 82-4
К 17

Сергей Калабухин

К 17 Спорные мысли. Сборник эссе. – Ярославль: ИПК
«Индиго», 2011. – 152 с.

Сергей Калабухин – русский писатель: прозаик, фантаст, публицист. Более тридцати лет печатается в российских газетах и журналах.

В этом сборнике собраны эссе на исторические и литературные темы. Почему буквально все украинские гетманы в конце концов предавали Россию? Когда и зачем возник украинский национализм? Что такое русская культура? Истоки русской литературы и её сегодняшнее положение – каковы они?

Каковы причины ненависти прибалтийских народов к России? Кто дал свободу прибалтам? Кто автор памятника грузинской литературы – поэмы «Витязь в тигровой шкуре»?

Над этими и многими другими вопросами размышляет автор в своих увлекательнейших эссе, которые читаются, как детективы.

ББК 84
УДК 82-4

ISBN 978-5-91722-065-9

©С. В. Калабухин, 2011

ГЕТМАН МАЗЕПА – ГЕРОЙ РОССИИ!

Нынешние украинские националисты, пробравшиеся с помощью врагов России в «гетманы», провозгласили сотни лет считавшегося предателем Мазепу национальным героем Украины и даже поместили его изображение на одну из банкнот. Этим поступком возмущены многие русские и украинцы. А вот я в данном случае полностью поддерживаю украинских националистов. На мой взгляд, гетман Мазепа достоин звания героя не только и не столько Украины, сколько России! Более того, почти все гетманы Украины допетровской поры, от самого первого, Богдана Хмельницкого, до Ивана Мазепы были сначала героями России, а потом предателями. Каждый из тех гетманов, и более всех Мазепа, предавая Россию ради блага Украины, как им казалось, в конечном итоге приносил своей изменой благо России! Парадокс? Нет – закономерность!

И по сию пору «гетманы» продолжают регулярно наступать на всё те же грабли махрового национализма в погоне за химерой полной независимости Украины от кого-либо. И потому история украинского гетманства – это история череды непрерывных предательств.

Небольшая предыстория

В первой половине XVII века большая часть Украины: от Карпат до Полтавы и от Чернигова до Каменец-Подольска была захвачена Польшей и поделена между польскими магнатами, среди которых выделялись Конецпольские, Потоцкие, Калиновские и Замойские. Одному только Конецпольскому на Брацлавщине принадлежало 170 городов и местечек, 740 сёл. Украинские феодалы к этому времени тоже ополячились и многие приняли католичество.

Француз Боплан, проживший на Украине 17 лет, оставил записки, в которых отмечал, что положение украинских крестьян хуже, чем у галерных невольников. Шляхтичи называли украинцев «быдлом», т.е. скотом. Непокорных паны приказывали вешать или сажать на кол. Магнат Конецпольский инструктировал подчинённых:

«Вы должны карать их жён и детей, и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники его королевской милости и Речи Посполитой».

Кроме участия во внешних войнах польские паны постоянно воевали между собой, разоряя украинские города и сёла, принадлежащие сопернику. Особенно прославился в то время грабежами некий Самуил Лаш, коронный стражник (блюститель пограничных областей). Писали, что он «насильничал, убивал, отрезал уши и носы, уводил девушек и вдов» и отдавал их на поругание негодяям, вместе с ним участвовавшим в грабежах. Однажды, в первый день пасхи 1639 года в местечке Лысянке этот шляхтич вырезал поголовно всех жителей, не разбирая ни пола, ни возраста; многих убили прямо в церкви. Лаши 236 раз приговаривали к изгнанию и 37 раз к лишению чести, но покровительство магната Конецпольского спасало его. Лаш однажды появился в королевском дворце в шубе, подшитой судебными приговорами.

И если вы думаете, что от издевательств и грабежей польской шляхты страдали только простые украинские крестьяне и горожане, то ошибаетесь.

Гетман Богдан Хмельницкий

Зиновий Богдан Хмельницкий был сыном казацкого сотника, он учился в Ярославле (галицком) у иезуитов, знал латынь и французский язык, и потому не раз по поручению польского короля Владислава ездил в Париж. В 1632 году под Смоленском Хмельницкий получил от Владислава саблю за храбрость. В боях с кем он проявил такую храбрость, видимо, объяснять не требуется? В свободное от войн и королевских поручений время Хмельницкий жил в восьми верстах от Чигирина на хуторе Субботов, подаренном его отцу чигиринским старостой Даниловичем.

И вот однажды, когда Хмельницкий в очередной раз отсутствовал дома, польский шляхтич Чаплинский напал на хутор Субботов, разграбил его, насмерть засёк батогами десятилетнего сына Хмельницкого и похитил жену-польку. Хмельницкий обратился в суд, он же считал себя особой, приближенной к королевскому двору. Но для польского суда Хмельницкий был и оставался в первую очередь украинцем, то бишь – быдлом! И суд оправдал Чаплинского на том основании, что Хмельницкий не был обвенчан с женой-полькой и не имел документов на право владения хутором Субботов.

Хмельницкий пошёл к королю, и Владислав сказал ему: «Вы – воины и носите сабли, кто вам за себя стать запрещает?» Хмельницкий затаил обиду, и когда на Украине вспыхнуло очередное антипольское восстание, он тут же принял в нём самое деятельное участие. Вскоре у Богдана Хмельницкого проявились немалые военные и административные способности, и он был провозглашён казаками гетманом. Кроме того, в самой Польше вспыхнуло сильнейшее крестьянское восстание. Все эти обстоятельства и военная помощь крымского хана помогли Хмельницкому изгнать поляков с Украины. Он так хотел отомстить за своё унижение, что даже готов был дойти до Варшавы.

В это время умирает король Владислав, и между магнатами разгорается свара за трон. Хмельницкий вопреки желанию казаков немедленно прекращает войну, отводит войска к Киеву и посылает казацкое посольство на сейм. Там обсуждают трёх претендентов на польский трон: двух сыновей покойного короля Сигизмунда, Карла и Яна-Казимира, и венгерского князя Ракочи. Большинство шляхты стояло за Яна-Казимира. Казаки Хмельницкого тоже были за него. Почему Хмельницкий хотел видеть на польском троне этого бывшего иезуита и папского кардинала, никому не известно. Видимо, бывших иезуитов, как и бывших кgbэшников, не бывает, и Ян-Казимир что-то пообещал Хмельницкому, потому что незаконный украинский гетман очень обрадовался, узнав об избрании Яна-Казимира. Казаки требовали продолжения войны, а Хмельницкий уехал в Переяславль, женился на очередной польке и стал ждать комиссаров короля. Через несколько месяцев те прибыли и привезли Хмельницкому от Яна-Казимира грамоту на гетманство, булаву, осыпанную сапфирами, и красное знамя с изображением белого орла. Короче говоря, король-иезуит дал Богдану Хмельницкому то, что он и так имел, плюс то, что ему вообще не требовалось – польское знамя!

К этому времени гетмана уже посетили посланники всех соседних государств с предложением союза против Польши. Желавший просто отомстить полякам за дискриминацию и добиться от них признания равноправия украинской шляхты с польской, Хмельницкий неожиданно для себя оказался в положении главы независимого государства. Его принимают всерьёз все соседи, и только поляки продолжают считать не более чем холопом! Раз не сработал кнут, кинули пряник в виде звания и регалий.

Хмельницкий вывел польских комиссаров на раду, показал дары короля. Казаки были возмущены. Они не желали возвращаться под власть польских панов, тем более, что уже успели

поделить их владения между собой. Хмельницкому пришлось плыть по течению народного желания, и он объявил королевским комиссарам, что возобновит войну в течение месяца. Предупредил, так сказать, что б готовились! Далее гетман заявил, что готов пойти против воли народа и отменить войну, если король примет следующие условия: по всей Украине уничтожить унию; киевскому митрополиту дать место в сенате сразу после примаса польского; вся украинская администрация должна состоять из православных украинцев; казацкий гетман подчиняется только королю; евреям запрещается жить на Украине. Как видите, даже сейчас Хмельницкий не помышляет о независимости Украины, все его мечты – равноправие с поляками.

Разумеется, комиссары не приняли такие условия мира, потому что польские магнаты ни за что не согласятся терять свои украинские владения и уж тем более никогда не признают быдло равным себе. Гетману остаётся одно – силой заставить поляков признать украинскую шляхту. Значит, всё же война!

Хмельницкий понимает, что скоро Польша оправится от междоусобиц, а в одиночку Украине не устоять против неё. Чтобы выиграть войну, гетману нужно сплотить казаков вокруг конкретной идеи и заручиться помощью сильного союзника. Крымский хан – союзник не надёжный. Сегодня он с казаками грабит польские сёла, а завтра придёт с поляками грабить украинские. Поэтому новоявленный гетман Украины, всячески пропагандируя и развивая украинский национализм среди казаков, одновременно обращается к русскому царю с просьбой принять Украину в состав России.

А что значит: принять Украину в состав России? Это – прежде всего война России с Польшей! Московскому царю война с Польшей пока не нужна. Тем более, ради Украины, казаки которой в составе польских войск не раз воевали против Москвы и даже совершали грабительские набеги на русские

города и сёла вместе с крымскими татарами. К тому же царю выгодна война Польши с Украиной, т.к. она ослабляет и тех, и других и не даёт Польше нападать на московское государство.

Шесть лет Украина боролась с Польшей, периодически приглашая в качестве союзников крымских татар, и все шесть лет гетман Богдан Хмельницкий слал письма московскому царю с просьбой о принятии Украины в состав России.

И вот, однажды, Хмельницкий, неофициально, якобы проговорившись в пьяном виде, пригрозил царским представителям: раз Москва Украиной брезгует, то он пойдёт на союз с крымским ханом, и тогда Русь содрогнётся от их совместных и регулярных набегов. Царь Алексей Михайлович не мог проигнорировать подобные перспективы и послал на Украину посольство во главе с боярином В. Бутурлиным. Когда оно прибыло, обрадованный Хмельницкий созвал 8 января 1654 года в Переяславле необычную раду, т.к. она была объявлена «явной всему народу». То есть в ней могли участвовать все слои украинского населения, любой, кто сможет на неё явиться, а не только казацкая старшина, как это было обычно принято.

На этом первом всенародном референдуме Хмельницкий в своём обращении к народу сообщил, что царь Алексей Михайлович, которого «мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим», прислал к украинскому народу посольство. И теперь раде надо решить, под чьей властью будет Украина: русского царя, польского короля, турецкого султана или крымского хана, потому как без поддержки одного из этих владык Украина будет просто разорвана сильными соседями на куски и перестанет существовать. Хмельницкий призвал к единению с Россией, с братьями по крови и вере.

Поляков никто не хотел, под власть басурманов тоже. Как говорится: хрен редьки не слаще. И поляки, и мусульмане не

считали православных украинцев за людей. Рада единодушно поддержала гетмана. Был составлен договор, в котором закрепились следующие условия объединения:

Вся Украина, занимавшая тогда Полтавскую, Киевскую, Черниговскую, большую часть Волынской и Подольской губернии, присоединялась под именем Малой России к Московскому государству с правом сохранять особый свой суд, управление, выбор гетмана вольными людьми (казаками), право последнего принимать послов и сноситься с другими государствами, неприкосновенность прав шляхетского, духовного и мещанского сословий. Налоги царю должны платиться без вмешательства московских сборщиков. В Киев посылается русский воевода как представитель московского царя. Украина будет иметь собственные войска – минимум 60 тысяч казаков, а при необходимости и больше.

Поляки позволяли украинцам иметь не более 20 тысяч казаков, потому как казаки – это привилегированное служилое сословие, не платившее податей, пользовавшееся свободным землевладением и получавшее жалованье. Все остальные украинцы, за исключением духовенства, должны были платить подати и исправлять разные повинности. Разумеется, каждый крестьянин мечтал «записаться в казаки».

Как видите, Хмельницкий составил такой договор, по которому Украина остаётся практически независимой от России и платит царю только такие налоги, какие сама захочет! Проверить-то, сколько собрано, царь не может. Зато Россия теперь обязана защищать Украину от всех врагов и в первую очередь от ненавистной Польши! Не зря русский народ говорит: «Хитёр хохол!» Но даже при таких невероятно льготных условиях, украинское духовенство присягать московскому царю отказалось! Оно не желало идти под власть московского патриарха.

Мечта любого холопа – стать равным хозяину, а ещё лучше: войти в хозяйский дом, надеть хозяйские одежды, жениться на хозяйской дочери, сесть за хозяйский стол, и чтоб хозяин ему прислуживал! Помните, как в сказке Пушкина старуха начинает свои пожелания с нового корыта, а заканчивает требованием, чтобы Золотая Рыбка сама той старухе прислуживала и была у неё на побегушках? В реальности холопа слуги хозяина не пустят дальше порога, и Золотых Рыбок в реках не водятся. Но если холоп придёт не один, а с сильной охраной...

Желание простой мести трансформировалось у Богдана Хмельницкого в мечту стать вровень с польским королём, а в качестве Золотой Рыбки он решил использовать московского царя. Из условий договора видно, что Хмельницкий вовсе не собирается объединять Украину с Россией. Он не вводит в Малороссии русские законы и порядки. Гетмана не привлекают ни русское дворянство, ни даже русское боярство. Ему нужна только «московская дубина», с помощью которой он хочет заставить польского короля и шляхту признать равенство украинцев с поляками. Как только и если бы это произошло, Хмельницкий наверняка бы разорвал договор с Москвой и вернул Украину в состав Польши. Именно поэтому, гетман ставит столько преград между русскими и украинцами и формирует украинские порядки на польский манер. Холоп мечтает стать вровень именно со своим хозяином, а не с чужим!

Спрашивается: зачем царь Алексей Михайлович пошёл на такой договор? Зачем провоцировать Речь Посполитую, захватившую немалые русские территории ранее и намеревающуюся отрывать от Московии куски и в дальнейшем? Никакие украинские налоги не покроют расходов на войну с Польшей. Царская власть на Украине по такому договору практически отсутствует. Создаётся впечатление, что украинский гетман вопреки народной мудрости «влез в чужой монастырь со своим уставом» и обвёл русского государя вокруг пальца, но...

Дальнейшие события показали обратное! Хмельницкий не читал сказку Пушкина о Золотой Рыбке и, соответственно, не знал, чем она кончается.

Царь объявил войну Польше, но раз Малая Россия пожелала быть полностью самостоятельной и иметь свои независимые войска, Алексей Михайлович предоставил ей самой разбираться с польскими карателями, которые не замедлили своё вторжение на Украину. Король сразу лишился немалой воинской силы, скованной боевыми действиями на Украине, и казачьи полки теперь уже воевали против Польши, а не за её интересы. А это открыло возможность России вернуть захваченные ранее Польшей земли!

Царь двинул русские войска в Белоруссию и Литву и вскоре освободил от поляков Могилёв, Полоцк, Витебск и Смоленск. В следующем 1655 году русские взяли Минск, Ковно и Вильно. Царь Алексей Михайлович въехал в столицу Ягеллонов и добавил себе титул «Великий князь литовский». Видя всё это шведы тоже вторглись в Речь Посполитую, и вскоре Карл X без боя взял Варшаву. Польский король Ян-Казимир бежал в Силезию.

Вот так первый украинский гетман, Богдан Хмельницкий, славно послужил России! Настояв на независимости от царской власти, он дал возможность Москве вернуть захваченные Польшей территории в Белоруссии и Литве. Разве Богдан Хмельницкий не достоин звания героя России? На мой взгляд – вполне!

Теперь, когда Речь Посполитая зашаталась и стала разваливаться на куски, теряя огромные территории, и впереди маячила реальная перспектива уничтожения самой Польши как государства, серьёзно обеспокоилась католическая Европа. Её совершенно не устраивало то, что Польша вот-вот станет до-

бычей протестантов и схизматиков (православных). В Москву прибыл Алегретти, посланник австрийского императора. Он заявил, что римский папа, цезарь, французский и испанский короли и все остальные государи католической веры вступятся за Польшу, если придётся спасать её существование.

Однако эти угрозы не испугали московского царя, и тогда поляки решили провернуть украинский фокус, но на свой, иезуитский манер. Они предложили Москве объединение под властью царя! Польша войдёт в состав России, а Украина вновь станет частью Польши, и та приведёт её к покорности воле московского царя. Но сначала надо совместными усилиями разбить шведов.

В октябре 1656 года в Вильно между Польшей и Россией был заключён договор, по которому поляки обязались после смерти короля Яна-Казимира избрать на польский престол Алексея Михайловича. Царь со своей стороны обещал защищать Польшу от её врагов и начать войну со Швецией.

Кажется, русский царь польстился на журавля в небе: когда ещё умрёт король Ян-Казимир, а воевать со шведами за польские интересы нужно уже сейчас, немедленно!

В Польше всегда были сильны иезуиты, лозунгом которых были слова «цель оправдывает средства». Поэтому поляки в своей дипломатической и военной практике широко использовали обман и предательство. Украинская элита в полной мере усвоила польский образ мысли и действий, и каждый гетман, начиная с Богдана Хмельницкого, клялся в верности московскому царю, но рано или поздно шёл на предательство. Каждый украинский гетман! Это кажется невероятным, но это так. И каждое предательство, как это ни странно, шло на пользу московскому царю, а не украинскому гетману. И именно поэтому каждый украинский гетман-предатель фактически

сработал на интересы Москвы и достоин звания героя России. Как это утверждение касается Богдана Хмельницкого?

Гетман Богдан Хмельницкий был в ярости: главное дело его жизни оказалось под угрозой. Если Польша и Россия объединятся, польские паны вновь приберут власть на Украине к своим рукам. Хмельницкой настолько ненавидел поляков, что даже в договоре о вхождении в состав России вместо презрительного польского наименования «Украина» вписал «Малая Россия». Неужели, практически независимая Малая Россия вновь станет польской окраиной – Украиной, а вкусившие свободы и национализма украинцы вновь превратятся в быдло? Гетман уже утратил иллюзии, что сможет в чём-либо убедить поляков, и вместе с казацкой старшиной мечтает только о сохранении независимости Украины.

Хмельницкий считал, что обвёл русского царя вокруг пальца, а оказалось, что тот использует привилегии казацкой шляхты как разменную монету в торге с Польшей за интересы Москвы! Хмельницкий начал писать царю, что поляки его обманывают и никогда не пойдут под власть Алексея Михайловича; что они используют царя только для того, чтобы спасти Польшу от краха, а потом откажутся от всех обещаний и договоров; что надо объединить усилия со шведами и окончательно стереть Польшу с карты Европы.

Царь не реагировал на письма Хмельницкого. Почему? Неужели, действительно поверил полякам? Нет, не поверил, но решил использовать в собственных интересах, как ранее использовал украинцев. Хмельницкий, как и все последующие гетманы, не мыслил далее своей Украины. А Алексей Михайлович видел, что Польша уже не столь опасна для России, как Швеция. Не зря так обеспокоена католическая Европа. Добить Польшу, конечно, можно, но что это даст России?

Ярый и убеждённый националист Хмельницкий устроил Малую Россию как якобы ненавидимую им Польшу. Заключая договор с русским царём, Богдан Хмельницкий сразу заложил в нём то, что Малая Россия – это не Великая Россия, а малороссы – не русские. Поэтому и всё обустройство Малой России не было приведено в соответствие с обустройством страны, в которую по собственной воле влилась Украина. В Польше сейм избирает короля, в Малой России рада избирает гетмана. Нынешняя элита Малой России, захватив владения изгнанных польских магнатов, гордо именует себя на польский манер шляхтой, а не на великорусский – дворянами и боярами. Более того, в Малой России существует запрет на русско-украинские браки, в то время как многие представители казачьей верхушки, и сам гетман, женаты на польках!

Одним словом, царь не видит выгоды в приобретении ещё более гонористой, чем Украина, и ненадёжной в любом смысле Польши. И если сепаратисткой Украине почти некуда податься от России, то у Польши полно защитников. Самое же главное заключается в том, что у России был свой и очень сильный мотив для начала войны со Швецией. Царь просто замаскировал его договором с Польшей и, разумеется, не собирался раскрывать свои замыслы равнодушному к интересам России Хмельницкому. Потому и не отвечал на его письма.

Что это был за мотив? Ещё царь Иван Грозный пытался открыть Московской Руси свободный выход к Балтийскому морю, и тем самым «прорубить окно в Европу». За несколько лет тяжелейшей войны Русь фактически полностью разгромила Ливонский орден, большая часть Ливонии была захвачена русскими войсками, которым оказывало всяческую помощь местное население – латыши, эстонцы, русские. И тогда Европа впервые открыто объединилась против Руси. Вчерашние враги – Польша, Литва, Дания, Саксония и Швеция объединили свои усилия. Не для того, чтобы спасти Ливонский ор-

ден, а для того, чтобы отбросить Русь от Балтики и торговых европейских путей! Им это удалось, тем более, что Русь к тому времени была ослаблена не только войнами, но и внутренними раздорами, сопровождавшимися прямым предательством национальных интересов представителями высших кругов русской знати. Одна только измена главы русских войск в Ливонии князя Андрея Курбского чего стоила!

Русские войска были вынуждены оставить Ливонию, которую тут же поделили между собой победители: Польша, Литва, Дания и Швеция.

И вот у России появился шанс вернуть утраченные территории в Прибалтике. Но теперь Москва будет воевать не против объединённых сил Европы, а против одной только Швеции, и не в одиночку, а в союзе с Польшей и при поддержке казаков Малороссии. Пусть поляки и украинцы послужат интересам России! Царь столь же легко обещал Польше Украину, как та обещала ему королевский престол. Алексей Михайлович вовсе не был так наивен, как считал Хмельницкий. Он просто старался использовать все возможности, в том числе и чужие интриги, на пользу Московского государства.

Вскоре у России появился и формальный повод для войны со Швецией: литовский гетман Януш Радзивилл присягнул шведскому королю, и Карл X обещал возратить ему и другим литовским панам их владения, недавно занятые русскими войсками.

Война со Швецией началась, разумеется, в Ливонии. Русские взяли Динабург, Кокенгаузен, Дерпт и осадили Ригу.

И в это время ослеплённый идеей независимости Украины и ненавистью к полякам гетман пошёл на предательство. В начале 1657 года Богдан Хмельницкий заключил тайный договор со шведским королём Карлом X и венгерским князем Ракочи о

разделе Польши. По этому договору шведам достаётся Великая Польша, Ливония и Гданьск с приморскими окрестностями; венграм – Малая Польша, Литва, Мазовия и часть Червоной Руси; Украина же с остальными южнорусскими землями должна быть признана навсегда отделённой от Польши. Последнее условие лишено всякого смысла, т.к. в случае реализации этого договора Польша просто перестаёт существовать!

Хмельницкий считал, что опять обвёл всех вокруг пальца: отдал новым союзникам в войне против ненавистой Польши то, что никогда не имел, а взамен заручился поддержкой влиятельных государств, и тем самым укрепил положение независимой Украины. Однако радовался он недолго, потому как очень быстро убедился, что Украину в очередной раз использовали, т.к. во исполнение подписанного договора от Хмельницкого потребовали послать в помощь венграм 12000 казаков, и он их послал! Послал воевать против союзника своего государя, которого тот обязался защищать. Явное и недвусмысленное предательство из тайного немедленно стало явным.

Венгры при помощи казаков Хмельницкого сильно потеснили поляков и даже взяли Львов. Ян-Казимир немедленно дал знать о действиях гетмана Хмельницкого московскому царю. Алексей Михайлович направил к гетману небольшое посольство. Посланники напомнили Хмельницкому о присяге и разъяснили, что по договору с Польшей царь теперь обязан защищать поляков от любых врагов. Гетман попал в собственную ловушку: предав Россию в погоне за химерой независимости, он поставил Украину меж двух огней. Теперь на него могут пойти войной не только поляки, но и русские! Венгры со шведами далеко, и они вовсе не обязаны воевать с Россией, защищая Украину.

Хмельницкий сломался и отозвал казаков. Поляки разбили венгров, Ракоци отступил и отказался от своих притязаний.

Шведский король Карл X через своих послов в Москве предложил Алексею Михайловичу мир и даже соглашался титуловать его Великим князем литовским, волынским и подольским!

Поняв, что его заветным мечтам не суждено сбыться, и Украина в скором времени по воле русского царя вновь попадёт под власть поляков, Богдан Хмельницкий с горя заболел и вскоре умер. Но он оставил в наследство следующим гетманам химеру независимости Украины и бациллу предательства, чем ещё раз, как это ни странно, сослужил России!

Гетманы Иван Выговский и Юрий Хмельницкий

После яростной борьбы за власть гетманом стал бывший писарь Богдана Хмельницкого Иван Выговский.

В июле 1658 года польский сейм должен был утвердить решение о соединении Польши с Московским государством. Король, созывая этот сейм, заранее писал в своём универсале, что предстоит «образовать вечный мир, связь и союз непоколебимого единства между поляками и москвитянами, двумя соседними народами, происходящими от одного источника славянской крови и малоразличными по вере, языку и нравам».

Украине предстояло вновь объединиться с Польшей в рамках России. Это ни в какой мере не устраивало нового гетмана – наследника мечты Богдана Хмельницкого о независимой Украине. Выговский решил преобразовать объединение Польши и России в тройственный союз федеративных государств, в котором Украина станет равноправным членом. Это было невозможно, пока Малороссия остаётся частью России, и гетман Выговский решился пойти на предательство: нарушить присягу московскому царю, оторвать Украину от России

и соединиться с Польшей на федеративных началах и правах собственного управления. Выговский начал тайные переговоры с поляками и даже, не дожидаясь их итогов, послал казаков под началом своего брата Данила выгнать царского воеводу Шереметева из Киева. Однако Шереметев разбил казаков и жестоко покарал тех, кого счёл виновным в измене государю.

8 сентября 1658 года гетман Выговский возле Гадяча собрал раду, на которой польские комиссары Беневский и Евлашевский от имени короля обещали Украине счастье в союзе с Польшей на правах автономного государства под названием «Великое княжество русское». Верховная исполнительная власть этого княжества должна была находиться в руках гетмана, избранного пожизненно и утверждённого королём. Великое княжество русское должно было иметь свой верховный трибунал с делопроизводством на русском языке, своих сановников, своё казначейство, свою монету и своё войско. Гетман мог ежегодно представлять королю казаков для возведение их в шляхетское достоинство. Заметьте: к царю с просьбами о возведении кого-либо из казаков в дворянское достоинство, ни один гетман никогда не обращался! Вот такие «ненависть к полякам» и «независимость» были у казацкой старшины. Извечная мечта раба стать вровень с хозяином. Даже махровый национализм не смог её заглушить.

Ослеплённый миражом свободы гетман забыл то, что не уставал повторять Хмельницкий: полякам верить нельзя! Эти ученики иезуитов могут пообещать всё, что угодно, лишь бы приблизиться к своим целям. А в данный момент полякам было выгодно разрушить союз Украины и России, оставить Украину без военной и политической поддержки царя, и тогда Польша вновь завладеет этими землями.

Украинская шляхта старалась во всём подражать польской, в том числе и в коварстве. И поэтому после заключения

Гадяцкого договора гетман продолжал слать в Москву письма, в которых уверял царя в своей преданности. Одновременно Выговский продолжал готовиться к нападению на царского воеводу Шереметева.

В мае 1659 года в Варшаве на сейме король и шляхта утвердили Гадяцкий договор, и, разумеется, его условия сразу стали известны в Москве. Царь немедленно направил войска в Малороссию. Поляки, естественно, палец о палец не ударили, чтобы помочь гетману – пусть русские и украинцы убивают друг друга! Поляки достигли своей цели: столкнули Россию и Украину.

Убедившись, что помощи от Польши ждать бессмысленно, Выговский начал переговоры с Турцией о принятии Украины в её подданство. Малороссы и так были не в восторге от грядущего объединения под властью польского короля, а узнав о переговорах с султаном, немедленно восстали против гетмана. Выговский бежал в Польшу.

Пойдя на афёру с Выговским, Польша одновременно нарушила договор о мире с Россией. Поляки неожиданно напали на русские гарнизоны в Литве, Ян-Казимир лично руководил осадой Вильно. Основные русские силы воевали против шведов в Ливонии и не могли быстро придти на помощь осаждённым.

Предательство понадеявшейся на помощь католической Европы Польши сильно повредило России, но не спасло Речь Посполитую. Новый шведский король Карл XI энергично взялся за дело, а его враги, Россия и Польша, тратили силы на войну между собой. В результате первой сдалась и больше всех потеряла Польша. Она отказалась от своих владений в Ливонии в пользу Швеции. А вскоре и Россия была вынуждена вывести войска из Прибалтики, оставив завоёванные города шведам. В отличие от Польши, Россия в войне со Швецией, что называется, осталась при своих. Вторая попытка Москов-

ского государства «прорубить окно в Европу» не удалась из-за предательства Польши.

В октябре 1659 года в Переяславле была созвана рада, и прибывший на неё с царским наказом князь Трубецкой подписал с выбранным казаками гетманом Юрием Хмельницким новый договор. Но уже с некоторыми важными ограничениями: гетман больше не имел права принимать иноземных послов, вступать с кем-либо в войну без согласия царя, не мог назначать в полковники без согласия всей казацкой черни. Московские воеводы были посажены в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове, Брацлаве и в Умани.

Вот так Иван Выговский своим предательством поспособствовал урезанию прав гетмана при одновременном расширении полномочий царя в Малороссии, а также наглядно проявил ненадёжность любых договоров с Польшей! Разве он не достоин звания героя России?

Юрий Хмельницкий был не чета своему отцу, Богдану. Он не мог удержать в своих руках казацкую старшину. В Малороссии вскоре начался разброд и борьба за власть. Украинская шляхта вела себя так же, как их идеал – польская. Пока король Ян-Казимир воевал в Литве с Алексеем Михайловичем, польские магнаты воспользовались вспыхнувшей междоусобицей в казацкой среде и вторглись в правобережную Украину. Вместе с поляками пришли пограбить украинские сёла крымские татары.

В начале сентября 1660 года воевода Шереметев собрал своих стрельцов и вместе с казаками гетмана Хмельницкого решил дать отпор полякам. Шереметев видел, что Юрий Хмельницкий совершенно не пользуется авторитетом. Казацкая старшина была недовольна теми условиями, на которых Юрий Хмельницкий стал гетманом. Как и все националисты, украинские полковники не видели дальше своих местниче-

ских интересов. Спокойные годы под политической и военной защитой московского царя внушили украинской шляхте ложную уверенность в том, что Украина столь же сильна, как и Польша, и вполне может теперь обойтись без России. Казацкие полковники не принимали во внимание тот факт, что большая часть польских войск вынуждена сражаться с русскими в Белоруссии и Литве и со шведами в Прибалтике.

При первом же столкновении с поляками, Юрий Хмельницкий пришёл в такой страх, что решил отказаться от гетманства и постричься в монахи. Украинские полковники отправили послом к полякам Петра Дорошенко, и 18 октября казаки с поляками заключили договор на основе гадяцкого, за исключением пункта о великом княжестве русском. Таким образом украинская шляхта вновь предала русского царя.

Поляки предложили Шереметеву договор: русское войско выпускалось при условии сдачи оружия и знамён. После сдачи поляки обещали вернуть оружие русским. В одиночку, без казаков гетмана, Шереметев не мог противостоять объединённым силам поляков и крымских татар и поэтому принял их предложение. Но когда русские сложили оружие, поляки отдали их на резню и разграбление татарам.

Таким образом, вся правобережная Украина вновь подчинилась Польше. С этого времени Украина распалась на два гетманства. Как предательство Юрия Хмельницкого и раздел Украины принесли пользу России? Об этом я расскажу далее.

Правобережный гетман Пётр Дорошенко

В 1665 году гетманом правобережной (польской) Украины с помощью крымских татар стал Пётр Дорошенко. Поляки, разумеется, не собирались выполнять свои обещания. Было

должно знать своё место! Никогда украинец не станет вровень с польским шляхтичем!

Очень скоро Дорошенко убедился, что переоценил свои силы. Предав Шереметева, правобережная Украина лишилась защиты русского царя. Гетман Дорошенко вынужден был набирать всё больше казаков, чтобы отбиваться от поляков. И если ранее «записаться в казаки» было мечтой каждого украинского крестьянина, то теперь, на Правобережье, это стало самоуничтожением. Молодые сильные мужчины гибли в боях с поляками, а их семьи ничего не выигрывали, т.к. их казацкие льготы были действительны только для гетмана Дорошенко. А для польских магнатов, стремившихся вернуть свои владения, эти люди оставались простыми крестьянами, обязанными платить подати! Началось бегство украинцев с правого берега Днепра на левый, в Малороссию.

В 1667 году между Польшей и Россией было заключено перемирие. У Польши больше не было сил, а у России – надобности в войне. Русский царь уже вернул все утраченные ранее земли в Белоруссии. Идти в саму Польшу – это дразнить католическую Европу. Отвоёвывать правобережную Украину? Зачем? Для кого? Для какого гетмана: право- или левобережного? И Россия с Польшей установили границу между своими государствами по реке Днепр. Таким образом, царь Алексей Михайлович уже официально лишил своей защиты предавшую его правобережную Украину.

Дорошенко был, как и Богдан Хмельницкий, ярким националистом. Но поняв, как и Богдан в своё время, что в одиночку его Украина не выстоит против Польши, он обратился к московскому царю с просьбой принять Правобережную Украину в состав России на условиях договора Богдана Хмельницкого.

Разумеется, царь отказал. Во-первых, Дорошенко уже однажды предал Россию. Во-вторых, зачем Алексею Михайло-

вичу две Малороссии с разными привилегиями? Левобережцы тоже захотят вернуть утерянное! Начнётся смута, а царю это совершенно не нужно. В-третьих, наличие Правобережной Украины выгодно Москве: пока Россия восстанавливает силы после войн, Польша продолжает их тратить на борьбу с казаками Дорошенко!

Подражая Богдану Хмельницкому, Дорошенко пригрозил царю, что отдастся в подданство турецкому султану. Всё-таки, беда всех упёртых националистов в том, что они ограничивают свой кругозор только узко местническими интересами, не видя леса за деревьями. Царь проигнорировал угрозу. Обстановка в мире сильно изменилась, и теперь Москве было выгодно, чтобы Дорошенко обратился к султану и тем самым вовлёк Польшу в войну с Турцией! Это ещё дальше отодвинет от России угрозу возобновления войны с поляками.

Вскоре у Дорошенко объявились новые враги. Как известно, украинская шляхта старалась во всём подражать польской, в том числе и в гоноре, а потому сразу несколько кандидатов изъявили желание стать гетманом Правобережной Украины. Так как сам Дорошенко захватил гетманскую булаву при помощи крымских татар, то его соперники тоже прибегли к такому же способу. Теперь кроме поляков Дорошенко предстояло воевать с казаками претендентов на гетманство и крымчаками!

Дорошенко вновь обращается к русскому царю, но и даже теперь, на краю падения, не желает отказаться ни от одной привилегии, завещанной Богданом Хмельницким. Разумеется, царь вновь ему отказывает, тем более, что у России и Польши договор о перемирии, нарушать который ради спасения мятежного гетмана Москве нет никакого резона.

Дорошенко отправил послов к султану с просьбой турецкого подданства. Это спасло его на время, т.к. соперник гетма-

на разом лишился поддержки подвластных султану крымских татар.

Но другой соперник Дорошенко, Ханенко, тут же обратился к польскому королю и получил от того грамоту на гетманство на условиях всё того же пресловутого гадяцкого договора! Есть женщины, которые выходят замуж за явных бабников или алкоголиков, в полной уверенности, что с ними супруг сразу бросит все свои дурные привычки и станет образцовым мужем. Так и украинская старшина хватается за ничего не значащий для поляков «брачный» договор в желании хоть ненадолго почувствовать себя «настоящей шляхтой».

Вместе с поляками новоявленный гетман Ханенко стал быстро захватывать правобережные города и сёла, значительно потеснив Дорошенко. Таким образом, на Правобережье действовали одновременно два гетмана: один от Польши, другой от Турции.

Война между Польшей и Турцией началась. Триста тысяч турок под предводительством самого падишаха Магомета IV вторглись на Украину, разбили объединённые силы поляков и гетмана Ханенко и осадили Каменец. Город быстро сдался. Султан приказал обратить все городские церкви в мечети, оставив для христиан только три – православную, католическую и армянскую. Магомет IV с торжеством въехал в город, и турки в знак победы ислама над христианством клали образа святых в грязь улиц, когда по ним проезжал султан. Жителей пощадили, но взяли в гаремы падишаха и его пашей красивейших девиц.

Ещё в 1668 году польский король Ян-Казимир отрёкся от престола. Конечно, поляки и не подумали выполнить своё обязательство и предложить трон царю Алексею Михайловичу. Сейм избрал королём Михаила Вишневецкого. И вот теперь, благодаря своему предательству, Польша осталась без помо-

щи русских войск и казаков Малороссии и быстро запросила мира у турецкого султана.

Мир был заключён под Бучачем в Галиции. Поляки уступили туркам Украину и Подольск и, кроме того, обязались платить ежегодно 22000 червонцев. Как видите, учителям украинской шляхты нарушение договоров с Россией тоже приносило больше убытков, чем пользы. Но ни те, ни другие не делали выводов из данного факта.

Не знаю, какие условия ставил султану Дорошенко, но турки совершенно не собирались восстанавливать единство и, тем более, независимость Украины. Сам Дорошенко возбудил против себя всеобщую ненависть. Народ побежал с Правобережной Украины толпами. Значительная часть перебежчиков, хлебнувшая украинских «вольностей», не пожелала остаться даже в Малороссии, а двинулась дальше на восток в привольные степи московского государства (в последствии – воронежская, курская и екатеринославская губернии России). Правая сторона Днепра всё более безлюдела, и набирать казаков Дорошенко вскоре стало просто неоткуда.

Так как Польша по условиям мира с Турцией сама отказалась от Украины, у России появилась возможность вернуть Правобережье, не нарушая перемирия. Дорошенко вновь обратился к царю с просьбой о подданстве, но по-прежнему настаивая на условиях Богдана Хмельницкого. Разумеется, был отвергнут. А вот Ханенко и полковники каневский, корсунский, белоцерковский, уманский, тарговицкий, брацлавский и паволоцкий 17 марта 1674 года явились в Переяславль на раду и признали власть малороссийского гетмана Самойловича. Значительная часть Правобережья вновь перешла под власть русского царя.

Дорошенко держался только при помощи турок, опустошавших Украину, особенно города и сёла, вернувшиеся в

состав Малороссии. Остатки населения толпами переправлялись на левую сторону Днепра, и теперь уже большинство переселенцев стремились именно в Россию. Совершенно опустели Черкассы, Лысянка, Мошны, Богуслав и Корсунь.

В январе 1676 года, в последние дни жизни царя Алексея Михайловича, в Москву прибыл тесть Дорошенко, Павел Яненко-Хмельницкий, и привёз турецкие «санжаки»: бунчук и два знамени – знаки турецкого подданства Дорошенко, от которого тот теперь отрекался. Дорошенко покорился царю, но отказался присягать гетману Малой России Самойловичу.

Через год уже царь Фёдор вызвал Дорошенко в Москву со всей его семьёй. Он решил удалить Дорошенко из Малороссии, чтобы исключить его националистическо-самостийное влияние на казацкую верхушку и успокоить дрожавшего за своё место гетмана Самойловича. Дорошенко был назначен воеводой и получил в вотчину тысячу дворов в селе Ярополче, Волоколамского уезда. Он умер от старости в своём имении, верный данному слову никогда не вмешиваться более в малороссийские дела.

К сожалению, царь Фёдор был не чета Алексею Михайловичу. На Правобережье полыхала война между Турцией и Россией, всё более опустошавшая этот край. Вместо Дорошенко турки поставили гетманом Юрия Хмельницкого. Украинцы проклинали имя этого человека, и я о нём говорить тоже не хочу. В 1680 году в Крыму Россия и Турция заключили перемирие на 20 лет, по которому вся правобережная Украина, от Буга до Днепра, должна была оставаться безлюдной. Обе стороны обязались не строить там ни городов, ни сёл, и не заводить никакого населения. С тех пор казачество на правой стороне Днепра исчезло.

Своей изменой царю оба правобережных гетмана, Юрий Хмельницкий и Пётр Дорошенко, принесли несомненную и

огромную пользу России. Никакими словами царь не мог бы столь наглядно и доступно показать украинцам всю пагубность отделения Украины от России и принятия турецкого подданства. Теперь у малороссийской шляхты не осталось ни единой альтернативы, а простой народ, переселяясь в Россию, проголосовал ногами за русские законы и порядок, отвергнув казацкую вольность и беспредел. Кроме того, самостийное Правобережье отвлекло на себя поляков и крымцев, что дало возможность «Тишайшему», как называли царя современники, Алексею Михайловичу расширить пределы России и на восток: русские казаки дошли до границы Китая. Так что, не зря царь простил изменника Дорошенко и даже наградил! Дорошенко несомненно достоин звания героя России.

Гетманы Брюховецкий и Многогрешный

Итак, когда Правобережье отделилось, левобережная Украина осталась верна царю, гетмана-изменника, Юрия Хмельницкого, туда не пустили, и в Малороссии с новой силой вспыхнула борьба за гетманскую булаву. Бывший слуга Богдана Хмельницкого Иван Брюховецкий, ставший к этому времени кошевым атаманом Запорожской Сечи, писал в Москву самые униженные письма, в которых клялся, что став гетманом, ещё больше подчинит Малороссию московской власти. Одновременно агенты Брюховецкого распространяли среди населения слухи, что тот, когда станет гетманом, запишет в казаки всех желающих крестьян и основательно потрясёт казацкую старшину, которая ведёт себя ничуть не лучше польских магнатов.

Разумеется, ни царь, ни украинская чернь не могли пройти мимо таких обещаний. В Нежине была созвана «чёрная рада», то есть на ней присутствовал весь народ, а не только казацкая старшина. Царские посланцы хоть и не имели на раде право

голоса, но впервые не скрывали своих симпатий к одному из кандидатов. Большинство голосов гетманом провозгласили Ивана Брюховецкого.

Казацкой старшине это не понравилось, и прямо на раде между сторонниками и противниками Брюховецкого началась драка. Разумеется, чернь одержала верх, т.к. количественно превосходила старшину. Царскому послу пришлось прятать от расправы казацкую верхушку в своём обозе. Более того, новоизбранный гетман дал своим сторонникам три дня на разграбление имущества казацкой старшины. Грабежи и убийства продолжились гораздо дольше.

Новый гетман везде, на все посты, поставил своих запорожцев. Запорожская Сечь была пристанищем отверженных, беглецов с родных мест, которым нечего терять. Сюда приходили люди с Украины и России, с других соседних стран – принимали всех! Было много авантюристов и любителей повоевать/пограбить. Сечь жила набегами на турецкие города и сёла – других источников существования у неё не было. И вот эти отверженные и обездоленные люди неожиданно получили власть, а вместе с ней и богатства, о которых ранее не смели даже мечтать! В Малороссии начались страшные времена террора черни, дорвавшейся до власти.

Осенью 1665 года гетман Брюховецкий отправился в Москву, там был принят с большим почётом, пожалован боярином, женился на боярской дочери и получил богатую вотчину от царя, а приехавшие с ним полковники пожалованы в дворяне. Желая угодить Москве, Брюховецкий сам предлагает уничтожить украинские привилегии. Гетман просит умножить в Малороссии количество царских воевод, ввести кабацкую продажу вина, сделать перепись народа, установить на великорусский образец ценовальников и прислать митрополита из Москвы вместо выборного.

И новые воеводы были посланы в Прилуки, Лубны, Гадяч, Миргород, Полтаву, Батурин, Глухов, Сосницу, Новгород-Северский и Стародуб, а с ними, конечно, и войска. Брюховецкий хлопотал, чтобы их было побольше!

В Малороссию приехали переписчики и стали переписывать всех людей по городам и сёлам и облагать их налогами. В городах установили целовальников для сбора царских доходов.

Таким образом, благодаря Брюховецкому, царь ещё раз существенно ограничил автономию и привилегии украинской старшины и самого гетмана. В осуществлении власти на Украине всё большее значение приобретает созданный в Москве в 1663 году Малороссийский приказ. Местная украинская администрация была поставлена под контроль царских воевод. Разве гетман Брюховецкий не достоин звания героя России?

Когда Брюховецкий вернулся из Москвы на Украину, он быстро понял, что его ненавидят там все слои населения. Казацкая старшина за урезание её привилегий, а крестьяне за нарушение гетманом предвыборного обещания записать всех желающих в казаки. Горожанам не нравились царские воеводы и их стрельцы. И поголовно все украинцы ненавидели гетмана за его непотребный образ жизни: распутство, пьянство и стяжательство.

Особенно казаков возмутили новые титулы гетмана и тех, кто с ним ездил в Москву.

– У нас прежде бояр не бывало! – говорили они.

Один из полковников так испугался, что публично заявил:

– Мне дворянство не надобно: я по-старому казак!

Как видите, верхом мечты казаков остаётся возведение в шляхетское звание польским королём. Русское дворянство и даже боярство казаки презирают. И это ещё один кирпич в стене, разделяющей русских и украинцев. Ни гетманы, ни старшина ничего не сделали для разрушения этой стены. Наоборот, они старательно её укрепляли, всё более погружая и себя, и простой народ в омут крайнего национализма.

Брюховецкий испугался за свою жизнь. Он решил привлечь на свою сторону хотя бы казацкую старшину, недовольную потерей части своих свобод и привилегий. Царь, естественно, взятое назад не вернёт, поэтому собранные гетманом на совет полковники решили отторгнуться от Москвы и поддаться турецкому султану.

Когда об измене Брюховецкого узнали в Польше, то сказали русским послам:

— Надобно нашим государям послать войска — выжечь и перебить этих изменников-казаков, чтоб места их были пусты, потому что они и вам, и нам изменяют, и добра от них не будет!

Царь послал в Малороссию войско под началом князя Ромодановского для наведения порядка, но казаки сами убили Брюховецкого, и на Украине вновь началась чехарда гетманов.

В марте 1669 года, в городе Глухове была собрана рада, и на ней был избран в гетманы Малороссии Демьян Многогрешный. По новому договору царь ограничил количество казаков до 30 тысяч. Гетманы отныне не только избираются на раде, но и утверждаются царём. Кроме того, гетманы лишались права сношения с иностранными государствами. В Малороссии учреждался особый казачий полк в 1000 человек, обязанный отслеживать, где начинаются бунты, и подавлять их в начале. Этот полк назван компанейским. Митрополитом в Малорос-

сию Москва прислала черниговского архиепископа Лазаря Барановича.

Как видите, измена Брюховецкого позволила ещё более урезать казачьи привилегии и усилить власть царя в Малороссии. Гетман Брюховецкий просто героически послужил России!

Многогрешный тоже не долго продержался в гетманах. Он был пьяница, а в пьяном виде не воздержан на язык. Этим и воспользовались его враги. Казаки сами схватили гетмана и отправили его в Москву вместе обширным доносом, в котором обвиняли Многогрешного в измене, сношениях с правобережным гетманом Дорошенко, в поношении царя и т.п. Под пытками Многогрешный отверг обвинения в измене, но сознался, что в пьяном виде говорил «неистовые речи». Старшина просила царя казнить гетмана, но царь сослал Демьяна Многогрешного в Тобольск.

Видите, как изменилась обстановка в Малороссии? Казачья старшина не расправилась сама с неудобным гетманом, а отправила того в Москву, на суд царя! И царь вынес свой приговор, а не утвердил казачий. Как известно, римский прокуратор Пилат в подобной ситуации «умыл руки», хотя власти в Иудее у него в то время было несравнимо больше, чем у русского царя в Малороссии! Измена Многогрешного, пусть и не на деле произошедшая, а только на словах, наглядно проявила усилившуюся власть и авторитет царя в Малороссии. Отныне участь гетманов-изменников будет определять царь, а не казаки.

Гетман Иван Самойлович

17 июня 1672 года, недалеко от Конотопа, в Казачьей Дуброве, новым гетманом рада избрала Ивана Самойловича. Этот гетман верно служил России пятнадцать лет. И сгубили его по-

лученные в наследство от Богдана Хмельницкого украинский национализм, проявившийся в пренебрежении к русским, и жажда удержать хотя бы остатки «самостийности» Малороссии.

В 1686 году Москва приняла решение уничтожить Крымское ханство, издавна досаждавшее русским городам и сёлам регулярными грабительскими набегами, даже не смотря на то, что Россия ежегодно платила хану дань деньгами и пушниной! Казаки гетмана должны были принять участие в намечающейся войне. После краха Правобережья, у казацкой старшины остался всего один возможный союзник против царя – крымский хан. Если Украина в очередной раз решит отложиться от России в погоне за самостийностью, то ей больше не к кому обратиться за помощью. Казаки и крымчаки не раз устраивали ранее совместные набеги на Польшу и Россию.

Самойлович завидовал тому, что крымчаки живут совершенно самостоятельно, лишь формально подчиняясь турецкому султану. Вот бы и Малороссии так жить, лишь формально подчиняясь русскому царю, как это было при Богдане Хмельницком! – мечтал Самойлович. Гетман вёл широкую торговлю с ханом, что не мало способствовало обогащению его семьи. Короче, Самойловичу война с ханом была совершенно не выгодна, он прекрасно понимал, что уничтожение крымского ханства серьёзно подорвёт его личное благополучие и окончательно похоронит надежды казацкой шляхты когда-либо вырваться из-под власти Москвы. Гетман не скрывал своего недовольства и открыто называл предпринимаемую войну «чертовскою, гнусною», величал Москву глупую:

– Хочет дурна Москва покорить государство крымское, а сама себя оборонить не может.

Весной 1687 года стотысячное русское войско под предводительством фаворита царевны Софьи, князя Василия Голи-

цына, двинулось в южные степи. На Самаре к нему присоединился со всеми своими полками гетман Самойлович. 14 июня войско дошло до речки Карачакрана и встретилось с неожиданным препятствием. Вся степь была выжжена, продовольствие для лошадей, конечно, не везли. Лошади начали погибать. Продолжать поход стало невозможно. Пришлось прекратить войну, не начав, и позорно повернуть назад.

У Голицына не было ни малейшего сомнения, что татар предупредил гетман, тем более, что Самойлович не сдерживая своего злорадства открыто говорил:

– Не сказывал ли я, что Москва ничего Крыму не сделает. Се ныне так и есть; и надобно вперёд гораздо им от крымцев отдыматься.

Даже из этих слов видно, что гетман ни в малейшей степени не считает себя и вообще малороссов гражданами России. Поражение потерпела лишь Москва, а казаки вроде как просто погулять вышли! Гетман Самойлович за 15 лет правления под защитой московского царя, как говорится, зажрался и оторвался от реальности. Но казацкая старшина, с которой он давно перестал считаться, прекрасно понимала, что Голицын не простит казакам предательства и позора поражения.

Когда войско вернулось из похода и стало станом над рекою Коломаком, старшина тут же подала донос на гетмана, в котором обвинила Самойловича в предательстве и дурном поведении. Старшина просила от имени всех казаков сместить и наказать гетмана. Более того, Голицыну прямо сказали, что казаки выберут в гетманы того, на кого он укажет!

Голицын понял, что может обернуть поражение в войне с Крымом в политическую победу в Малороссии. Как предста-

витель царя он арестовал Самойловича. На суде Голицыну не пришлось ничего делать самому, т.к. на его вопрос, в чём вина гетмана, казаки дружно ответили:

– Велики были оскорбления, нанесённые гетманом всему народу, а многим из нас наипаче; но мы бы не наложили рук на его особу, если б не его измена; об этом нельзя было нам молчать; гетман всеми ненавидим; и так много труда стоило удержать народ; он бы разорвал его на клочки!

Голицын объявил выборы нового гетмана и прямо указал старшине на Ивана Мазепу. Кроме того, князь включил в договор пункт, вменяющий гетману и старшине в обязанность соединять малороссийский народ с великорусским как посредством браков, так и другими путями, и чтобы отныне все считали малороссию с великороссиянами за единый народ.

Как видите, то, что украинцы пытались получить у Польши силой, России пришлось им буквально навязывать и вносить отдельным пунктом в договор: равенство (и даже единство) народов. Но дальнейшая история показала, что пустивший к этому времени глубокие корни украинский национализм уже стал не средством сплочения народа в борьбе за свободу и равенство, а стеной, отгородившей украинцев от русских. И никакие договора не смогут это изменить. Однако русско-украинским бракам в Малороссии с тех пор больше не чинили откровенных помех.

25 июля рада покорно утвердила гетманом Ивана Мазепу. Вот так предательство гетмана Самойловича нанесло удар по украинскому национализму и превратило внешне свободные выборы гетмана в фактическое назначение его Москвой. Самойлович был сослан в Сибирь, всё его имущество конфисковали и поделили поровну между царской казной и казацкой. Разве гетман Самойлович не славно послужил интересам России?

Прежде чем приступить к героическим делам на благо России гетмана Ивана Мазепы мы можем подвести следующий итог: всего за три десятилетия Украина утратила все свои привилегии и вольности, с которыми входила в состав России, и полностью подчинилась власти московского царя и его чиновников. Произошло всё это не в результате каких-либо кровопролитных русско-украинских войн, а лишь из-за крайнего национализма и регулярного предательства всех украинских гетманов! Этот наглядный урок не пошёл украинским националистам впрок тогда, не идёт и ныне.

Гетман Иван Мазепа

Мазепа, до того как стать гетманом, успел побывать комнатным дворянином при польском короле Яне-Казимире, потом дослужился до генерального писаря у правобережного гетмана Дорошенка, а затем – до генерального есаула у гетмана Самойловича. Самойлович даже поручил Мазепе воспитание своих детей. Мазепа, как видно из его послужного списка, успел попробовать на собственной шкуре все варианты метаний казацкой старшины.

По заданию Самойловича Мазепа несколько раз ездил в Москву, где познакомился с фаворитом царевны Софьи боярином Голицыным и сумел понравиться тому и убедить, что не мыслит судьбу Малороссии вне России.

За своё избрание гетманом Мазепа «подарил» Голицыну 10 тысяч рублей и в дальнейшем всячески старался тому угодить, а когда Пётр в 1689 году отстранил от правления Софью и отправил её фаворита в ссылку, постарался понравиться молодому царю. Он сумел убедить Петра в своей преданности. Почти двадцать лет(!) своего гетманства Мазепа верно служил России. В 1700 году Пётр сделал Мазепу кавалером ордена Ан-

дрея Первозванного, первого российского ордена. Мазепа был вторым, кого наградили этим орденом царь! По уставу кавалерами ордена Андрея Первозванного могло быть одновременно не более двенадцати человек. Героев России, как известно, гораздо больше. В 1703 году царь подарил Мазепе Крупицкую волость. Почему же столь верный и обласканный царём Мазепа всё же предал Россию?

Ослабление Речи Посполитой и война в Германии привели в середине XVII века к возникновению в Европе нового сильного шведского государства, захватившего почти все земли вокруг Балтийского моря, которое даже стали называть «Шведским озером».

К началу XVIII века Швеция находилась в зените своей славы, она – сильнейшее государство Европы, обладающее талантливым полководцем в лице своего короля Карла XII и непобедимой пока никем армией.

В 1700 году русские войска осадили Нарву. Ими командовал французский герцог де Сент Круа. Нарву защищал немногочисленный гарнизон. Осада затянулась, и к Нарве успел подойти Карл XII, у которого было всего 8 тысяч человек и 37 орудий. У русских было 42 тысячи человек и 145 орудий. Армия Петра сумела отразить только первую атаку шведов, а затем побежала. Шведам досталась вся русская артиллерия и обоз. Потери русской армии составили 6 тысяч убитыми и ранеными. Шведы потеряли 2 тысячи.

Царь Пётр не стал предаваться унынию. По его приказу развернулось лихорадочное строительство новых заводов. В 1701-1704 годах на Урале четыре крупнейших металлургических завода начали выпуск железа, чугуна, ядер и пушек. В районе Белозёрских и Олонецких рудных месторождений было построено пять металлургических и оружейных заводов. Одновременно

строились мануфактуры, которые обеспечили армию обмундированием и снаряжением, кожевенный и портупейный заводы и т.д. По приказу царя Петра из церковных и монастырских колоколов было отлито 270 орудий. Пётр в кратчайшие сроки формирует новую армию, вооружает её, одевает, реформирует и обучает.

Почему после Нарвы Карл XII не пошёл на Россию? Потому что он был молод и мечтал о славе. Лёгкий разгром огромной, но плохо обученной русской армии мало что мог добавить к славе Карла. А шведский король рвался именно к европейской славе непобедимого полководца. Он мечтал диктовать свою волю европейским монархам, а не русским варварам.

Разгромив армию Петра, Карл XII посчитал, что надолго вывел Россию из игры, что тылы у него в полной безопасности, и всеми силами ринулся в Европу, где в полной мере осуществлял свою мечту: громил армии европейских монархов, свергал и сажал на трон королей.

Легко разгромив Польшу, Карл сделал польским королём Станислава Лещинского. В 1705 году новый польский король предложил Мазепе вернуть Украину в состав Польши на правах широкой автономии. Мазепа переслал письмо Лещинского царю с жалобой, что враги оскорбляют его, считая способным к измене своему государю.

Но вот, в 1708 году Карл, наконец, решил заняться Россией. Главные русские силы находились в это время в районе Вильно – Минск. Так как шведский король с частью своей армии был в Мазовии, то он решил начать свой поход через Белоруссию по маршруту Минск – Смоленск – Москва. Русские войска не вступали в прямой бой с армией Карла, а организованно отступали в глубь страны. Жителям приказали отходить в леса и болота, зарыв всё, что нельзя взять с собой.

Узнав, что Карл XII двинулся на Москву, Мазепа задумался о собственной судьбе: что его ждёт, когда Россия падёт? Пример Польши был перед глазами, и Мазепа понял, что если он останется верен России, то потеряет гетманскую булаву, когда Карл разобьёт Петра. Об этом же вновь писал Мазепе и шведский ставленник на польском троне Лещинский, предлагая гетману немедленно вернуть Украину в состав Польши. В этом случае казакам не придётся гибнуть в бессмысленных боях с непобедимыми шведами, а Мазепа сохранит свою гетманскую булаву, но уже под эгидой польского короля. В том, что победят именно шведы, никто в то время не сомневался, даже царь Пётр, запретивший своей армии вступать в прямое сражение с наступающим Карлом. А ведь на соединение с армией короля шли ещё не малые силы из Прибалтики под управлением Левенгаупта!

Казацкая старшина тоже не желала терять свои должности и владения, не говоря уж о жизни, и требовала от гетмана принять предложение польского короля. Мазепа был далеко не дурак и не желал становиться марионеткой марионетки. Другое дело – отдаться под власть Швеции! Карлу выгоднее иметь сравнительно самостоятельную Украину рядом с ненадёжной Польшей, а не в её составе. На этом гетман и решил сыграть. Но с предательством нужно было успеть до решающего сражения между шведами и русскими, потом оно уже будет бессмысленно!

В июне войска Карла были в районе Минска, затем шведы переправились через Березину и неожиданно двинулись к Днепру. Карл послал распоряжение Левенгаупту, командующему шведскими войсками в Ливонии, идти к нему на воссоединение в район Могилёва. Почему король изменил свои планы? Потому что получил послание гетмана Мазепы, который обязался дать шведам зимние квартиры в Черниговщине, довольствоваться их в течение всего похода и присоединиться к шведскому войску со своими казаками. В Белоруссии перед шведами лежала

пустыня без запасов и людей, поэтому Карл изменил свои планы и решил начать завоевание России с Украины.

Когда царь Пётр узнал, что Карл повернул войска на Малороссию, он приказал Меньшикову уничтожить все запасы, которые Мазепа собрал на Черниговщине, а самому Мазепе было велено прибыть в русскую ставку и принять на себя командование казацкой конницей. Затем, возглавив небольшой отряд в двенадцать тысяч человек, Пётр перехватил и 28 сентября наголову разбил пятнадцатитысячный корпус Левенгаупта в битве при Лесной. Шведы потеряли 8 тысяч человек убитыми и ранеными, около тысячи пленными. Русские солдаты захватили сорок четыре знамени и семнадцать орудий и весь обоз с припасами армии Карла XII. Это было первое сражение, выигранное русскими войсками в Северной войне над превосходящими силами противника. Моральное значение этой победы было огромно, но и материальные последствия не менее важны: шведы лишились столь нужных им продовольственных и боевых припасов, в том числе и необходимого их артиллерии пороха.

Разумеется, гетман не собирался ехать в ставку Петра и потому написал царю, что его мучают «подагричные и хирагричные припадки», а страшные боли мешают ездить верхом. Но царь всё равно требовал приезда Мазепы в русскую ставку. А тут ещё и Меньшиков пригласил гетмана на совещание. И если Пётр далеко, то Меньшиков тут, рядом. Мазепа послал к царскому любимцу своего племянника Войнаровского с известием, что находится при смерти и отъезжает из Батурина в Борзну, где намерен сразиться.

Меньшиков искренне пожалел больного старика и решил сам ехать к гетману. Войнаровский тут же предупредил об этом Мазепу, и тот немедленно выехал из Борзны в Батурин, а из Батурина на следующий день – в Короб, а ещё через день

гетман рано утром переправился с отрядом в 1500 человек через Десну и поехал в ставку шведского короля.

Меньшиков не успел доехать до Борзны, как узнал, что гетмана там уже нет. Меньшиков поворачивает в Батурин, но и там «умирающего» Мазепы тоже уже нет. Меньшиков едет в Короб и узнаёт о переправе гетмана через Десну. Тут только Меньшикову окончательно становится ясно то, чего он не хотел даже подозревать. 26 октября Меньшиков известил государя об измене гетмана.

Конечно, Мазепа «оправдывал» своё предательство высокой целью достижения независимости Украины, а не презренным желанием сохранить собственные власть и богатства. 30 октября Мазепа писал стародубскому полковнику Скоропадскому:

«Я ... понял, что бессильная и невоинственная московская потенция, спасаясь всегда бегством от непреодолимых шведских войск, вступила к нам не ради того, чтобы нас защищать от шведов, а чтобы огнём, грабежом и убийством истреблять нас. И вот, с согласия всей старшины, мы решились отдаться в протекцию шведского короля в надежде, что он оборонит нас от московского тиранского ига и не только возвратит нам права нашей вольности, но ещё умножит и расширит, в этом его величество уверил нас своим неотменным королевским словом и данной на письме ассекурацією».

В конце письма Мазепа предлагал Скоропадскому уничтожить русский гарнизон в Стародубе и присоединиться к нему.

Предательство Мазепы чрезвычайно поразило Петра. 6 ноября в Глухове по приказу царя новым гетманом был избран оставшийся верным России стародубский полковник Иван Скоропадский.

9 ноября 1708 года в соборной Троицкой церкви был совершён обряд проклятия Мазепы. Духовенство пропело над манекеном Мазепы трижды анафему его имени. Потом с манекена сняли знаки ордена Андрея Первозванного, и палач потащил манекен по улице верёвкой и повесил на виселице. По приказу царя Петра для Мазепы была изготовлена огромная медаль весом в двенадцать фунтов с изображением Иуды и надписью:

«Треклят сын погибельный Иуда, еже за сребролюбие давится».

К сожалению, гетман-предатель так и не получил эту награду.

Духовенство распорядилось, чтобы по всей Малороссии на церковных дверях прибили объявление, извещавшее, что Мазепа со всеми своими единомышленниками, приставшими к врагам, отлучён от церкви и проклят. Такая же кара грозит всем, кто окажет сочувствие изменникам или пристанет к неприятелю.

К разочарованию короля Карла Мазепа привёл с собой не более четырёх тысяч человек, большинство из которых были совершенно неуправляемые запорожские казаки, немедленно начавшие в шведском стане воровство, пьяные дебоши и убийства. Обещанные гетманом припасы были уничтожены драгунами Меншикова. Малороссы не поддерживали гетмана-предателя. Это старшина стремилась сохранить свои должности и богатства, а простые казаки и народ не желали покоряться иноземным завоевателям.

Карл соединился с остатками войск Левенгаупта и расположил свою армию на севере Полтавской губернии. Зимовка у шведов получилась не такая, на которую они рассчитывали,

поверив обещаниям Мазепы. И конница Меньшикова не давала шведам скучать: освободила более тысячи русских пленных и захватила несколько пушек. В отличие от шведов, солдаты Петра не долбили мёрзлую землю и имели всё необходимое.

Изнурённые лютой зимой шведы решили весной 1709 года, следуя совету Мазепы, взять Полтаву. Гетман убедил Карла, что тот захватит в Полтаве большие запасы снаряжения и продовольствия. Осада Полтавы началась в конце апреля. Гарнизон города состоял всего из семи тысяч человек, три из которых составляли вооружённые мещане. У Карла было 33 тысячи солдат, не считая казаков Мазепы, число которых значительно уменьшилось к этому времени в результате непрерывного дезертирства.

Два месяца шведы штурмовали город. Карл потерял пятую часть своей армии и израсходовал почти все боевые запасы! В результате, когда в конце июня Пётр привёл под Полтаву свою армию в 42 тысячи человек, у Карла осталось всего 28 тысяч солдат и боезапас на четыре орудия. Спасти шведов могла только быстрая победа. Однако русские уже были не те, что под Нарвой. Царь Пётр хорошо подготовился к битве и с умом выбрал позицию для так называемой «активной обороны».

Ранним утром 27 июня шведы ринулись в атаку, но были отбиты. Второй атаки не последовало, и тогда русские сами перешли в наступление, и около полудня всё было кончено. Русские потеряли 4635 человек – чуть более 10% своей армии. Потери шведов составили 9234 человека и 18746 человек попали в плен. Русские захватили 137 знамён и штандартов, 32 орудия.

Карлу XII и Мазепе удалось бежать к туркам. Причём Мазепа прихватил с собой довольно внушительную казацкую казну.

Разделавшись со шведской армией под Полтавой, Пётр двинулся в Прибалтику, где, наконец, и «прорубил окно в Европу». Россия получила выход к Балтийскому морю, ряд первоклассных портов и благоприятные условия для торговли с Западной Европой.

Мазепа скончался от старости уже 18 марта 1710 года в селе Варницы, близ Бендер. Он не нуждался в деньгах, но, я уверен, ясно осознавал, что сам лишил себя всего: родины, честного имени, славы, власти и уважения, прожив последний год своей долгой жизни на чужбине с клеймом предателя.

Итак, что мы имеем в итоге?

Предательство Ивана Мазепы спасло Россию от поражения в войне со Швецией. Заманив армию Карла XII на Украину, гетман дал царю Петру целый год для набора, обучения и вооружения русской армии. Поворот Карла на Могилёв отсрочил соединение двух частей шведской армии, что дало Петру возможность разгромить корпус Левенгаупта и лишить шведскую армию столь необходимых ей в Полтавской битве боеприпасов и немалой когорты солдат.

Зимовка шведов в неблагоприятных условиях на Украине, без тёплых квартир и достаточных запасов продовольствия, дополнительно уменьшила и физически изнурила армию Карла.

То, что по совету всё того же Мазепы шведы значительно обессилили себя неудачной осадой Полтавы, тоже в немалой степени повлияло на результат решающего сражения.

Гетман Мазепа, даже если бы он намеренно действовал на благо России, вряд ли смог сделать для победы Петра больше, чем сделали его предательство и советы шведскому королю! Слава Янусу, что Мазепа давал советы Карлу, а не Петру!

Благодаря Мазепе, Швеция перестала существовать как сильнейшая европейская держава, зато Россия превратилась в мощную империю. Однозначно, гетман Мазепа вполне достоин звания героя России!

И вот сейчас, через триста лет после падения Мазепы, Украина вновь начала борьбу за равноправие и независимость, показав, что история её ничему не научила. Вновь поднят на щит махровый национализм, вновь дерутся за «гетманскую булаву» «борцы за самостийность», и вновь против бывшей метрополии привлечена «дубина» сильного соседа. Только теперь вместо Польши врагом объявлена Россия, а вместо Московского царства в защитники выбран Европейский Союз. Но на этот раз далёкой сильной «швеции» в лице США всё же удалось посадить в «гетманы» Украины свою марионетку.

По-прежнему Украина требует равенства от бывшей метрополии и возмущается тем, что Россия ведёт себя с позиции «старшего брата». Никак эти борцуны-националисты не поймут, что не может быть никакого равенства между сильным и слабым, нищим и богатым, просящим и дающим, малым и большим.

Украина не сделала правильных выводов из собственной истории. Более того, она решила эту историю переписать в угоду нынешним мазепам, чтобы они могли чувствовать себя героями, а не теми, кем на самом деле являются.

Жаль, если и Россия не сделает правильных выводов из истории борьбы Польши за удержание Украины. Польша в этой борьбе только теряет.

Украина ушла из России, с этим надо смириться и принять как свершившийся факт.

Последние годы показали, что все подачки и так называемые «льготные цены на газ» воспринимаются украинцами как должное, как обязанность, а не добровольная помощь России братской Украине. Украина уже не просит, а диктует России условия, опираясь на всемерную поддержку Европейского Союза! Вполне отчётливо можно наблюдать реализацию народной мудрости: «Посади свинью за стол, она и ноги на стол!» В бессмысленных попытках удержать Украину Россия уже потеряла миллиарды долларов на льготах, ничуть не приблизив к себе Украину. Зачем России повторять ошибки Польши? Раз Украина желает быть самостоятельной и равной своим соседям, то и относиться к ней надо так же, как к европейским странам, вставшим на её «защиту». Сможет Украина подтвердить свои самостоятельность и равенство на деле, а не на словах, значит – она действительно их достойна. Не сможет – пусть её содержит новая метрополия, а не Россия. Рано или поздно, как показывает история, Украина обретёт себе нового хозяина, быстро потеряв все свои нынешние «свободы».

О КРАХЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В литературных кругах (и не только в них) периодически возникают одни и те же споры.

Одни оплакивают гибнущую, по их мнению, русскую культуру. И литературу как часть её. Их доводы звучат так:

Издатели сделали ставку на чисто коммерческую литературу. Действительно талантливых авторов просто не печатают или превращают в «литературных негров». Всё меньше людей читает книги, а прилавки магазинов заполонило откровенное развлекательное чтиво, в массе которого практически невозможно отыскать настоящую литературу – литературу мыслей, идей и чувств. Страницы так называемых «бестселлеров» щедро удобрены матом и заполнены сценами кровавого насилия и порнографии. Тиражи упали в десятки раз по сравнению с советским прошлым.

Другие снисходительно вещают в ответ, что с культурой всё в порядке, а с литературой – тем более. Доводы этих:

Только давно устаревшие и выкинутые на свалку истории апологеты романтизма могли писать свои слащавые романы под лозунгом «Принцессы не какают!». Мы-то с вами прекрасно знаем, каковы эти принцессы на самом деле! Папарацци не зря едят свой хлеб. Литература стремительно развивается, её язык всё более становится народным, а раз народ у нас общается повсеместно и исключительно матом, то, стало быть, мат – неотъемлемая часть русского языка, и употреблять его в своих произведениях современные авторы просто обязаны. Ну, а насилие и секс – это тоже наши будни. Писатели не могут и не должны игнорировать правду жизни. Реализм, так сказать, во всей красе! Что же касается заполонивших книжные прилавки боевиков, любовных ро-

манов и «сказок для взрослых» (фэнтези), то и тут никакой беды нет. А совсем даже наоборот! У народа тяжёлая жизнь, и литература взяла на себя благородную миссию, стараясь развлечь людей, увести их от серых будней в яркую сказку. И народ рублём подтверждает правильность выбранной издателями политики.

Я всегда был сторонником первой группы, но сейчас, когда пыл очередной такой дискуссии несколько угас, неожиданно задумался: а действительно ли русская культура гибнет? И с удивлением понял: ничего подобного! Русская культура (как и все прочие) определяется не развлекательным ширпотребом, а шедеврами мысли и искусства. Именно шедевры, созданные для культурной элиты, остаются жить в веках, а всё прочее общепризнанное чтиво бесследно исчезает.

Сейчас некоторые бросятся обвинять меня в том, что я разделил народ на элиту и быдло. Не торопитесь. Я никого не собираюсь оскорблять или превозносить. Советская эпоха декларативного равенства осталась позади. Все люди – разные. И по положению в обществе и по интеллектуальному развитию. Оставим социальную и материальную сферы за скобками. Поговорим о культуре.

Всегда, во все времена в огромной массе простого народа была, есть и будет небольшая прослойка интеллектуальной элиты. Именно она порождает и потребляет элитарное искусство. Изначально любой нормальный человек может стать частью элиты, если ему удастся соответствующе развить свой интеллект и культуру. Достаточно привести в пример древнегреческого раба Эзопа и нашего русского мужика Михайлу Ломоносова. Они оба, несмотря на неблагоприятные стартовые условия, в итоге смогли занять достойные места в рядах культурных элит своих народов, причём в высшей категории творцов! Рождение в аристократической или просто богатой семье облегчает старт, но не гарантирует финиш. Всё зависит от самого человека. Не

каждый, конечно, может стать творцом. Но любой может постараться развить свои культуру и разум и войти в ряды интеллектуальной элиты. Даже оставаясь далеко за пределами социальной. Это, конечно, очень трудно, но вполне возможно. Тем более, сейчас, в эпоху всеобщей грамотности и интернета.

Элитарное искусство многослойно и требует от своего потребителя высокого уровня развития и немалого багажа знаний. Оно наполнено идеями и так называемыми аллюзиями, разглядеть, а тем более понять которые способен далеко не каждый представитель той же элиты. Просто в силу того, что человек не может знать всё то, что известно автору, на что тот опирался в своём творчестве. Поэтому элитарные произведения всегда вызывают споры и дискуссии. Перечитывая такие книги, люди каждый раз находят, в казалось бы досконально известном им тексте, новые откровения и повороты. Ничего подобного нет и не может быть в развлекательном чтиве. Просто потому, что у чтива изначально совершенно иная задача. Оно воздействует на чувства, а не на разум, и посему доступно любому мало-мальски грамотному потребителю.

Возьмём, к примеру, русскую литературу. Она изначально была уделом и игрушкой избранной элиты русского общества. Церковную литературу по понятным причинам я тут не рассматриваю. Народ был неграмотен, и, соответственно, писатели и поэты адресовали свои произведения небольшой группе образованной части русского общества. Кроме того, со времени правления Петра Первого представители высшего русского общества всё больше разговаривали между собою на иностранных языках, оставляя русский исключительно для общения с прислугой и народом. Таким образом, две части русского общества всё более отдалялись друг от друга, говорили на разных языках. Разумеется, не нужно понимать меня буквально! Элита знала русский язык гораздо лучше простого народа. Речь о приоритетах общения. Вспомним роман Льва

Толстого «Война и мир». Там многие страницы диалогов русской знати целиком написаны на французском языке. Читатели, которым был адресован роман, прекрасно знали французский язык. Толстой писал не для народа! То же самое можно сказать и о всех прочих классиках русской литературы досоветского периода. Так что у элиты была своя литература, выросшая на лучших образцах европейской поэзии и прозы.

А как же тогда жил народ? В темноте и бескультурии? Нет, конечно! У народа была и есть своя культура: песни, сказки, частушки, поговорки, былины и т.п. и т.д. Фольклор. Собственно, такая же ситуация сложилась и у других народов, русский тут вовсе не исключение. С совокупность народных и элитарных шедевров и составляет национальную культуру. Но при этом каждая составляющая мнит себя главной!

Когда количество грамотных среди народа стало возрастать, появился и пласт «литературы для народа». Спрос, как известно, рождает предложение. Разумеется, это была и остаётся поныне чисто развлекательная литература, лишённая каких-либо философских мыслей или идей. Рядом с элитарной литературой идей, возбуждавшей каждым своим произведением жаркие споры между читателями, всё более разрастался поток «литературной жвачки», призванный развлечь, а не увлечь. Элита обсуждала проблемы общества, поднятые в романах Тургенева, Толстого, Чернышевского, Достоевского, а простой народ зачитывался дешёвыми книжонками о любовных страстях и приключениях. Литераторы обоих направлений взяли на вооружение созданный Пушкиным язык, максимально приближенный к разговорному, но ни о каком культурном сближении народа и элиты речь не шла.

Мало обучить народ грамоте. Это только первый шаг на долгом пути повышения культуры. Нужно ещё дать людям научные и философские знания, расширить их кругозор, приобщить и к собственным, и к зарубежным источникам знаний, а

вот этого-то как раз элита делать не хотела. Были, конечно, энтузиасты, которые «шли в народ», организовывали школы для крестьянских детей и т.п. Расцвет типографского дела в России и появление целой индустрии дешёвых книжек «для народа» тоже сыграли свою роль. Лев Толстой сам перевёл «французские страницы» своего романа, чтобы он стал доступен не только для русской элиты. Но тут нужен государственный, системный подход, а не утопические порывы одиночек. Поэтому разрыв культур сохранился. Они так и существуют параллельно до сих пор, не смешиваясь, но оказывая влияние друг на друга.

Почему же периодически раздаются стенания о гибели русской культуры? Тут на мой взгляд существуют как минимум три причины.

Первая – это наличие в нашем недавнем прошлом советского периода, когда была предпринята реальная попытка насильно сблизить культуры народа и элиты. Но сделано это было, как и большинство начинаний советской эпохи, весьма неуклюже, так как нигде в мире ничего похожего ранее не происходило. Не было исторического опыта, на который могли бы опереться советские экспериментаторы.

Да, первый шаг был успешно сделан: народ реально получил всеобщую среднюю грамотность и возможность дальнейшего культурного роста. С другой стороны, старая элита русской культуры была практически уничтожена или дискредитирована по политическим мотивам. А новая, почти лишённая корней, выросла из того же народа. То есть, движение снизу было, а вот сверху протянуть руку помощи было уже некому.

И всё же уровень общей культуры советского народа был гораздо выше, чем в царское время и ныне. В СССР в свободном доступе оставались лучшие образцы русской и зарубежной литературы. Русская классика входила в школьную програм-

му, по ней снимались фильмы, ставились спектакли. Одним словом, государство оставило «маяки», к которым нужно тянуться, и решительно пресекало любые явления, ведущие по его мнению к деградации. Да, многие книги тогда были дефицитом, но, возможно, именно это обстоятельство подвигало читателей на их поиск и прочтение. Однако классика была в обязательном порядке в каждой публичной библиотеке, издавалась многотысячными и даже миллионными тиражами. Книги не просто читали – их обсуждали! Сейчас никто ничего не ищет, а обсуждения свелись к банальным «понравилось» или «не понравилось». Обсуждать, собственно, и нечего. Отсюда и ощущение всеобщего упадка и разрушения культуры.

Вторая причина – непомерное разбухание объёма развлекательного чтения. Грамотных стало больше, а культурных меньше. Потому как с крахом советской школы и роспуском молодёжных организаций о повышении культуры народа никто больше не заботится. Ну, а если за растением не ухаживать, оно завянет.

Третья причина – власть фактически смотрит сквозь пальцы на внедрение нынешними «экспериментаторами» ненормативной лексики в литературу, театр и кино. Да, на государственных каналах телевидения и в других СМИ цензура мат отсекает. Но разве литература, театр и кино находятся вне государственных интересов и влияния? Разве они вне русской культуры, о повышении или хотя бы сохранении которой должно заботиться государство? Когда в ходу двойные стандарты, они сразу же перестают быть таковыми, а потому легко нарушаются и становятся предметом насмешек.

Пресловутый лозунг «Мат – часть русского языка» стал индульгенцией для нынешних «деятелей искусства». «Народ так говорит!» – заявляют они. Ну и что? Во-первых, не весь народ. Во-вторых, не всегда и не везде. В-третьих, народ ещё и водку

пьёт, и морды бьёт. Это беда народа, его болезнь, а не достоинство. С бедой надо бороться, болезнь лечить, а не культивировать их. Да, принцессы тоже какают, но интересны они вовсе не этим. Раньше, в советские времена, детские сады, школы, пионерские и комсомольские организации были призваны воспитывать детей – будущий народ. Они объясняли, «что такое хорошо, а что такое плохо». С этого начиналась для детей официальная культура. Личная культура всегда начинается и заканчивается в семье.

Хочу задать вопрос. Чего вы сами хотите: чтобы ваши дети стали лучше, культурнее вас, или чтобы они начали пить водку, изъясняться исключительно матом и считать верхом искусства похабные анекдоты? В каком обществе вы сами хотите жить? Думаете, Пушкин, Достоевский или Горький не знали мата? Конечно, знали! Но прекрасно обошлись без него в своих произведениях, стали классиками русской литературы. Потому что они были настоящими деятелями культуры. Деятелями! Делали культуру, а не разрушали её. Нынешние апологеты мата просто плохо знают русский язык. Им не хватает словарного запаса, вот они и сбиваются на лёгкий путь матерщины. Есть, конечно, и сознательно спекулирующие на низменных вкусах и инстинктах толпы. С настоящей культурой подобные поделки не имеют ничего общего.

Почему мы называем Александра Пушкина «наше всё»? Потому что Пушкин постарался преодолеть пропасть между элитарной и народной культурами. Он фактически создал современный литературный язык, на котором до сих пор старается говорить и писать русская культурная элита. Ссылки Пушкина в деревню, где поэт был надолго оторван от литературной среды и был вынужден общаться только с крестьянами, слушать их рассказы и сказки своей няни – всё это подвигло поэта на эксперименты с языком. Пушкин постарался сблизить элиту и народ, но сделал это весьма осторожно, а не так, как пытаются делать нынешние «экспериментаторы». Пушкин убрал «высо-

кий штиль» элиты, но не опустился до простонародной безграмотности. У него не может быть ситуации, когда конюх говорит, как князь, а княгиня скандалит, как кухарка. У каждого персонажа, представителя русского общества, свой язык, а вот речь автора обязана быть абсолютно грамотной, если, конечно, он сам не является персонажем произведения. Пушкин старается поднять народную культуру, а не опустить собственную, элитарную. В этом заключена определяющая разница между ним и нынешними «экспериментаторами», старающимися писать так, «как говорит народ». Поэтому Пушкин – наше всё! А нынешние бесследно сгинут. Русская культура будет развиваться и расти за счёт тех, кто тянет народ вверх, а не старается зафиксировать его в положении безграмотности и нищеты духа.

Мы знаем Гомера как автора двух великих поэм: «Илиады» и «Одиссеи». Ещё мы знаем, что Гомер был слепым, и, следовательно, просто не мог столь красочно и подробно описывать природу, внешность героев и их доспехи. Из этого факта некоторые исследователи даже выводят отрицание авторства Гомера. На мой взгляд данное противоречие вполне объяснимо. Вспомним всё того же Пушкина с его прекрасными сказками о Золотом Петушке, царе Салтане и т.д. Никто не сомневается в авторстве Пушкина, хотя всем известно, что сказки-то ему рассказывала его няня, та самая Арина Родионовна, воспетая самим поэтом. Пушкин переложил на стихи народные сказки и с тех пор по праву считается их автором. Точно такая же ситуация вполне могла быть и у Гомера. Певец не мог видеть описываемые события, но он наверняка о них слышал из уст окружающих и преобразовал услышанное в поэмы, а кто-то эти поэмы позднее записал, указав автором Гомера.

Вот так сошлись два мира: народный и литературный. В Древней Греции и крепостнической России. После Пушкина многие образованные люди старались сблизить эти два мира. Ходили «в народ», записывали сказки, песни, пословицы. Так

дошли до наших дней русские сказки, собранные, например, А.Н.Афанасьевым и А.Н.Толстым. И ни тот, ни другой даже не попытались приписать их авторство себе, хотя наверняка и произвели необходимую литературную обработку текстов.

Ведь что значит «сочинил народ»? Только то, что автор не смог записать созданное им произведение из-за неграмотности или по какой-либо иной причине. Даже сейчас, в пору всеобщей грамотности, когда любой может «застолбить» собственное авторство, эта проблема всё же остаётся. Существуют прекрасные рассказчики, что называется – «душа общества». Но когда они садятся за стол и пытаются записать собственные рассказы, то не могут связать двух слов! Так и уходят их устные творения «в народ», пока на их пути не встретятся очередные гомеры или пушкины. И тогда «народное» обретёт своего нового автора, а два параллельных мира вновь сольются, обогатив общую культуру.

Я к чему делаю такие, казалось бы, выходящие за пределы обсуждаемой темы отступления? Для того, чтобы вы поняли причины, по которым я уже не могу однозначно примкнуть ни к одной из сторон этого давнего спора. Да, с культурой у нас ныне далеко не всё в порядке, но в то же время я не могу согласиться с тем, что она гибнет!

Культура развивается. Начатый Пушкиным процесс сближения элитарного с народным, насильно ускоренный и расширенный в СССР, вновь войдёт в естественное русло. Да, сейчас он переживает, как это всегда бывает в динамических системах, резкий откат назад, но постепенно «маятник» стабилизируется.

Посмотрите: кто кричит о крахе? Разумеется, представители и любители элитарной составляющей русской культуры. Эти крики начались не вчера. Им не первая сотня лет! Когда в России практически не было собственной литературы, и пе-

чатались только церковные тексты, элита была вынуждена довольствоваться книгами зарубежных авторов. Она выросла на них. Европейская литература оказала огромное влияние на русских писателей. Настолько огромное, что Ивана Лажечникова называли русским Вальтером Скоттом, а Михаил Лермонтов даже был вынужден написать широко известные строки: «нет, я не Байрон, я – другой». Только в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков русская литература добилась равноправного и достойного положения в мировой. В Европе её даже называют чудом. Вот только что никакой русской литературы не было, и вдруг она возникает мощным потоком и оказывает огромное влияние на мировую литературу, а потом столь же внезапно исчезает. И ныне опять её не видеть.

Конечно, элите обидно. Где нынешние пушкины, чеховы, толстые и Достоевские? Караул! Культура гибнет! Успокойтесь, господа и дамы. Количество гениев на столетие в среднем неизменно. Они есть и сейчас, но возможно заняты не литературой, а бизнесом, политикой или спиваются в заброшенной деревушке. Чтобы талант раскрылся, нужны благоприятные условия и усилия самого носителя этого таланта. Даже если нынешний Достоевский что-то и пишет, то издателям его творения не нужны. А критики, которые могли бы его отыскать и указать перстом на нового гения русской словесности, заняты не поиском талантов или разгромом бездарей, а рекламой чтива. Им нужно содержать семьи и кушать самим. За критику сейчас не платят, а вот реклама чтива в цене!

И развлекательное чтиво, как бы ни воротили от него нос, не вчера родилось. Оно было в ходу и в среде той же элиты, когда о грамотности простого народа никто и не помышлял. Те же любовные «французские романы», которыми зачитывались девушки и дамы, например. А чем так уж сильно отличается от нынешнего приключенческого или фэнтезийного романов бывший когда-то столь популярным в среде элиты

«рыцарский роман»? Людям действительно хочется иногда просто развлечься. Ничего постыдного в таком желании нет. А раз есть желание и спрос на его удовлетворение, то...

Вопрос исключительно в качестве развлекательного чтения, а вовсе не в его количестве. Если качество рассчитано на непритязательный вкус малокультурной толпы, то вполне естественно, что элита считает себя ущемлённой и начинает возмущаться падением уровня культуры. Издатели, конечно, иногда пытаются заполнить возникший дефицит элитарного чтения, вбрасывая на прилавки книги Пелевина, Акунина и им подобных. Но издавать чтение для толпы гораздо проще и выгодней в наше время культурного отката. «Народные» тиражи всегда превышали и превышают «элитарные».

Итак, мой вывод.

Русская литература не может погибнуть. Она уже состоялась! Это не сию моментное явление. Русский фольклор и русская классика никуда не делись. Они навсегда останутся в мировой культуре. Обогаются ли они новыми именами и произведениями? Несомненно! Довольно скоро алчные издатели утратят свою власть. Уже сейчас электронные публикации всё более теснят бумажные издания. Пресловутая «борьба с пиратством» — на самом деле судорожные попытки коммерсантов от культуры удержать в своих руках власть и доходы. Сами писатели, как и во времена Пушкина, оставившего после своей смерти огромные долги, практически не могут прожить на свои гонорары. За исключением весьма немногочисленной горстки производителей именно коммерческого развлекательного чтения. Нынешним пушкиным и дostoевским больше нет необходимости обивать пороги издательств. Всего лишь нужны новые белинские, которые могли бы отыскать их произведения в электронной бездне интернета и указать взыскующим новых гениев русской словесности. Всего лишь...

БИТВА ЗА ПРИБАЛТИКУ

*Размышления над страницами исторического романа
Ивана Лажечникова «Последний Новик».*

В этом году (2010) моя родная Коломна и, уверен, не только она, отмечает 220 лет со дня рождения замечательного писателя, «русского Вальтера Скотта», как называли его современники, Ивана Ивановича Лажечникова. Ранее, как это ни прискорбно, я читал только его исторический роман «Ледяной дом», которым некогда восхищался сам великий Александр Дюма. И не только восхищался, но и даже самолично перевёл этот интереснейший роман на французский язык!

Иван Лажечников мой земляк, родом из нашей древней подмосковной Коломны. Поэтому знаменитый «Ледяной дом» всегда был в любой городской библиотеке. А вот «Последний Новик» я смог найти в интернете только сейчас. Спасибо тем, кто в наши изобильные на всяческого рода развлекательное чтение времена не забывает о настоящей литературе и издаёт русскую классику! Спасибо тем, кто не поленился отсканировать и выложить в интернет замечательные исторические романы Ивана Лажечникова.

«Последний Новик» просто насыщен интересными для любого читателя персонажами и событиями. В нём несколько сюжетных линий, переплетающихся между собой. Масштабные батальные сцены сменяют любовные интриги, примеры пламенного патриотизма и верности соседствуют со сценами предательства. Любовь в романе Лажечникова присутствует во всех своих видах: платоническая, взаимная, безответная, преступная страсть, любовь братская, материнская, к Родине и т.д.

Лажечников описывает в своём романе времена более чем столетней (для него и тогдашнего читателя) давности. Поэтому он ненавязчиво разъясняет читателю подоплёку исторических событий в авторских отступлениях и ремарках, органично вплетённых в повествование. Роман исторический в полном смысле этого слова. Сам Иван Лажечников пишет:

«Началу работы над романом предшествовала полоса исторических изучений.... Чего не перечитал я для своего «Новика». Могу прибавить, я был столько счастлив, что мне попадались под руку весьма редкие источники. Самую местность, нравы и обычаи страны списывал я во время моего двухмесячного путешествия, которое сделал, проехав Лифляндию вдоль и поперек, большею частью по просёлочным дорогам».

Эта насыщенность «Последнего Новика» историческим материалом и авторские ремарки возможно были вполне достаточны для современников Лажечникова. Но мне их не хватило. Уж больно поверхностно преподавали нам описываемые в романе времена и события в советской школе. Да и в нынешней вряд ли дело преподавания русской истории обстоит лучше. Я читал «Последний Новик» и не находил ответов на возникающие у меня вопросы.

Во-первых. Действие романа происходит 300 лет назад в Ливонии, Ингерманландии и Финляндии. То есть, на территории нынешних Латвии, Эстонии и Карелии. А где же в романе латыши, эстонцы, финны? Одни немцы и шведы! И эта ситуация, судя по ремаркам автора романа, сохраняется и через 130 лет после описываемых в «Последнем Новике» событий!

Во-вторых. Почему русский царь Пётр Первый считает Ингерманландию своей вотчиной? Как само собой разумеющееся в одной из авторских ремарок Лажечников пишет: «В Лифляндии места имеют иногда по три и четыре названия:

немецкое, латышское, чухонское и русское». Как такое получилось?

И я тоже полез в исторические источники.

Европейские страны, а вернее их короли и императоры, постоянно воевали друг с другом. Войны длились годами, десятилетиями, была даже Столетняя война! Но все распри немедленно откладывались, стоило лишь России сделать малейший шагок в сторону Европы. Вчерашние враги тут же объединялись и общими усилиями старались «загнать русского медведя в его берлогу». Европа не желала, да и сейчас не желает признавать «северных варваров» равноправными членами «западной цивилизации».

Когда внутри европейские разборки стихали, папа Римский старался организовать какой-нибудь крестовый поход и сплавить большую часть освободившейся вооружённой массы подальше от себя. Во время одного из таких походов крестоносцы попутно разгромили и уничтожили самого главного врага папы и католической церкви вообще – православную Византийскую империю, место которой в духовном мире с тех пор заняла Русь.

Русь росла, мужала и всё активнее заявляла о себе. А это значит, что уменьшалось влияние папы Римского и формально подвластных ему европейских монархов на сопредельные Руси территории и населяющие их народы. В первую очередь это касается Украины и Прибалтики. Московская Русь усиливалась, а крестоносцы слабели и теряли «Святую землю».

Папа Римский решил «одним ударом убить несколько зайцев»: он организовал крестовый поход не в Палестину, а в Прибалтику, тогдашнюю Ливонию, населённую племенами латышей и эстонцев. Официальной целью крестоносцев было

объявлено обращение ливонских язычников в католическую веру. Разумеется, это был лишь предлог для удаления из Европы большой массы вооружённых людей, захвата новых территорий и усиления религиозного натиска на православную Русь.

Для реализации поставленных задач был создан рыцарский Ливонский орден, костяк которого составляли германцы. Рыцари с воодушевлением кинулись огнём и мечом крестить несчастных латышей и эстонцев. Захватив Ливонию, орден не остановился, а двинулся на Русь. Ведь именно православная Русь была главной целью папы Римского, он хотел уничтожить наследие Византии и обратить русских в католическую веру. Собственно, эти надежды и по сию пору не покидают Римских пап.

Всем нам известно имя князя Александра Невского, разбившего войска Ливонского ордена на Чудском озере во время Ледового побоища. А ведь был момент, когда новгородцы всерьёз решали, не принять ли им власть князя-католика! К счастью, орден был остановлен, хоть и сумел занять некоторые русские земли. Князь Александр до конца своих дней яростно и смело воевал с Ливонским орденом, но в то же время подавил несколько русских восстаний против монголов. Почему такая двойственность? Да потому, что война с орденом была войной не только за землю, но и за веру, за сохранение православия! Монголы были веротерпимы, они лишь брали дань, не претендуя на духовные ценности и местную власть покорённых ими народов.

Другое дело – католический орден! Русские наглядно видели, какая судьба постигла эстонцев и латышей. Фактически Ливония так и не стала полноценным государством. Это была территория, полностью подвластная католическому военному рыцарскому ордену, который построил здесь около пятидесяти замков и постоянно подпитывался кадрами из Германии. Местному населению изначально было определено место бессловесного и бесправного рабочего скота. Так что «ливонца-

ми» в Европе всегда называли лишь правящую верхушку, говорившую и писавшую на немецком языке.

Латыши и эстонцы часто бунтовали против своего тяжелейшего рабского положения. Русь всегда, как могла, помогала восставшим и принимала беженцев. По этому поводу между Русью и Ливонским орденом не раз возникали, как сейчас бы сказали, дипломатические конфликты. Орден требовал от Руси возвращения бежавших рабов, т.к. всё его благополучие было основано на эксплуатации коренного населения.

Быстро росшей Руси остро требовались квалифицированные специалисты во всех областях: архитекторы, строители, оружейники, металлурги, книгопечатники и т.д. Русские купцы хотели напрямую выйти на европейские рынки. Но Европу категорически не устраивало усиление Руси. Против неё была установлена настоящая культурная, технологическая и экономическая блокада. Специальным декретом германский император запретил пропускать через подвластные ему земли в Россию европейских квалифицированных работников и уж тем более отпускать своих, а в Ливонии за подобное деяние вообще грозила смертная казнь! Это был первый «железный занавес», которым Европа отгородилась от Руси.

Во времена правления царя Ивана Грозного значительно окрепшая и заметно расширившая свои границы Русь, наконец, накопила достаточно сил, чтобы бросить вызов Ливонскому ордену. За несколько лет тяжелейшей войны Русь фактически полностью разгромила орден, большая часть Ливонии была захвачена русскими войсками, которым оказывало всяческую помощь местное население – латыши, эстонцы, русские. И тогда Европа впервые открыто объединилась против Руси. Вчерашние враги – Польша, Литва, Дания, Саксония и Швеция объединили свои усилия. Не для того, чтобы спасти Ливонский орден, а для того, чтобы отбросить Русь от Балтики и торговых европей-

ских путей! Им это удалось, тем более, что Русь к тому времени была ослаблена не только войнами, но и внутренними раздорами, сопровождавшимися прямым предательством национальных интересов представителями высших кругов русской знати. Одна только измена главы русских войск в Ливонии князя Андрея Курбского чего стоила! Не говоря уж о тяжелейшем экономическом положении Русского государства. Люди нищали и покидали города. Коломна опустела на 91,5%, Можайск на 89%, Муром на 84%. В Пскове из 700 дворов осталось 30, под городом были заброшены мыльные варницы и трепальни.

Русские войска были вынуждены оставить Ливонию, которую тут же поделили между собой победители: Польша, Литва, Дания и Швеция.

Позднее, ослабление Речи Посполитой, России и война в Германии привели в середине XVII века к возникновению в Европе нового сильного шведского государства, захватившего почти все земли вокруг Балтийского моря, которое даже стали называть «Шведским озером».

В романе Ивана Лажечникова «Последний Новик» мы видим Ливонию под властью Швеции. От могучего когда-то Ливонского ордена остались только рыцарские замки и властная элита. Положение же латышей и эстонцев значительно ухудшилось. К обычным податям добавились тяготы содержания шведских гарнизонов и налоги на войны, которые практически непрерывно вёл шведский король. В романе описаны события, связанные со второй попыткой России присоединить к себе Ливонию. И эта попытка связана, разумеется, с именем следующего, после Ивана Грозного, реформатора Руси – Петра Первого. Иван Грозный был первым русским царём, Пётр Первый стал первым русским императором. А что мы знаем о Швеции?

Со времён своего государственного становления Швеция зарилась на прибалтийские земли и северо-запад Руси. Уже с се-

редины XII века шведы пытаются оторвать от Руси Финляндию. Ещё до знаменитого Ледового побоища новгородскому князю Александру пришлось сразиться со вторгнувшимися на нашу землю шведскими захватчиками. Это произошло в 1240 году в устье Невы. За победу в этом сражении князю Александру и присвоили почётное прозвище «Невский». И только в XIV веке шведы добились своего. В 1323 году в Орехово между Швецией и Русью был заключён мир, основным условием которого Финляндия признавалась составной частью Шведского королевства.

В описываемые в романе Лажечникова времена Швеция находилась в зените своей славы. Она — сильнейшее государство Европы, обладающее талантливым полководцем в лице своего короля Карла XII и непобедимой пока никем армией.

Царь Пётр прекрасно понимает, что Россию ждёт неизбежная война с могущественным соседом. Он лихорадочно строит армию и флот, приглашает в Россию иностранных специалистов, старается как можно быстрее побороть внутреннюю оппозицию и инертность. Несколько таких иностранных специалистов изображено на страницах романа «Последний Новик». Это, конечно, ливонец Иоган Рейнгольд Паткуль, венецианец полковник Лима, француз полковник Дюмон, полковники фон Верден и фон Шведен.

Более того, Пётр делает на первый взгляд самоубийственный шаг: он сам нападает на шведов! Уже с детско-юношеских игр с «потешными войсками» Пётр прекрасно понимал, что армию надо обучать в боях с сильным противником. Слабый противник ничему научить не может, он только ослабляет своего победителя, внушает тому ложную уверенность в себе.

В 1700 году русские войска осадили Нарву. Ими командовал французский герцог де Сент Круа. Нарву защищал не-

многочисленный гарнизон. Осада затянулась, и к Нарве успел подойти Карл XII, у которого было всего 8 тысяч человек и 37 орудий. У русских было 42 тысячи человек и 145 орудий. Армия Петра сумела отразить только первую атаку шведов, а затем побежала. Шведам досталась вся русская артиллерия и обоз. Потери русской армии составили 6 тысяч убитыми и ранеными. Шведы потеряли 2 тысячи.

Лажечников пишет в своём романе о нарвской катастрофе:

«Здесь-то преобразователю России определено было получить от царственного учителя своего жестокий урок и здесь же показать, с каким успехом он им воспользовался.

– Я знаю, – говорил он после нарвской потери, – что шведы будут бить нас ещё раз несколько, но теперь мы ученики их, придёт время, что мы их побеждать будем».

Царь Пётр не стал предаваться унынию. По его приказу развернулось лихорадочное строительство новых заводов. В 1701-1704 годах на Урале четыре крупнейших металлургических завода начали выпуск железа, чугуна, ядер и пушек. В районе Белозёрских и Олонецких рудных месторождений было построено пять металлургических и оружейных заводов. Одновременно строились мануфактуры, которые обеспечили армию обмундированием и снаряжением, кожевенный и портупейный заводы и т.д. По приказу царя Петра из церковных и монастырских колоколов было отлито 270 орудий. Пётр в кратчайшие сроки формирует новую армию, вооружает её, одевает, реформирует и обучает.

Почему после Нарвы Карл XII не пошёл на Россию? Потому что он был молод и мечтал о славе. Швеция уже отторгла у России те прибалтийские земли, на которые зарилась ещё в XII веке. Лёгкий разгром огромной, но плохо обученной рус-

ской армии мало что мог добавить к славе Карла. Захват России рассыпал бы шведскую армию на гарнизоны в российских городах, и на этом военные походы Карла могли закончиться! А шведский король рвался именно к европейской славе непобедимого полководца. Он мечтал диктовать свою волю европейским монархам, а не русским варварам.

Разгромив армию Петра, Карл XII посчитал, что надолго вывел Россию из игры, что тылы у него в полной безопасности, и всеми силами ринулся в Европу. Он даже оголил в военном плане Ливонию и Финляндию, оставив в них только небольшие гарнизоны. И это при том, что ливонцы были явно недовольны своим шведским повелителем, по сути ограбившим и унижившим их, что и породило Паткуля. Ещё предыдущему шведскому королю, Карлу XI, нужны были немалые средства для ведения войн. Вот он и отнял у ливонцев их исконные владения: земли и рабов. Как пишет в своём романе Лажечников: *ливонские «отчины, без всякого уважения давности и законности, были отрезаны и отписаны на короля. Из шести с лишком тысяч гаков, бывших во владении частных лиц, с лишком пять тысяч были взяты в казну, тысяча с небольшим оставлены владельцам и при церквях».*

Теперь эстонцы и латыши работали на короля, выручка от продажи всего, что они производили, шла в королевскую казну. Большинство ливонцев в одночасье лишилось и своих рабов, и доходов. Ливонские мужчины были призваны в шведскую армию и гибли в походах уже нового шведского короля – Карла XII, который в полной мере осуществлял свою мечту: громил армии европейских монархов, свергал и сажал на трон королей. Надежды ливонцев на то, что Карл XII отменит решение своего отца и вернёт им их владения и привилегии, не оправдались.

Лучшего момента для захвата Ливонии Петру ждать было нечего.

И вот начинаются «тренировки» русских войск на оставленных в Ливонии и Финляндии шведских гарнизонах. Военные тактика и стратегия царя Петра прекрасно показаны в романе на примере действий графа Шереметева. Поначалу это мелкие стычки со шведскими отрядами, в которых русские солдаты и офицеры постепенно набираются военного опыта и преодолевают страх перед непобедимым противником. Лажечников пишет:

«Схватками с малочисленными отрядами неприятеля знакомил он понемногу русского солдата с его силами, с потехою военных удач и воспитывал дух его к будущим победам. Уже зародыши русского флота брали смелость выходить из заливов Чудского озера.

...Под мызою Рапин, волонтёр Михайла Борисович Шереметев разбил четвёртого сентября 1701 года передовой отряд шведов. Потом сам фельдмаршал – в ответ на упрёк своего государя: «Полно отговариваться, пора дела делать!» – отпраздновал первый день 1702 года первой знаменитой победой при Эррастфере, заставившей Петра I сказать: «Благодарение богу! мы уже до того дошли, что шведов побеждать можем».

Автор не скрывает, что русские поначалу одолевали шведов количеством, а не умением. Но вот Полтава уже была вполне заслуженной победой русской армии в битве почти равных противников. Погнавшись за европейской славой, Карл XII недооценил Россию, оставив её напоследок, а главное он недооценил царя Петра и в результате потерял всё! К тому же Карл отвлёк на себя, измотал и обескровил в боях те традиционно антирусские силы, что веками не пускали Россию на европейский театр действий.

Россия получила, наконец, Ливонию, вернула потерянные ранее земли в Прибалтике и Финляндию. На этот раз Европа

не смогла ничего сделать военным путём, ибо у России появились армия и флот, способные разбить сильнейшую военную европейскую державу. Пётр Первый прорубил в «железном занавесе» окно в Европу, которое в дальнейшем только расширялось, а во времена Екатерины Великой уже **«ни одна пушка не смела выстрелить в Европе без разрешения России»**. И даже Пруссия, это тевтонское гнездо немецкого военного рыцарства, сама попросится в состав России и будет принята!

Вернёмся к роману Ивана Лажечникова «Последний Новик». В нём есть всё: исторические факты и личности, прекрасные описания природы, которым позавидовали бы и нынешние рекламные агентства турфирм, колоритные герои и персонажи, военные баталии, семейные и политические интриги, шпионы, раскольники и, разумеется, любовь. Прекрасно изображён героизм как русских, так и шведских войск.

Одной из основных линий романа является описание ливонского периода жизни Екатерины Рабе (Кете), будущей любимой жены российского императора Петра Первого, известной нам в качестве императрицы Екатерины Первой. Разумеется, образ Екатерины в романе романтизирован и идеализирован. Однако, страницы, посвящённые ей, читаются с огромным и нарастающим интересом. Особенно, если читатель быстро догадается, о ком автор ведёт речь. Потому как, лично мне как-то не посчастливилось столкнуться с описанием детства и девичества Екатерины Первой в исторических романах других авторов.

Всё есть в романе Лажечникова, что может привлечь читателя. Нет только местного коренного населения в лице эстонцев и латышей. Они присутствуют где-то «за кадром» в качестве работников на полях и прислуги в замках. Тут уж ничего не поделаешь: Лажечников был сыном своего времени. В крепостнической России рабы тоже были наравне с рабочим скотом. Но мы должны понимать, что шпионажем в пользу

русских занимались не только Последний Новик и подкупленные ливонцы в окружении шведских властей и местных магнатов, но и не считаемые за людей латыши с эстонцами. В реальной жизни скорее всего именно латыши с эстонцами снабжали русских оперативными сведениями о передвижениях шведских войск и гарнизонов, а также продовольствием, указывали дороги и тайные тропы в лесах и болотах. Они мечтали, что в составе России их жизнь станет легче. О создании собственных национальных государств, тем более независимых, ни латыши, ни эстонцы в то время даже задумываться не могли. Речь могла идти только об облегчении рабского ярма. К сожалению, даже эти скромные надежды и мечты не оправдались, и в этом корень наших нынешних бед в отношениях России и прибалтийских государств.

В романе Лажечникова есть жуткие страницы о зверствах, чинимых русскими войсками в Ливонии. Автор откровенно пишет о применяемой русскими азиатской тактике «выжженной земли»:

«Новый, красноватый свет разлился по земле, и кругом небосклона встали огненные столбы: это были зарева пожаров. Из тишины ночи поднялись вопли жителей, ограбленных, лишённых крова и тысячами забираемых в плен. Таков был ещё способ русских воевать, или, лучше сказать, такова была политика их, делавшая из завоёванного края степь, чтобы лишить в нём неприятеля средств содержать себя, – жестокая политика, извиняемая только временем!»

Даже Паткуль, сам убеждавший царя Петра побыстрее начать войну за присоединение к России Ливонии, не выдерживает зрелища военных зверств и покидает армию Шереметева. Он с негодованием говорит:

«Холодная математическая политика Шереметева делает из моего отечества степь, чтобы шведам негде было в нём содержать войско и снова дать сражение, как будто полководец русский не надеется более на силы русского воинства – воинства, которого дух растёт с каждой новой битвой. Я не мог смотреть на это обдуманное, цифирное потворство грабежу и зажигательству. ...я видел пожар моего родного края – и не видал ничего более!»

Но и Шереметева можно понять. Никто пока не побеждал шведов. Разгром под Нарвой ещё саднил не заживающей раной. Карл мог в любой момент вернуться в Ливонию со всей своей армией, и что тогда? Результат не трудно предсказать. Поэтому Шереметев делает всё, чтобы армия Карла не нашла никакой опоры и поддержки в Ливонии. Ни одна армия не может воевать без снабжения продовольствием и снаряжением. И Шереметев пишет царю Петру:

«Посылал я во все стороны полонить и жечь. Не осталось целого ничего: всё разорено и пожжено; и взяли твои, государевы, ратные люди в полон мужеска и женска пола и робят несколько тысяч, также и рабочих лошадей и скота с двадцать тысяч или больше, кроме того, что ели и пили всеми полками, а чего не могли поднять, покололи и порубили...»

Шведы, захватив Ливонию, установили там свои порядки и законы. И это правильно! В государстве должны действовать единые законы. Ливонцы, несмотря на сильнейшее недовольство ущемлением своих исконных прав и привилегий, установленных ещё во времена ордена, всё же остаются верными шведскому королю. По крайней мере так изображено на страницах романа Лажечникова. Взять хотя бы судьбы братьев Густава и Адольфа фон Траутфеттер. Один из них погибает в битве под Полтавой, прикрывая спасение шведского короля Карла XII,

другой попав раненым в русский плен, только после фактической смены власти в Ливонии присягает на верность новому правителю – российскому императору Петру Первому. И честно служит России, закончив жизнь русским генералом!

Итак, Пётр Первый присоединил к Российской империи Ливонию и Финляндию. Но он сделал это не так, как пытался сделать Иван Грозный. Царь Иван снимал с эстонцев и латышей ненавистное им рабское иго ливонских немцев. Те либо гибли в боях, либо бежали со всем семейством. Поэтому коренное население Ливонии воспринимало русских как освободителей. И помня это, латыши с эстонцами всеми силами и средствами помогали армии Петра, надеясь, что тот изгонит ливонцев с их земли, как это делал некогда Иван Грозный.

Но Пётр поступил по-своему. Он вернул присягнувшим ему на верность ливонцам и финляндским шведам все их владения и власть! Всё осталось по-прежнему: немцы и шведы правили, а финны, латыши и эстонцы рабски трудились на них. Почему Пётр так поступил? Неужели, «прорубив окно в Европу», он сам не очень-то верил, что оно не захлопнется в скором времени, как это случилось при царе Иване Грозном?

Россия получила, наконец, выход к Балтийскому морю, несколько прекрасных городов-портов, Ригу и Таллинн. Но Пётр зачем-то начинает строить на болотах Санкт-Петербург! Тратит на это огромные силы и средства! Тысячи российских мужиков сгинули на этой стройке, в том числе и новые подданные Петра – латыши и эстонцы. Вот что пишет из Ливонии Шереметев царю:

«Указал ты, государь, купя, прислать чухны и латышей, а твоим государевым счастьем и некупленных пришло. Можно бы и не одну тысячу послать, только трудно было везти, и тому рад, что ратные люди взяли их по себе».

Бывшие ливонские рабы легли костями рядом со своими русскими собратьями на стройке новой столицы возникшей на картах мира Российской империи.

Почему император Пётр Первый ограничился лишь формальным присоединением к России Ливонии и Финляндии, предоставив им довольно широкие автономии? Да потому что ему позарез нужны были европейски грамотные и обученные кадры! Своих-то пока не было. Прибалтийские немцы и финляндские шведы в полной мере соответствовали нужным требованиям. Но как заставить их служить России, а тем более приобрести их верность? Ту самую верность, с каковой они совсем недавно так доблестно сражались за шведского короля?

Пример Иогана Рейнгольда Паткуля наглядно показал Петру, что лучшие и талантливые из ливонцев готовы на всё ради сохранения их привелегий и владений. Шведский король в зените своей славы и силы покусился на них и получил такого врага как Паткуль. А сколько таких паткулей меньшего масштаба появилось тогда в Ливонии? Европа будет просто счастлива, если Россия своими руками создаст столь мощную «пятую колонну» в собственных пределах.

Да, Пётр Первый сознательно пошёл на беспрецедентный шаг, оставив в присоединённых с таким трудом к России Ливонии и Финляндии их прежние порядки и администрацию. Он даже не стал «русифицировать» столь необходимые ему прибалтийские города-порты, а построил в устье Невы свой – Санкт-Петербург. «Окно в Европу» было «прорублено», и закрыть его в дальнейшем уже никому не удалось. А «прибалтийские немцы» с тех пор верой и правдой служили Российской империи до последнего дня её существования. Давайте вспомним несколько имён.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (при рождении **Фабиан Готтлиб Тадеус фон Беллинсгаузен**) – знаменитый российский мореплаватель, первооткрыватель Антарктиды, участвовал в первом кругосветном плавании русских судов.

Иван Фёдорович Крузенштерн (при рождении Адам Иоганн фон Крузенштерн) – российский мореплаватель, адмирал, начальник первой российской кругосветной экспедиции, один из основоположников отечественной океанологии, почетный член Петербургской Академии наук. Член-учредитель Русского географического общества. Иван Крузенштерн впервые нанёс на карту около тысячи километров восточного, северного и северо-западного берега острова Сахалин. Автор «Атласа Южного моря».

Барон Фердинанд (Фёдор) Петрович Врангель – российский мореплаватель и полярный исследователь, адмирал. Мичманом участвовал в кругосветной экспедиции Василия Головнина на шлюпе «Камчатка». В 1820-1824 возглавлял экспедицию по исследованию северо-восточного побережья Сибири (отряд 7 человек). В ходе экспедиции было описано побережье Сибири от реки Индигирка до Колючинской губы, нанесены на карту Медвежьих острова. В 1824 – 1827 возглавлял кругосветное плавание на военном транспорте «Кроткий». В 1829 в чине капитана 1 ранга назначается главным правителем Русской Америки. За время нахождения на этом посту лично обследовал всё западное североамериканское побережье от Берингова пролива до Калифорнии, создал магнитно-метеорологическую обсерваторию Ситка. В 1855 – 1857 является управляющим Морским министерством (то есть морским министром). С 1857 член Государственного совета. Известен как активный противник продажи Аляски Соединённым штатам Америки. Именем Врангеля назван ряд географических пунктов Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Михаил Богданович Барклай де Толли (при рождении **Михаэль Андреас Барклай де Толли**) — российский полководец, генерал-фельдмаршал, военный министр, князь, герой Отечественной войны 1812 года, полный кавалер ордена Святого Георгия. В историю военного искусства, по мнению западных авторов, он вошёл как архитектор стратегии и тактики «выжженной земли» — отрезания основных войск противника от тыла, лишения их снабжения и организации в их тылу партизанской войны.

Достаточно? Я могу протянуть «цепочку» имён знаменитых российских немцев из бывшей Ливонии вплоть до наших дней и закончить её Патриархом Всея Руси Алексием II (Алексей Михайлович Ридигер).

А теперь попробуйте вспомнить кого-нибудь из знаменитых латышей, эстонцев, карелов или финнов, прославившихся до краха Российской империи в 1917 году.

Так что решение Петра, поддержанное всеми последующими российскими императорами, себя оправдало. А судьба и положение латышей, эстонцев, финнов, и всех прочих «иностранцев» императоров ни тогда, ни позднее не волновала.

Но для самих народов их судьба и положение имели огромное значение! Русские прошли все стадии развития: от родо-племенного строя до империализма. Латыши, эстонцы и финны были лишены этой возможности. Прямо из родо-племенного язычества они шагнули в христианское рабство. И прожили в этом рабстве до начала XX века, когда большевистская революция неожиданно принесла им свободу.

Прибалтийские народы веками мечтали об этой свободе, и вот, получив её столь неожиданно и незаслуженно, то есть без борьбы, они растерялись. Так же, как впадали в растерянность

многие крестьяне после отмены крепостного права. Они не знали, как жить дальше. Кроме того, молодые прибалтийские государства не понимали, что мало просто получить свободу, её ещё нужно суметь удержать, а маленькому государству это не под силу. Маленькое государство может существовать только под защитой большого. Данную истину пришлось в полной мере испытать на собственной шкуре и Финляндии, и Латвии, и Эстонии.

У Финляндии выбор был, прямо скажем, не велик. Мощной России больше не существовало, назад в Швецию, тоже не очень-то могучую к тому времени, вливаться не хотелось. И финляндские олигархи пригласили на трон немецкого принца Фридриха Карла Гессенского! Германия на тот момент была сильнейшим государством Европы и практически в одиночку вела войну со странами Антанты и Советской Россией. Но принц не успел даже добраться до предложенного трона, т.к. в Германии тоже грянула революция, и кайзер отрёкся от престола. И тогда бразды правления Финляндией были вручены бывшему российскому генералу, участнику русско-японской войны, шведу по национальности Карлу Маннергейму. Финляндия вновь попала под влияние Швеции.

Латвия и Эстония тоже были вынуждены склонить головы перед волей сильнейших европейских держав – Англии, Франции, а позднее нацистской Германии. Бывшим ливонцам не дали вырваться за рамки, изначально определённые им папой Римским и антирусскими силами Европы. И после неожиданного обретения «независимости» «ливонцам» не замедлили напомнить об их обязанностях перед Европой.

Вот почему новообразованные Финляндия, Латвия и Эстония почти сразу же вновь стали плацдармом всех враждебных России сил, хотя по логике должны были бы целовать большевикам ноги за то, что те дали им свободу. А куда было

деваться бедным и слабым прибалтам? Шла первая мировая война, передел мира, и непокорные воле победителей страны могли в любой момент исчезнуть с карты мира. Тем более что Россия никак не могла их защитить. И вместо благодарности начались с территорий прибалтийских государств террористические вылазки в Советскую Россию всяческих белогвардейских банд, а в Карелии вовсю начали бесчинствовать «белофинны».

Нынешние прибалтийские «историки» заявляют, что ничем не обязаны большевистской России, что Латвия и Эстония завоевали свою свободу с оружием в руках. Это переписывание истории не выдерживает даже малейшей критики. Да, первоначально большевистская Россия потеряла многие территории. Но, набравшись сил, вернула все, которые хотела вернуть. Были разгромлены или изгнаны как белые, так и оккупационные армии. Неужели Советская Россия, если бы действительно этого захотела, не вернула бы Прибалтику и Финляндию?

Итак, западные страны, особенно Швеция, усиленно строили в Финляндии на границе с Россией защитные сооружения, так называемую «линию Маннергейма». Организовывали и вооружали финскую армию, практически все офицеры которой были шведами. Вся документация велась на шведском языке. На территории Финляндии было построено столько аэродромов, что они могли принять самолётов в десять раз больше, чем имелось в стране. Государственным и литературным языком был объявлен шведский. Финнам оставлен был только фольклор. Вот такая свобода и независимость!

А в «тюрьме народов» — Российской империи — у Финляндии была широкая автономия. Многие революционеры, в том числе и Владимир Ленин, чувствовали себя в Финляндии, как за границей, спокойно в ней «работали» и не боялись русских жандармов.

В России с огромным трудом добивались от царя создания русского парламента. Николай Второй то «открывал» Думу, то «распускал». Даже бомбы и пули террористов не заставили царя дать России конституцию. А в Финляндии вполне спокойно работал сейм, принявший в 1905 году самую передовую на тот момент в Европе конституцию! По ней женщины имели равные права с мужчинами, чего не было тогда ни в одной стране мира! И вот из такой «тюрьмы» Финляндия «вырвалась на свободу». Чего ей не хватало?

Официально нейтральную Финляндию явно готовили в качестве плацдарма для нападения на Россию. И как всегда мнение самих финнов, так же как и мнение латышей с эстонцами, никого на Западе не интересовало. По-прежнему, Европа старалась изолировать Россию, окружив её демонстративно враждебными буферными государствами, на территориях которых готовились плацдармы для будущих вторжений.

Как только СССР стал на ноги, Сталин тут же принялся за разрешение возникшей на западной границе Советского Союза прибалтийской проблемы. Он всё прекрасно понимал и поначалу неоднократно (!) пытался решить всё мирным путём. Сталин начал переговоры с Финляндией, попросив отодвинуть границу от Ленинграда, предлагая взамен почти вдвое большие территории в другом месте. Сам маршал Маннергейм, которого трудно заподозрить в симпатиях к большевикам, был за то, чтобы принять советские условия. Но Европа, предвкушая скорый разгром и раздел СССР руками Гитлеровской Германии, разумеется, заставила Финляндию отвергнуть предложения Сталина. Так СССР пришлось начать ненужную ни русским, ни финнам войну, в результате которой Финляндия потеряла даже больше, чем у неё просила Россия. Граница была отодвинута от Ленинграда, что впоследствии позволило городу пережить блокаду. Заметьте, Сталин только отодвинул границу, хотя мог бы захватить всю Финляндию!

Наученный финским опытом Сталин не стал обращаться к правительствам Эстонии, Латвии и Литвы. Он продолжил решать прибалтийский вопрос не с марионетками, а с кукловодом. В конце 30-х годов XX века за ниточки дёргал Гитлер. Есть документы, подтверждающие это. Прибалтика должна была стать плацдармом германского наступления на СССР. Прибалтийские немцы, «ливонцы», были только счастливы попасть под крыло могучего фатерлянда и избавиться от унижительного диктата Англии и Франции.

Сталин обо всём этом прекрасно знал. Поэтому он начал переговоры с Германией и заключил с ней до сих пор вызывающий у Европы злобную истерику пакт о ненападении, предварительно настояв на том, что Германия в дальнейшем отказывается от всяческих притязаний на Прибалтику и не будет мешать Советскому Союзу присоединить её, если возникнет такая необходимость. Гитлер легко принял это условие и даже сдержал его, бросив своих ливонских марионеток на произвол судьбы. Он был уверен, что без особого труда «свалит русского колосса на глиняных ногах» и с другого плацдарма. В этом убедила его неудачная на первых порах война СССР с Финляндией.

В преддверии войны Германии с Советским Союзом прибалтийские немцы стали массово переселяться из Прибалтики в Германию. Особенно после заключения пакта о ненападении между Германией и СССР. Видимо, секретные протоколы к пакту не были тайной для прибалтийских немцев. В Эстонии, Латвии и Литве были только рады этому исходу, ведь теперь никто не мешал коренным национальностям этих стран в полной мере ощущать себя настоящими нациями. В результате до начала Великой Отечественной войны в Германию убыло 131,2 тысячи прибалтийских немцев.

Сталин ввёл войска в Прибалтику, Европа и США бились в истерике, но Гитлер выполнил принятые вместе с пак-

том секретные условия и забыл про ливонский плацдарм, что обезопасило СССР от нападения с этого направления.

Тем не менее, война с Германией была неизбежна, и Сталин попытался в кратчайшие сроки очистить вновь приобретённые территории от всех враждебных СССР сил и элементов. К сожалению, эта поспешно и жестоко проведённая советизация вместо одних удалённых врагов породила новых, оказавшихся ещё опаснее старых, т.к. они опирались на помощь местного населения – националистов.

Прибалтика вновь стала частью России, пусть она и называлась Советским Союзом. Ливонцы были ликвидированы как класс. На их место пришла партийная номенклатура. Коренное население по-прежнему пребывало в фактическом рабстве уже у новых хозяев, пусть в основном и из местных выходцев. И после очередного «освобождения», теперь уже при крахе Советского Союза, латыши и эстонцы начали называть русских не иначе как «оккупантами».

Проведя века под жесточайшим игом ливонцев, латыши и эстонцы не имеют никаких претензий к немцам. А несколько равноправных с другими народами десятилетий в составе СССР для них – «русская оккупация»! И это при том, что в России во все времена Прибалтику воспринимали как «внутреннее зарубежье», а так называемые «латышские стрелки» в дни лево-эсэровского мятежа спасли власть большевиков и самую жизнь их лидеров, в том числе и председателя ВЧК Феликса Дзержинского! Парадокс? Нет. Всё то же извечное «наступление на грабли», то бишь – игнорирование уроков истории.

С развалом Российской империи «освободившиеся» прибалтийские государства немедленно были вынуждены плясать под дудку сильнейших на ту пору европейских держав и, со-

ответственно, проводить антирусскую политику. С развалом СССР история повторяется. Прошлый опыт не научил прибалтов, что любая свобода условна для маленьких государств. В составе сильной России они были более свободны, чем в прошлое и нынешнее состояние «независимости». Выйдя из СССР прибалтийские страны немедленно попали в полную власть Западной Европы и вынуждены проводить всё ту же антирусскую политику. Конечно, они громко твердят, что сами стремились «вырваться из тисков русской оккупации в свободный мир Евросоюза». Но о какой свободе они говорят? На их территории стоят иностранные войска – НАТО. Европа диктует прибалтам внутреннюю и внешнюю политику, требует закрытия неудобных ей предприятий, указывает какую продукцию производить, и по каким ценам её продавать и т.д. и т.п. Разве это свобода и независимость? Прибалтика по-прежнему нужна Западной Европе как источник сырья, продовольствия, пушечного мяса и в качестве плацдарма антироссийского натиска. И в этом качестве она останется до тех пор, пока Россия вновь не поднимется с колен и не станет сильной мировой державой.

Возможно, Прибалтика вновь станет частью России, если сама этого захочет. России это уже не нужно. Уже сейчас, одной рукой формируя между собой и Россией новый железный занавес из буферных государств, другой рукой Европа помогает России строить обходные пути вокруг этого занавеса: газопроводы по дну Балтийского и Чёрного морей.

Так что, всё зависит от того, изменит ли, наконец, Европа свою антироссийскую политику или нет. Если да, то исчезнет разделение на Европу и Россию, а с ним и вековая вражда. Если нет, то маленькие приграничные с Россией государства и далее обречены быть буфером между Россией и Европой и переходить «из рук в руки» по мере усиления одной стороны и ослабления другой. Если не административно, то политически.

Есть и третий путь для прибалтийских государств: отказаться от средневекового национализма и окончательно слиться с одной из сторон. Но этот путь наименее вероятен. Потому что прибалты не проходили самостоятельно весь путь становления нации и национального государства, как это сделали русские в России и народы Европы. Эстонцы и латыши не сами создали свои государства, не отстаивали их свободу с оружием в руках от иноземных завоевателей, их экономики, национальные культуры и интеллигенция создавались и взращивались теми, кого они сейчас называют «оккупантами». Они практически всем обязаны тем «оккупантам», кроме разве что национального фольклора. Свободу и ту они оба раза приняли из рук России. Для прибалтов Средневековье только началось, они жили и продолжают жить в рабстве, и что такое настоящие свобода и независимость, им пока не известно, хоть они и уверены в обратном.

Как известно, для быстрого сплочения нации нужен сильный внешний враг. А где прибалтам взять его сейчас? Фактически грабящая и эксплуатирующая их Западная Европа провозглашена правящей элитой прибалтийских государств образцом для подражания. Остаётся Россия! Так цели Европы и националистов буферных государств совпали. Отсюда и оголтелое русофобство последних, вопли о «русских оккупантах», переписывание истории, восхваление фашистских преступников – ведь те «боролись с русской оккупацией»!

Но русофобская истерия – это не борьба за становление нации и тем более не война за выживание. Бывшие рабы в очередной раз обрели новых хозяев и отрабатывают свою «похлёбку» и «крышу над головой», которые грубо прикрыты красивыми фантиками «свобода», «независимость», «равноправие».

Историю можно переписать. В отдельно взятой стране, в отдельно взятое время. Но историю невозможно изменить! Многие пытались. И где они теперь?

Поэтому, чтобы вновь и вновь не наступать на грабли, читайте книги, господа и дамы, юноши и девушки, мальчики и девочки. Читайте, а главное – размышляйте над ними. Не пожалеете! Начните с романов Ивана Лажечникова. Я убедился, что не зря его «Последний Новик» как только вышел из печати сразу же был провозглашен «лучшим из русских исторических романов, доньше появившихся». (Журнал «Северная пчела», 1833, 19 января, рецензия О. Сомова).

СЛЕЗЛИВЫЙ ВИТЯЗЬ В ЗВЕРИНОЙ ШКУРЕ

Поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» я читал в детстве в замечательном переводе Шалвы Нуцубидзе. Помню меня захватили необыкновенные приключения грузинских героев. И вот я решил перечитать эту книгу сейчас. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что в величайшем памятнике грузинской литературы нет ни одного слова о самих грузинах, и даже Грузия ни разу не упоминается! Ежели, конечно, не считать авторских отступлений о самом Руставели и его чувствах, не имеющих к сюжету никакого отношения.

В 16-й строфе поэмы Руставели заявляет, что он нашёл персидский рассказ и переложил его стихами. Но не только поэтому у меня сложилось смутное впечатление, что автором поэмы является не православный грузин, а араб-мусульманин. Я не буду сейчас подробно исследовать, откуда у меня возникло подобное мнение. Чтобы рассеять его, я прочёл несколько разных биографий Шота Руставели и убедился, что не только эти биографии, но и само имя автора великой поэмы «Витязь в тигровой шкуре» фактически созданы искусственно грузинскими литературоведами! Неизвестны точные даты рождения и смерти Руставели, нет достоверных исторических данных о его жизни, не сохранились другие произведения, им написанные. Даже его настоящее имя вызывает споры.

Руставели – не фамилия, это слово указывает, что человек, называющий себя так, был как-то связан с географическим пунктом, называвшимся Рустави: он мог быть родом оттуда, мог быть феодалом, владевшим городом и крепостью под таким названием, либо даже духовным лицом – епископом Руставским. Географических пунктов с названием Рустави в ту эпоху существовало несколько. Следовательно, и людей с именем Руставели могло быть несколько.

Биографы связывают Шота Руставели с Рустави в Южной Грузии. Видимо потому, что сам автор в заключении к поэме о «Витязе» пишет, что он по рождению месх. Там же, Руставели признаётся, что написал «Витязя в тигровой шкуре» для развлечения царя Давида и царицы Тамар. Именно из этих слов поэта исследователи и выводят срок написания поэмы, а, следовательно, и приблизительные годы жизни её автора: конец XII – начало XIII веков.

Откуда появилось имя «Шота», я так и не понял. В тексте поэмы автор называет себя просто Руставели или Руствели.

Но и этим данным можно верить с большой натяжкой, т.к. оригинал поэмы не сохранился. «Витязь в тигровой шкуре» дошёл до нас только в поздних списках; отдельные строфы встречаются в рукописях XIV и XV веков, два четверостишия – на стенах монастыря Вани в Южной Грузии. Но полные списки имеются лишь начиная с XVI–XVII веков. Первая датированная рукопись – 1646 год, то есть практически через четыреста лет после гипотетического написания поэмы!

В настоящее время имеется около 150 списков, и во всех – множество искажений, исправлений, внесённых переписчиками, вставок и т.д. Так что сведения об авторе в текст поэмы мог внести как сам Руставели, так и поздние переписчики.

Но сегодня меня совершенно не волнует, как звали автора великолепной поэмы «Витязь в барсовой шкуре» – именно так она должна называться, если написана во времена царя Давида и царицы Тамар. Мне всё равно, месх он или араб, православный или мусульманин. Поэма даже в переводах великолепна! Поговорим, наконец, о её героях.

Витязь в тигровой шкуре – это индийский принц Таризль. Вторым, и, на мой взгляд, более важным героем, является

арабский полководец Автандил. Почему я считаю Автандила более важным персонажем, чем витязь в тигровой шкуре? Потому что араб более похож на героя, чем индус. Тариэль, бедам которого я так сочувствовал в детстве, является ярким олицетворением известного тезиса: «сила есть – ума не надо». Причём богатырская сила у этого витязя сочетается не только с необыкновенной внешней красотой, но и с удивительной глупостью, гигантской слезливостью и недостойной героя инфантильностью. Рассмотрим события, описанные в поэме.

Некогда в Индии было семь независимых царств. В процессе непрерывных войн шесть из них покорились царю по имени Парсадан. Седьмым пока правит царь Саридан. Не желая более воевать, Саридан решил добровольно отдаться под власть Парсадана. Разумеется, царь Парсадан был безмерно рад подобному развитию событий. Он оставил Саридана на его троне, более того – объявил того равным себе и назначил главным военачальником всего объединённого индийского войска. На землях Индии наступило время мира и процветания.

Перестав воевать, Саридан занялся мирными делами, и вскоре у него родился сын, тот самый Тариэль, будущий витязь в тигровой шкуре. Бездетный Парсадан с радостью взял мальчика в свой дворец, полюбил его и растил как собственного го сына и наследника. Сам Тариэль говорил Автандилу:

*«У владык я был за сына, чтили, как отец и мать,
К управленью приучали, как вести страну и рать.
Мудрецам меня отдали, что б дела царей познать.
Я созрел и, солнца ликом, льву я, стройный, был подстать».*

*Лет с пяти я стал подобен розе, с виду рдян и нежен.
В избиеньи львов, как птичек, в детских играх был прилежен.
Был я счастьем Парсадана. Он, бездетный, был утешен».*

Когда Тариэлю исполнилось пять лет, жена Парсадана неожиданно для всех забеременела и вскоре родила дочь-красавицу, которую счастливые родители назвали Нестан-Дареджан. Рождение собственной дочери никак не отразилось на отношении Парсадана к Тариэлю.

Когда принцу исполнилось пятнадцать лет, умер его отец, царь Саридан. Парсадан немедленно объявил, что Тариэль наследует не только земли отца, но и его титулы и звания. Таким образом, юный витязь, с самого детства демонстрировавший окружающим необыкновенную силу, стал главным военачальником Парсадана и его официальным и единственным наследником.

Когда подросла Нестан-Дареджан, между нею и Тариэлем вспыхнула пламенная любовь. Казалось бы, иди, счастливчик, к царю и проси руки его дочери! Вряд ли тот стал бы противиться счастью своих детей. Но герой по собственной инициативе не делает ни единого шагу. Он умер бы от любви к Нестан-Дареджан, истекая слезами, если бы та сама не написала ему о том, что тоже влюблена в него!

Но Тариэль и Нестан-Дареджан почему-то тщательно скрывают свою любовь ото всех, кроме Асмат, служанки царицы. Царица делает свою служанку Асмат почтальоном между влюблёнными. Нестан-Дареджан советует Тариэлю при посещениях её дворца делать вид, что его интересует Асмат, а не она.

Позднее именно царица советует Тариэлю напасть на соседей, хатайцев, чтобы разгромить их и завоевать славу настоящего полководца, любовь и уважение народа. И витязь, подчиняясь воле любимой, откладывает пиры и охоту, собирает войска и выступает в поход.

Вскоре хатайцы разбиты, Тариэль возвращается с великой добычей и славой, но вновь ничего не предпринимает для упрочения своего счастья, не просит руки царевны у Парсадана. Он ограничивается тайными взаимными клятвами с Нестан-Дареджан. Плывёт по течению до тех пор, пока царь не призывает его на совет по поводу замужества царевны. Та уже выросла, ей пора замуж! Какие будут предложения? – спрашивает Парсадан членов совета. Тариэль молчит! Он и теперь не решается назвать свою кандидатуру в царские зятья. Ни единым словом не заикается о своей любви к царевне. И совет единогласно решает послать предложение царю Хорезма, дабы тот прислал своего сына в зятья. Единогласно! Тариэль поддержал это решение! И это герой? Это безумно влюблённый витязь?

К Тариэлю прибегает Асмат и приглашает его к царевне. Тот с радостью спешит к любимой, не понимая, почему это всегда весёлая Асмат ныне сердита и мочалива. Нестан-Дареджан встречает Тариэля слезами и упрёками, называет изменником и нарушителем слова. А Тариэль искренне не понимает, за что его ругает любимая! Он клянётся на Коране(!), что любит Нестан-Дареджан по-прежнему. Что не стал перечить царю и совету по поводу хорезмийского жениха лишь потому, что всё равно только он, Тариэль, является наследником индийского престола, и что бы там ни решали царь и совет, только Тариэль будет мужем Нестан-Дареджан, а вовсе не хорезмиец. Каким образом всё это произойдёт, Тариэль не объясняет. У него, как обычно, мечты и разговоры заменяют дела.

И тогда Нестан-Дареджан вновь берёт решение проблемы на себя. Она советует Тариэлю убить хорезмийского принца, как только тот вступит в пределы Индии, а потом объявить царю Парсадану, что Тариэль не отдаст свой законный престол и всю страну иноземцу. Царевна не велит Тариэлю признаваться в любви к ней, а упираться именно на погранные на-

следные права. Да и как бы выглядели теперь в глазах царя и людей объяснения Тариэля в любви к Нестан-Дареджан после того, как он сам проголосовал за её брак с хорезмийским принцем!

Тариэль с восторгом принимает предложенный царевной план. Он не сомневается, что царь сам отдаст за него свою дочь, как только поймёт правоту Тариэля в притязаниях на индийский трон. И благородный витязь подло убивает несчастного жениха. Подло – потому что тот не совершил ничего плохого ни ему, ни Индии, а прибыл туда по приглашению, в том числе и самого Тариэля, согласившегося на царском совете на его брак с царевной. Но раз любимая приказала – рыцарь без колебаний и раздумий исполнил! О других последствиях убийства нежеланного жениха ни Тариэль, ни Нестан-Дареджан даже не подумали. Можно простить подобные легкомыслие и эгоизм молоденькой девушке, но не наследнику престола, которого с раннего детства обучали лучшие мудрецы.

Как видите, Тариэль отплатил Парсадану чёрной неблагодарностью за всё хорошее, что тот для него сделал.

Разлад между Тариэлем и Парсаданом – это гибель державы. Парсадан стар и слаб. Тариэль – молод и силен, он – герой и предводитель всех войск. Междоусобица разрушит государство. Да и Хорезм не оставит убийство своего принца без ответа. Парсадан, понимая это, шлёт Тариэлю упрёки и вопросы. Он спрашивает (и на мой взгляд совершенно справедливо), почему Тариэль вверг страну в беду?

*«Кровь невинная отмстится дому нашему и кругу.
Если дочь мою желал ты, дать её просил бы руку!»*

На что Тариэль отвечает царю так, как научила его возлюбленная. Более того, он клянётся (!), что не любит Нестан-

Дареджан, и радуется только за интересы державы и свои собственные.

*«Дочь твоя мне не желанна, выдай замуж ты её,
Но страны не дам другому, то – наследие моё!
Кто моё отнять захочет, потеряет и своё».*

Возможно, всё сложилось бы по плану царевны. Хотя вряд ли Парсадан относился бы в дальнейшем к Тариэлю по-прежнему. Но тут в игру вступила Кадж-Давар, сестра царя Парсадана, на чьём попечении до сей поры находилась Нестан-Дареджан. Царь обвинил сестру в пособничестве царевне и Тариэлю в их тайной любви. Невинная, опозоренная Кадж-Давар решает отомстить коварной воспитаннице. Она, как и Парсадан, прекрасно понимает, кто на самом деле виноват во всём случившемся. Тариэль славится красотой и силой, но вовсе не умом.

*«То, что ей Давар кричала, неприлично в разговоре:
Шлюха, ты меня сгубила, так познай теперь ты горе!
Жениха убить заставить – ох, наперсница разврата!
И зачем невинной кровью на меня падёт расплата?
Как же ты навлечь посмела на сестру отмищенье брата?
С тем, кого на грех подвигла, знай, не ждёт тебя услада!»*

Кадж-Давар приказывает двум рабам-неграм схватить Нестан-Дареджан и отвезти как можно дальше от Индии, туда, где её никто и никогда не найдёт, и там оставить одну. После этого Кадж-Давар кончает с собой. Вот так коварство Нестан-Дареджан и бездумная инфантильность Тариэля привели к трагической гибели двух ни в чём не повинных людей и явились причиной их собственных несчастий и страданий.

Узнав от Асमत о пропаже царевны, Тариэль бросается на её поиски. Уж не знаю, как он умудрился потерять след пре-

красной девушки, путешествующей в компании двух негров! Но индийский герой так и не нашёл любимую, растерял всех своих спутников, кроме верной Асма, облачился в тигровую шкуру и поселился на чужбине, в глуши, в пещере, проводя свои дни в непрерывных слезах. О том, что он оставил свою родину в смятении и без защиты перед местью хорезмийцев и хатайцев, герой вообще не задумывается. Он только бесконечно рыдает, рыдает, рыдает...

И вот когда Тариэль уже практически на пороге смерти, в дело вступает настоящий герой – Автандил.

Судьба араба Автандила почти ничем не отличается от судьбы инда Тариэля. Он тоже в описываемый момент является лучшим витязем и предводителем войск арабского царя Ростевана. Ростеван, как и Парсаван, тоже стар, так же не имеет наследников. И у него тоже есть дочь – красавица Тинатин. Автандил и Тинатин, разумеется, любят друг друга. Но, в отличие от Парсадана, Ростеван не ищет своей дочери мужа в других царствах. Он просто передаёт ей свой престол.

Некоторые исследователи поэмы усматривают в данном факте доказательство того, что Руставели на самом деле ведёт речь не о царстве арабов, а о Грузии и образом Тинатин намекает на предмет своего обожания – царицу Тамар, т.к. ни в одной мусульманской стране не было и не могло быть женщины на троне. Но лично мне подобные параллели просто смешны. Возможно, Руставели действительно хотел сделать приятный царице Тамар намёк, но дальнейший ход действий в поэме с очевидной определённой показывает, что власть в царстве арабов всё равно остаётся в руках Ростевана. И в конце поэмы Автандилу приходится прибегать к посредничеству Тариэля, чтобы вымолить прощение у своего истинного властелина за то, что он вопреки прямому запрету Ростевана отправился на поиски Нестан-Дареджан. Так что единственное отличие меж-

ду положениями Тариэля и Автандила практически не имеет никакого значения. Оба героя изначально равны. Но вот поступки их разительно отличаются.

Я не буду пересказывать всю поэму. Для нас важно только то, что Автандил вынужден по приказу своего царя Ростевана отправиться на поиски Витязя в тигровой шкуре. Автандил находит Тариэля, узнаёт его историю. Герои понравились друг другу и подружились. Автандил ради друга бросает все свои дела, вступает в конфликт с царём Ростеваном, покидает свою возлюбленную Тинатин и отправляется на поиски Нестан-Дареджан.

Автандил не предаётся бесплодным мечтам и отчаянью, не бродит по долам и горам в рыданиях. Он действует, не брезгуя никакими методами в достижении своей цели. Бьётся с пиратами, меняет личины, соблазняет чужих жён, убивает по заказу, раздаёт подарки. Причём, всё это он делает не ради собственных интересов, а ради друга, ставя под удар свою жизнь, личное благополучие при дворе царя Ростевана и любовь прекрасной Тинатин!

Тариэль искал свою возлюбленную один год, а потом, как мы знаем, потерял надежду и превратился в непрерывно рыдающего дикаря. Автандил странствует по свету три года и, в конце концов, после множества приключений и подвигов, он находит индийскую принцессу в неприступном замке колдунов-каджев. Вот он – настоящий герой поэмы!

И вот, наконец, Тариэль, Автандил и примкнувший к ним царь Придон с тремя сотнями отборных воинов прибывают в Каджети, к башне, где в плену томится прекрасная Нестан-Дареджан. Башню охраняют десять тысяч воинов. Штурмовать в лоб такую твердыню тремя сотнями воинов – явное самоубийство.

Придон, ссылаясь на свои акробатические навыки, предлагает тайком взобраться по канату на башню. Проникнув внутрь, он перебьёт стражу у ворот и откроет их своему войску и друзьям-витязям. Автандил отвергает план Придона. Стража наверняка услышит лязг доспехов Придона, когда тот будет лезть по канату, и смельчак погибнет, не добравшись до верха.

В свою очередь, Автандил решает нарядиться купцом, провезти внутрь крепости оружие и доспехи, спрятав их среди товара, а уж там напасть на стражу и открыть друзьям ворота для штурма.

Тариэль, разумеется, никакой хитрости придумать не может, но всё равно отвергает план Автандила. «Как же так, – говорит он. – Вы будете биться с каджами у ворот замка, моя любимая выйдет в окно, увидит вас в бою, а меня-то с вами нет!» И он предлагает взять каждому из витязей по сотне воинов и напасть сразу всем на крепость. То бишь, штурмовать в лоб, при свете дня! Вариант, отвергнутый изначально, как самоубийственный. Зато Нестан-Дареджан насладится зрелищем героизма своего любимого Тариэля.

Возражать герою – сомневаться в его доблести и демонстрировать собственную трусость. А потому Автандил с Придоном вынуждены принять безумный план Тариэля.

Утром триста воинов, ведомые тремя героями, не спеша, подъехали к замку каджей. Стража не видела в этом маленьком отряде угрозы до самого последнего момента, когда неизвестные всадники вдруг надели шлемы, обнажили оружие и бросились рубить всех направо и налево.

Разумеется, наши герои победили. Изрубили в капусту десять тысяч стражников и освободили прекрасную Нестан-Дареджан, потеряв при этом всего половину отряда.

Дальнейшее рассказывать совершенно не интересно. Разумеется, всё кончается прекрасно. Автандил женится на своей любимой Тинатин и становится царём арабов. Тариэль женится на Нестан-Дареджан и становится царём индов и, разумеется, подкаблучником своей жены. Все счастливы.

Но где были бы этот красавчик Тариэль и его прекрасная Нестан-Дареджан если б им не помог Автандил? Вот почему я считаю Автандила выше и благороднее плаксивого витязя в тигровой шкуре.

Это внешний и явный сюжет поэмы. Одни видят в нём прославление силы любви, другие ставят на первое место мужскую дружбу, третьи усмотрели немыслимое в те времена равноправие между женщиной и мужчиной. Да, есть и дружба, есть и любовь. Но равноправие женщин с мужчинами явно притянуто за уши.

А что если автор поэмы имел ещё одну цель: показать, что человек сам кузнец своей судьбы? Я думаю, не случайно изначально Тариэль и Автандил похожи, как близнецы. Однако, Тариэль не привык работать головой. Он всё время выполнял чужие указания и при первом же серьёзном несчастье, когда ему пришлось действовать полностью самостоятельно, просто сломался, потерял всё, что получил от других, окончательно опустил и практически погиб для общества и родных.

Другое дело – Автандил! Этому герою всегда приходилось действовать самостоятельно. На поиски витязя в тигровой шкуре, а позднее и Нестан-Дареджан он тоже отправляется в одиночку. Истекающий слезами Тариэль не соблаговолил присоединиться к другу. И это правильно, если Руставели действительно имел вышеуказанный мною замысел. Ведь искать Нестан-Дареджан Автандил начинает с того места, где остановил свои поиски Тариэль. Другими словами, автор поэмы

показал нам два варианта развития событий, «дороги, которые мы выбираем». Наша судьба – в наших руках!

Разумеется, подобная мысль противоречит и мусульманским, и христианским канонам. Не зря поэма Руставели преследовалась духовенством, как противное христианскому смирению сочинение светского характера. В XVIII веке патриарх Антоний I демонстративно предал публичному сожжению несколько экземпляров «Витязя в тигровой шкуре», отпечатанных в 1712 году царём Вахтангом VI. Возможно, и персидский первоисточник поэмы не могут найти по этой же причине. Очевидно, мусульмане оказались более последовательны и основательны в уничтожении неугодных их церкви сочинений. И всё же, несмотря на преследования церкви, поэма жива и любима народами разных стран до сих пор. Спасибо её создателю, кто бы он ни был!

Цитаты стихов в переводе Шалвы Нуцубидзе

ФЕМИНИСТКИ И ДОН ЖУАН

Мы живём в мужском мире. Возможно, где-то когда-то и был матриархат, но не у нас. Христианство, и тем более мусульманство, закрепляют своими нормами и заветами главенство мужчин в обществе. Во времена, когда мужчина был добытчиком и защитником, а уделом женщины было рождение детей и обслуживание мужчины, подобные нормы жизни и морали не вызывали у женщин протеста. Мужчина выбирал себе женщину, а та покорно ждала, пока её выберут. Ситуация изменилась, когда женщина смогла сама стать добытчицей. Вот тогда родился и начал набирать силу феминизм.

Сначала женщины требовали равенства с мужчинами только в политической сфере, т.к. политика считалась чисто мужским делом. То бишь – желали участвовать в выборах наравне с мужчинами. Но как только мужчины согласились удовлетворить требование женщин, те тут же расширили список своих претензий на равенство, и ныне перекося уже пошёл в другую сторону.

Женщины имеют теперь в нашем мире права на всё мужское, но вот обязанности оставили исключительно мужчинам. То есть женщина «имеет право», если захочет, но не обязана! В то же время с мужчин, при декларируемом равенстве с женщинами, никто не снимает чисто мужских обязанностей. В армии, например, женщина может служить, а мужчина обязан. Мужчина обязан платить алименты на детей, женщина может рожать и оставлять младенцев в роддоме без каких-либо обязательств по их дальнейшему содержанию. В семье, где работают и муж, и жена, мужчина обязан зарабатывать больше. В противном случае ему гарантировано негативное отношение со стороны окружающих, особенно – женщин. Если жена по-

лучает меньше мужа или вообще не работает – к ней никаких претензий быть не может. И осуждать её никто не будет!

Однако женщины по-прежнему считают, что хороший муж – это такой, с которым она себя чувствует, «как за каменной стеной». Но мало кто из них желает становиться хорошей женой в том смысле, который вкладывали мужчины в это понятие во времена господства «каменных стен». Женщины не желают ныне просто рожать детей, заниматься семьёй и домом. Они хотят делать карьеру в политике, бизнесе, общественных органах управления или «само реализовываться» в культурной сфере. И даже если женщина не работает, а сидит дома на шее у мужа, «каменная стена» по её мнению должен выносить мусор, ходить по магазинам, мыть посуду, полы и сам стирать свои грязные носки. Детей женщина родит тогда, когда сама захочет, и столько, сколько сама захочет. Если вообще захочет. И не факт, что от мужа.

Когда же мужчина начинает вести себя равноправно с женщинами: не желает заводить семью и детей, не старается зарабатывать больше жены, а то и вообще садится той на шею, то его начинают обвинять в инфантилизме и обзывать прочими негативными определениями. Вот такое у нас равноправие! Фактически, это не женщины поднялись до уровня возможностей мужчин, а мужчины опустились до уровня женщин. Иным способом добиться полного равенства просто не возможно.

Женщины стараниями феминисток подрубили сук, на котором сидели тысячи лет. Они лишились «каменных стен», вынуждены сами работать и обеспечивать и себя, и детей, и даже порой мужей. Вот такие плоды феминизма возшли в нашем обществе. И, тем не менее, мир наш по-прежнему остаётся мужским. Женщин в политике и администрации очень мало, везде заправляют мужчины. И выбирают себе женщин по-прежнему мужчины. Богатые и (или) обладающие властью женщины, ко-

нечно, могут сами находить себе мужчин. Так было всегда, достаточно вспомнить Клеопатру. Но выбирать-то они могут только среди зависимых от них! А это на самом деле просто едва замаскированный альфонсизм, и такие мужчины вряд ли устраивают самих клеопатр. Отсюда и череда мужчин в постелях подобных женщин. Они ищут себе равных, или хотя бы по настоящему их любящих, но не могут найти. И это закономерно. Ведь нормальные мужчины не ищут себе жён среди проституток.

Оставим общественные и семейные отношения. Посмотрим, как феминизм повлиял на личные отношения и мораль. Как я уже сказал, наш мир остался мужским. Дон-жуаны остались дон-жуанами, а шлюхи – шлюхами. Здесь равенства женщинам добиться не удалось. Мужчины не желают менять своё отношение в данной сфере.

Вспомним Пушкина с его бессмертным «Каменным гостем». Дона Жуана женщины любят. Ни одна из соблазнённых им его не презирала и не проклинала! Преследованиям знаменитый любовник подвергался только со стороны мужчин, оскорблённых изменами жён или возлюбленных. Дон Жуан погиб, когда бросил вызов Командору, вернее – его бессмертной душе. И пал от руки статуи, а вовсе не женской ручки. Причём, знаменитый соблазнитель гибнет именно в тот момент, когда по настоящему влюбляется и решает покончить с прежней ветреностью!

Конечно христианская мораль осуждает дон-жуанов: «не пожелай жены ближнего». Но презрением точно не награждает! Сам Пушкин, автор «Каменного гостя», тоже был известным ходоком по женской части и погиб на дуэли, защищая честь собственной жены. Дантеса, кстати, осуждают не за то, что тот соблазнил жену Пушкина, а за смерть гения русской поэзии. Соблазнив чужую жену, мужчина не терял своей чести. В отличие от женщины. Откуда такая разница восприятия одного и того же события?

Тысячи лет самцы старались оплодотворить как можно больше самок – это был вопрос выживания вида. Подобное мужское поведение передавалось из поколения в поколение. Те, кто не мог по какой-либо причине захватить (покорить) и оплодотворить самку, просто вымерли! Поэтому дон-жуанство для мужчин вполне естественно. Оно, можно сказать, въелось в гены. И, разумеется, каждый самец стремился и стремится к тому, чтобы выжило именно его потомство. От кого бы ни родила самка, это без малейших сомнений будет именно её ребёнок. А вот самцу приходится оберегать свою самку от сексуальных поползновений других самцов, чтобы обеспечить выживание именно собственного потомства. Это тоже «въелось в гены», а потому ни одна шлюха не может претендовать на мужское уважение. Что вовсе не исключает мужского внимания и вождения. Но жён себе мужчины ищут среди «порядочных женщин».

До сих пор на сценах различных театров идёт спектакль, поставленный по пьесе друга и современника Пушкина Владимира Соллогуба «Беда от нежного сердца». Сюжет этого водевиля прост: сын богатого откупщика Александр, приехавший из Тамбова в Петербург, влюбляется в один вечер сразу в трёх девушек. И по этому поводу возникает скандал: девушки возмущены поведением молодого человека. Кажется, на лицо все признаки Дон Жуана. Но на деле всё оказывается совершенно иначе. Молодой человек вовсе не коварный соблазнитель. Он на самом деле влюбляется в каждую встречную девушку и каждой из них вполне искренне делает предложение. А вот девушки вовсе не испытывают к Александру тех чувств, которые старательно демонстрируют. Двух из них гораздо больше прельщают миллионы Александра, чем он сам. Но после ряда комедийных перипетий всё кончается благополучно, и Александр выбирает себе в жёны достойную его любви девушку. Этот водевиль претендует на звание самой популярной пьесы русского театра за последние 150 лет. Вот такой вот русский образец Дон Жуана!

Как видите, ни Пушкин, ни Соллогуб не испытывают к своим героям отрицательных чувств. Да, Дон Жуан гибнет, а судьба влюбчивого Александра после его свадьбы с достойной невестой остаётся за кадром, но никакого негатива по отношению к данным персонажам ни у авторов, ни у читателей не возникает!

Что ж, – решили феминистки, – если не получается уравнивать в глазах общества шлюх и дон-жуанов, то надо приписать соблазнительям явные, всеми порицаемые черты и пороки. Пусть дон-жуанов презируют, как лжецов и предателей!

Более ста лет назад русская писательница Надежда Лухманова написала пьесу «Охотник за белой дичью». Так как и сама авторша, и её творение малоизвестны и давно забыты, мне придётся привести здесь обширные цитаты. Сюжет прост и прямолинеен. В деревню из Петербурга на пару дней приезжает погостить Андрей Сергеевич Полозов – *«молодой человек без определённой профессии»*. Как видите, авторша изначально даёт гостю негативную характеристику бездельника. Цель приезда Андрея Сергеевича нам не сообщается. Гостя встречают три девушки.

Хозяйка дома, подруга детства Полозова, *«Анна Павловна Комиссарова – докторша, только что кончившая курс, 25 лет, помещица, весёлая, здоровая, полная энергии, одета просто, не считает себя красивой и на мужчин смотрит, как на товарищей»*.

Люся – её племянница, *17 лет, гимназистка последнего курса, приехавшая гостить летом в деревню, детски-доверчивая, чистая и наивная*.

Саша – очень хорошенькая горничная петербургского шика, *скушающая в деревне»*.

Как видно из характеристик, все три девушки абсолютно разные и по положению, и по развитию. Гость немедленно начинает «охоту» на каждую из них. Первой жертвой заезжего Дон Жуана становится горничная Саша:

Андрей Сергеевич. Вам нравится деревня?

Саша. Господи, да что тут может нравиться! *(Презрительно.)* Мужики... да коровы... гулять некуда выйти. *(Кокетливо обдёргивая платье и показывая башмаки на французских каблуках.)* Тут каблуки стопчешь, обувь всю перепортишь...

Узнав, что горничная уже практически уволилась и на следующий день намерена, как и он, ехать в Петербург, Полозов немедленно предлагает ей то, о чём она мечтает:

Андрей Сергеевич. Вот поедем вместе, так и поверишь. Хочешь покутить, лето пожить в свою радость, одену, обую, по театрам да по островам, ух, покутим, а осенью можно и на место!

Саша *(с разговарившими глазами).* По театрам... и шляпы... и всё? *(Опомнившись.)* Да ну вас! Ведь я девушка чест... *(Не может договорить, хохочет и отбивается от Андрея Сергеевича, который целует её.)*

Разумеется, служанка не сможет устоять перед соблазном.

С хозяйкой дома гость ведёт себя иначе.

Анна Павловна. Вот как я вас принимаю... Такой редкий неожиданный гость, а я до сих пор не нашла даже минуты посидеть с вами и поболтать! Откуда вы? Каким чудом? Как вспомнили обо мне?

Андрей Сергеевич. Откуда? Из Петербурга... Не чудом, а сердцем, потому что давно тосковал по вас.

Анна Павловна. *(прерывая его)*. Ой-ой-ой!

Андрей Сергеевич. О, это искренно! А что меня привело к вам? Да всё! Всё прошлое, которое вы забыли и которое иногда стоит передо мною так неотвязно, что я... Нуда вот, не устоял и приехал. И как же вы расцвели, какая вы прелестная! *(Берёт её за руки.)*

Анна Павловна. Вот ваши слова меня поражают. Десять лет вы обо мне не думали, сердце ваше молчало и вдруг...

Андрей Сергеевич. Никогда оно не молчало... я хотел его заставить молчать – я кутил, влюблялся, путешествовал, вёл самую рассеянную жизнь, а сердце напоминало мне всё о том же... что когда-то я был другом обворожительной девочки, с которой играл...

Андрей Сергеевич *(делаясь нежнее)*. А теперь, когда я вас встретил, как всё всколыхнулось в душе, какой-то голос прошептал: «Вот – наконец она!» И всё стало так ясно, тихо... точно опять наступило блаженное, беззаботное детство.

Анна Павловна *(стараясь защититься от нахлынувших на неё нежных чувств)*. Если бы вы знали, как странно слышать всё это человеку давно-давно одинокому. Я так привыкла к тому, что обо мне никто не помнит, никто не думает; отца, вы знаете, я потеряла ребёнком, а с тех пор как умерла и мать, я почувствовала себя совершенно одинокой и, зная себя, неинтересной...

Андрей Сергеевич. Нита!

Анна Павловна (*растроганная смеётся*). Забытое детское имя. Я кончила курс и посвятила себя всецело деревне... Ведь я старуха, мне -- 25 лет... (*С горечью*.) Да, ведь мы одноклассники.

Андрей Сергеевич. Для меня ни красивей тебя, ни моложе нет женщины!

Анна Павловна (*забывшись*). Вот я действительно девочкой с ума сходила по тебе... Вот я тебя и ревновала, и ненавидела девочек, с которыми ты любил играть...

Андрей Сергеевич (*целует её руки*). Милая, милая!

Анна Павловна. Я всегда думала, где-то ты и что делаешь.

Андрей Сергеевич. Нита, да ты любишь меня! Любишь меня! (*Бросается к ней*.)

Анна Павловна (*быстро вставая с дивана и стараясь освободиться от него*). Боже мой, Андрей Сергеевич, до чего мы размышлялись! Мы, кажется, действительно вообразили себя детьми...

Андрей Сергеевич (*удерживая её*). Нита, не принимай этого тона... Не лги самой себе. Не может быть, чтобы ты, красивая, здоровая девушка, не мечтала о том, который должен тебя полюбить? (*Всё более и более увлекаясь*.) Днём ты трудишься, работаешь, отдаёшь себя другим, но когда наступает вечер, всё погружается в тишину, твоё сердце должно рваться от тоски... Тогда ты, наверно, подходишь к окну и глядишь в сад, где каждый куст, каждая лужайка должны вызывать мой образ... А звёзды? Разве не ты в детстве научила меня отыскивать Большую Медведицу? Нет, ты готова для любви, твоё сердце не знало только, кого называть? И вот -- я пришёл, я разбудил тебя, моя спящая царевна, ты меня любишь, и ты будешь моя! Эта рука моя, да?

Анна Павловна (*стоявшая все время, стыдливо отвернувшись*). Не теперь, не теперь! Боже мой, я так взволнована, всё это так неожиданно... Не говорите ничего больше... после, после...

Хозяйка дома покорена коварным Дон Жуаном столь же легко, как и горничная. Разумеется, в данном случае соблазнитель играет на совершенно иных струнах женской души, он не пользуется стандартными приёмами, применяя индивидуальный подход.

Но в доме есть и третья девушка, молодая гимназистка. «Охотник за белой дичью» не может упустить и её.

Андрей Сергеевич (*удерживая её*). Нет, вы постойте, постойте, маленькая фея! Скажите мне, что делали вы в саду в эту чудную лунную ночь? Мечтали?

Люся кивает головой.

О чём? О ком?

Люся. Этого вы не узнаете никогда!

Андрей Сергеевич. Нет, узнаю! Вы сейчас же мне это скажете!

Люся. Я? Ни за что!

Андрей Сергеевич. Скажете... Пожалуйста сюда... (*Подводит её и ставит в лунный свет.*) Вот видите – солнце – это судья людской совести, это какой-то прокурорский глаз на небе. Праведники да, узвоят, орлы смотрят солнцу в лицо, мы же, грешные люди, не можем. Солнце заставляет нас плакать, солнце ослепляет нас, то жжёт нас своими лучами, то, спрятавшись, заставляет страдать нас от холода... Солнце наш вла-

стелин, а месяц – друг... Краткий, волшебный месяц – друг и покровитель влюблённых... Какой дивной бледностью покрыты теперь ваши черты, как серебрятся эти покорные локоны! *(Наклоняясь к ней, страстно.)* Люся, ты обо мне мечтала?

Люся *(дрожа, шёпотом)*. Я не скажу... Не скажу...

Андрей Сергеевич. И не говори, моя маленькая фея! Месяц сказал мне за тебя... Я знаю твою тайну... *(Обнимает и целует.)*

Люся. Андрей Сергеевич! Зачем вы это делаете?

Андрей Сергеевич. Затем, что ты – прелесть! Затем, что с тех пор как я вошёл сюда и увидел тебя, я сам не свой, твоё невинное лицо очаровало меня, твои детские, наивные глаза стоят передо мною... Скажи, дитя, ты можешь полюбить меня... Да? Полюбишь?

Люся *(в сильном волнении)*. Мне кажется, что да... да... Ах, как мне стыдно! *(Закрывает лицо руками.)*

Андрей Сергеевич, не отнимая рук, целует и руки, и лицо.

Как видите, и в этом случае Андрей Сергеевич даёт девушке то, о чём та сама мечтает, не более. Все три девушки верят соблазнителю, потому что, как сказал Пушкин, сами обманываться рады. Их унылая и скучная до приезда столичного Дон Жуана жизнь волшебным образом преобразается. И сами они меняются. Возьмём, например, хозяйку дома, все интересы которой ранее составляли порсящиеся свиньи в хлеву и раны местных крестьян:

Анна Павловна *(вытирает руки платком, смеясь сама над собою)*. Боже мой, я, кажется, становлюсь совсем светской

женщиной! Прежде я внимания не обращала, а теперь мне вдруг показалось, что от меня пахнет хлебом. Вот я переоделась, надушилась... (*Оглядывается.*) Должно быть, пошёл гулять, соблазнился лунною ночью... (*Подходит к окну и прислоняется.*) Ах, да и хороша же эта лунная ночь! (*Стоит у окна и машинально обрывает цветы с ветки.*)

Поёт соловей.

(*Говорит вполголоса.*) Соловей!.. Да ведь соловьёв у меня полон парк. Сколько раз я их слышала и ничего... А теперь – сердце щемит, в груди так сладко, что слёзы навёртываются на глазах... Боже, да неужели это любовь? И к кому? К мальчику, которого я обожала с детства, о котором не смела мечтать. Холодный, насмешливый и вдруг – после десяти лет он возвращается ко мне влюблённый, покорённый воспоминаниями детства... А я... я едва смею верить! Не сон ли это?

И после отъезда утром соблазнителя из деревни все три девушки были бы счастливы. Каждая по-своему, но счастливы! Их смутные мечты обрели бы конкретику. Жизнь наполнилась бы новыми чувствами и красками. Но цель автора-феминистки совершенно иная. И вот уже юная племянница ни с того, ни с сего рассказывает тёте о своей неожиданной любви и поцелуях Андрея Сергеевича.

Анна Павловна (*взволнованно ходит*). Боже мой! И я могла поверить... увлечёсь... Господи, какое унижение! Да над кторою же из нас он смеялся? (*Горько.*) Да над обеими, конечно! У меня – средства, у Люси – молодость и красота... Ах, значит, ему нужны обе! (*Подходит к окну.*) Я задыхаюсь! (*Видит Сашу и Андрея Сергеевича, нагибается из окна, затем откидывается.*) Саша! И с этой роман!

Коварный Дон Жуан должен быть наказан!

Анна Павловна берёт со стола хлыст, прячет его за спиной, стоит и смеётся.

Андрей Сергеевич (входит, видит её весёлой). Нита! Какая весёлая!

Анна Павловна. Нита! Люся! Саша! Называйте всех трёх сразу!

Андрей Сергеевич (смущаясь). Что это значит?

Анна Павловна (подходя ближе). А то, что не всегда охотник убивает дичь, бывает, что и дичь ранит охотника... белая дичь... (Вынимая хлыст, бьёт его по плечу.) Вон из моего дома, неудачный охотник, – вон!

Андрей Сергеевич (хватая её за руки). Нита! Ревность? Милая, ведь всё это была шутка, чтобы тебя испытать...

Анна Павловна (роняя хлыст). Я выдержала испытание! Я всё слышала и видела своими глазами! Андрей Сергеевич, если не я, то моё имение слишком хорошо для такого шалопая, как вы!

И негодяя с позором изгоняют. Вот как надо поступать с дон-жуанами – показывает всем женщинам своей пьесой Надежда Лухманова.

Но давайте разберёмся. А почему, собственно, Андрей Сергеевич – негодяй? Что так возмутило хозяйку дома? Шашни со смазливой служанкой? Совращение несовершеннолетней племянницы? Нет! Только то, что разрушились её мечты, и она по-прежнему остаётся некрасивой старой девой, вся привлекательность которой состоит в наличии имения. Не сама она, оказывается нужна мужчине, а её состояние, приданое. Ну, так

Анна Павловна и ранее это прекрасно знала! Потому и оставалась старой девой. Всё дело в том, что горькая правда не скрывалась под красивыми покровами возвышенной любви. Не волочись Андрей Сергеевич столь открыто за другими девушками, и Анна Павловна была бы с ним счастлива. Но оказалось, что правда известна не только ей, но и служанке, и племяннице, и даже управляющему имением Анны Павловны. Этого перенести хозяйка дома уже не может.

Андрея Сергеевича можно назвать дураком (если имение в качестве приданого, действительно, было целью его приезда), но никак не негодяем. Он говорил каждой девушке только то, что та сама хотела от него услышать. Но ведь и женщины поступают с мужчинами точно так же! Они применяют косметику и наряды, чтобы скрыть недостатки собственной внешности и понравиться нам, мужчинам. И мы прощаем им этот вечный и постоянный обман. И наряжаются, и красятся женщины не только и не столько для своих любимых, но для всех мужчин! Они хотят нравиться всем вокруг. Чем же их обман отличается от обмана Андрея Сергеевича?

Со времени Надежды Лухмановой прошло более ста лет. Многое изменилось в отношениях между женщинами и мужчинами. Но Дон Жуаны беспрепятственно продолжают свою «охоту за белой дичью», а шлюхи по-прежнему лишены с ними равенства в общественном мнении. И феминистки продолжают попытки дискредитации дон-жуанов. Екатерина Зверева, учитель русского языка и литературы, написала небольшую миниатюру «В автобусе», в которой по примеру своих предшественниц показывает, как девушкам надо поступать с дон-жуанами.

Сюжет рассказа столь же прост и прямолинеен, как и у Лухмановой. Поздним вечером в пустом автобусе едет молодая пара. Но вот в автобус *«мягко впорхнула незнакомка в короткой юбке и красной в талию курточке и присела в стороне напротив, задумчиво глядя в окно на ночной город. Парень*

смотрел на её профиль и чувствовал, что готов вечно ехать в этом автобусе, только чтобы она сидела напротив.

Парень с досадой покосился на свою спутницу. Конечно, она хорошая. Но разве у неё такие губы – полные, манящие? Разве есть у неё такие огненно-рыжие кудри, задорно рассыпавшиеся по плечам? А эта ямочка на нежно-розовой щеке способна просто свести с ума.

Парень не сводил с незнакомки напряжённого взгляда. Она была такая яркая, такая воздушная, такая загадочно прекрасная по сравнению с его такой буднично обыкновенной, словно серенькая птичка-воробушек, девушкой».

Собственно, автор сама показывает, почему парень «кладёт глаз» на другую девушку. Заметьте, он только смотрит на прекрасную незнакомку, не более. И та вдруг «повернула голову, и их взгляды встретились. В эту секунду парень перестал дышать, а незнакомка, словно угадав его тайные желания, потупилась с притворной стыдливостью, но тут же снова глянула прямо ему в глаза так смело и с таким дерзким прищуром, что у того пробежала по телу огненная дрожь».

Как видим, девушка не отвергает незнакомого парня, а наоборот, сама провоцирует того на продолжение знакомства.

Что связывает парня с его «серенькой» подругой, авторша нам не рассказывает. Мы знаем, что знакомству их уже два года. О любви вообще в данной новелле ни разу не упоминается. Живут парень с девушкой тоже раздельно. В описываемый момент парень провожает Лену домой после совместного похода в кино. Вот и всё, что нам сообщает автор.

Разумеется, парень решает поближе познакомиться с вошедшей в автобус красоткой и начинает мысленно строить планы, как это сделать. Повторяю: он ничего не предпринимал, а

«только буравил глазами незнакомку, из всех сил стараясь показать свою явную заинтересованность». И вдруг красотка резко встала со своего места и направилась прямо к парочке. Даже не взглянув на парня, она обратилась к его невзрачной подружке:

– Лена, дорогая, ты такая милая девушка. Брось же! Сейчас же брось этого козла!!!

От неожиданности парень задохнулся, а его девушка испуганно вжалась в кресло.

– Ну, зачем тебе это ничтожество? Он же открыто строит глаза другим девчонкам! Разве это мужчина? От мужчины у него только знаешь что?..

Незнакомка громко и обидно расхохоталась, и рыжие кудри запрыгали у неё на плечах.

– И он ещё имел наглость на что-то рассчитывать с моей стороны. Дон Жуан облезлый! Зачем мне нужен мужик, который спокойно предаёт свою девушку? Чтобы при первом же удобном случае он так же предал меня?! – Насмешливые интонации сменились неприкрытым презрением.

Парень пытался оправдываться, что-то возражать, но незнакомка, не удостаивая его ни взглядом, ни ответом, протянула руку его девушке:

– Пойдём отсюда, Лен! Нам здесь нечего делать.

– Вали сама! – завопил незадачливый ухажёр, но тут же смолк, увидев, как навстречу крепкой энергичной ладони Ирины нерешительно потянулась худенькая Ленина ручка.

- Ты что? – не поверил он своим глазам. – А как же я?

- *А ты отдохни, – шлёпнула его по плечу Ирина.*

Вот такой вот рецепт борьбы с дон-жуанами преподносит нынешним женщинам Екатерина Зверева.

Сто лет назад Андрею Сергеевичу пришлось наглядно проявить свои способности, нынешнему безымянному парню достаточно было просто поглядеть на другую! Каков прогресс! Да, у «незадачливого ухажёра» (когда и за кем он ухаживал?) были «неподобающие мысли», на которые его спровоцировала сама красотка. Но даже этого для нынешних феминисток вполне достаточно для осуждения и наказания. Хорошо хоть хлыстом по плечу парня не огрели.

В своём желании *осудить и наказать* Екатерина Зверева, как и некогда Надежда Лухманова, столь примитивна как автор, что вместо людей описывает голые схемы. Ирина – красивая, гордая, смелая и решительная. Серенькая безвольная Лена. Неверный и трусливый «облезлый Дон Жуан».

Бедные, ослеплённые ненавистью феминистки! Ваши творения столь фальшивы, что даже имена своим персонажам вы даёте неподходящие. Агрессивная девушка у Зверевой носит имя «Ирина», что в переводе с греческого значит «мир». Серенькая подруга – «Елена», что в переводе с того же греческого значит «светлая, сияющая». Дон Жуан у неё – «облезлый» и вообще безымянный. Видимо, потому что имя дон-жуанам – Легион! Вы наказываете мужчин вовсе не за то, что пытаетесь втоухать окружающим. Вас приводит в ярость не мужская ветреность или неверность. Вы ненавидите дон-жуанов за то, что они ищут, а главное находят (!) в вас не личность, равную себе, а обыкновенных баб. Смазливая служанка хочет развлечься – нет проблем! Некрасивая старая дева хочет быть милой и желанной – получите поток комплиментов и уверений в любви! Юная гимназистка ждёт «принца на белом коне» – вот тебе принц!

Красотку Ирину злит, что она привлекает парня только своей внешностью на фоне «серенькой» Лены. Но вряд ли та Ирина блещет интеллектом, раз столь беспардонно вмешивается в чужую жизнь, принимает решение за Лену. Ей-то, с её внешностью, будет гораздо легче найти себе парня, а вот «серенькой» Лене может и не повезти. Потому что выбирают-то мужчины! Да, женщина ныне может согласиться или нет, когда ей делают предложение, но всё равно это мужчина ищет себе пару, а женщина ждёт, что её найдут. Красота Ирины не вечна. С таким неумным гонором её судьба может сложиться так же, как у одной из женщин популярного советского фильма «Девчата». Той самой, которая готова была выйти замуж за немолодого, скупого и плешивого Сан Саныча. И то, если Сан Саныч сам её выберет. Это мужской мир!

В конце концов, если Ирине не нравится, что на неё «пялятся» парни, то как она собирается найти себе пару? По объявлению в газете, в котором распишет свои внутренние достоинства? А если бы парень ехал в автобусе один, без подружки? А если б он был не «облезлым козлом», а выглядел, как Ален Делон? Как бы изменилось поведение Ирины, и изменилось бы вообще? Как она определяет при знакомстве, свободен парень или у него кто-то есть? А если бы ситуация была зеркальной: Ирина ехала бы с невзрачным надоевшим кавалером, и в автобус вошёл красавец-мужчина?

Можно задать ещё массу вопросов, но феминистки дают только один ответ: дон-жуанов надо с позором изгонять! Всё остальное к теме их «шедевров» не имеет никакого отношения. Что ж, пусть и далее ищут «сферического коня в вакууме», авось найдут. К счастью, вокруг нас нормальных женщин неизмеримо больше, иначе мы с вами все давно бы вымерли, и наше место заняли те народы, у которых мужчины остаются мужчинами, а женщины – женщинами, не претендующими на права и обязанности друг друга.

В КРУГЕ ПЕРВОМ, или ВЕЧНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ИУД

Во все времена, в любой стране, всегда находятся художники кисти или слова, готовые прославлять власть действующую. Одни делают это по убеждениям, другие за место у кормушки, третьи просто за кусок хлеба. Кроме славословий в адрес «кормящей руки» этим людям часто приходится ещё и хулить её врагов. Побуждения таких деятелей искусства вполне понятны и во многом простительны. Они, как правило, просто стараются выжить. С другой стороны, почему бы художнику и ни похвалить власть, если она ему нравится или, по крайней мере, устраивает? Только в нашей стране подобное поведение осуждается. В моде быть к любой власти в оппозиции. Ещё Плеве сказал:

«Русская интеллигенция имеет одну... особенность: она принципиально и притом восторженно воспринимает всякую идею, всякий факт, даже слух, направленные к дискредитации... власти».

Однако одно дело критиковать власть, и совершенно другое — отождествлять власть со страной. Есть категория людей, которые в своей ненависти к сиюминутной власти переступают черту и становятся на путь предательства интересов своей Родины, переходят в стан её врагов. Таких иуд ни понять, ни простить лично я не могу.

Телевидение России показало сериал, снятый по книге А.И.Солженицына «В круге первом». Мне понятно, почему для экранизации был выбран именно этот роман. Солженицын когда-то заявил, что он *«прокричал правду о нашей послереволюционной истории»*. Если, он и кричал, то только не правду. Вернее, на страницу правды у него приходится сто страниц лжи и клеветы, которые он лицемерно называет *«художественным исследованием»*.

Наиболее известным произведением Солженицына был и остаётся «Архипелаг ГУЛАГ», являющийся якобы документальным сборником «ужасов сталинизма». Разумеется, враги СССР с восторгом приняли сей «труд» и его создателя в свои ряды. Очевидцы, прошедшие сталинские лагеря в описываемое Солженицыным время, давно разоблачили его клеветнические выдумки о творившихся там зверствах и массовых убийствах. От их мнения можно, конечно, отмахнуться. Но нельзя игнорировать слова самого Солженицына, заявившего в беседе со студентами-славистами в Цюрихском университете, что его «Архипелаг ГУЛАГ» – это не историческое и не научное исследование, а «опыт художественного», то есть, если называть вещи своими именами, – выдумка. Солженицын заявил:

«Художественное исследование по своим возможностям и по уровню в некоторых отношениях выше научного... Там, где научное исследование требовало бы сто фактов, двести, – а у меня их – два! три! И между ними бездна, прорыв. И вот этот мост, в который нужно бы уложить ещё сто девяносто восемь фактов, – мы художественным прыжком делаем, образом, рассказом, иногда пословицей. Я считаю, что я провёл самое добросовестное исследование, но оно местами не научное... Конечно, кое о чём надо было и догадаться».

То бишь, те чудовищные цифры погибших в ГУЛАГЕ, те зверства, что описывает Солженицын в своей книге – практически его «догадки», а не факты. Другими словами – явная, не отрицаемая самим автором скандального «труда» ложь и клевета! После подобных откровений даже на Западе многие считают «Архипелаг ГУЛАГ» клеветой на Россию, а в Женеве, на территории ООН, властями запрещена продажа этой книги на английском и французском языках, как **«оскорбляющей одного из членов ООН»**.

И вот такого иуду с восторгом и почитанием обласкали нынешние российские власти и даже ввели его насквозь лжи-

вый «Архипелаг ГУЛАГ» в школьную программу! Бедные наши дети!

Когда-то я пробовал читать Солженицына, и он мне очень не понравился. В любом смысле. Особенно тяжело продираться через его корявый, порой просто безграмотный язык. Думаю, если бы не явный антисоветизм Солженицына, он так и остался бы одним из мало кому известных графоманов. «Великим писателем» Солженицына провозгласили враждебный России Запад и та самая наша «интеллигенция», перманентно оппозиционная власти.

Более того, эти всегда враждебные России силы убедили самого Солженицына, что тот «великий писатель». Солженицын даже отрастил себе толстовскую бороду и так же, как Лев Николаевич, стал «многомудро», но косноязычно рассуждать о народе. Однако борода и косноязычие у Солженицына только внешне похожи на толстовские. За ними нет ни мудрости, ни содержания. Поэтому, используя книги Солженицына и его самого в деле очернения советского прошлого, обласкав иуду морально и материально, нынешняя власть отказалась воспринимать его как помощника, а тем более учителя, в деле построения сегодняшнего политического и гражданского устройства России.

Историю, как известно, всегда пишут и переписывают победители. Поэтому новая власть всячески старается очернить прежнюю, показать народу, что она для него – лучшая из возможных. Одной голый пропаганды в таком деле не достаточно, а потому власть часто даёт деятелям искусства так называемый «социальный заказ». Художники пишут нужные картины, а писатели – книги, режиссёры снимают фильмы. К лозунгам и призывам народ быстро привыкает и перестаёт воспринимать их буквально, а литература и особенно кино могут почти незаметно промывать мозги людям практически ежедневно и, в отличие от лозунгов, без эффекта «оскомины», если, конечно, применять их с умом. И, разумеется, на щит поднимаются все

враги проигравшей стороны, в том числе и явные иуды, на предательство которых новая власть закрывает глаза. Кино, как самое массовое искусство, наиболее востребовано в данном деле. Это обстоятельство отмечал ещё В.И. Ленин.

Снятый по роману А.И. Солженицына «В круге первом» киносериал – явный социальный заказ ныне властвующей «истинной» либеральной демократии в деле очернения демократии советской. Если внимательно посмотреть на Нержина, главного персонажа фильма и книги, то легко увидеть, что его жизненный выбор ничем практически не обоснован. Больше верится в то, что он просто не оправдал надежд как учёный, потому и «уволен» из Шарашки. А всё остальное, типа идейное, Солженицын накрутил в оправдание поступков своего героя. Ведь Нержин больше писал всякие «мысли о», чем занимался наукой. Что, собственно, и показала его дальнейшая судьба и литературная карьера вплоть до пресловутой всегда пристрастной и политически ангажированной Нобелевки. К науке он так и не вернулся!

Бывший зэк Нержин и явный предатель дипломат Володин – две ипостаси самого автора. Солженицын прекрасно понимал, что предаёт свою страну, публично «трясёт грязное бельё», «выметает мусор из избы» и даже явно клеветает на неё. Как говорится: «льёт воду на мельницу» врагов своей Родины. Как всё это объяснить и оправдаться? Солженицын просто муссирует известные слова Герцена о границах патриотизма. Но кто сейчас слушает и слышит Герцена? Кто вообще что-нибудь помнит о Герцене, кроме его фамилии, да и то из школьного курса литературы, а не истории! Герцен жил за границей, работал против собственного тогдашнего правительства, то бишь – тоже был фактическим предателем, и тоже пытался оправдаться перед друзьями. Солженицын приводит слова одного предателя как оправдание для другого предателя. Каких-либо иных аргументов у него нет! Те же «оправдания», видимо, Солженицын нашёл и для себя. А наша либеральная «интеллиген-

ция» с восторгом всё это проглотила. А как же иначе? Власти меняются, а русские либералы нет. Ещё Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» устами своего героя хлестко припечатал:

«Мой либерал дошёл до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьёт свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нём смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё. Если есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает, и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм... Эту ненависть к России, ещё не так давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь к отечеству и хвалились тем, что видят лучше других, в чём она должна состоять; но теперь уже стали откровеннее и даже слова «любовь к отечеству» стали стыдиться, даже понятие изгнали и устранили как вредное и ничтожное... Такого не может быть либерала нигде, который бы самое отечество своё ненавидел. Чем же это всё объяснить у нас? Тем самым, что и прежде, — тем, что русский либерал есть покамест ещё нерусский либерал; больше ничем, по-моему».

Ныне Солженицын обласкан властью, и сразу наглядно проявился факт, что он совершенно никому не интересен, кроме неё и ярых антисоветчиков. Кто сейчас прислушивается к Солженицыну? Кто его превозносит как писателя, тем более мыслителя? Его практически не было видно ни по телевидению, ни в новостях, ни в ток-шоу, не слышно по радио, о нём не пишет ни наша, ни западная пресса, его книги не вызывают диспуты. И всё это при том, что Солженицын — не давно забытый всеми Герцен, а наш современник, вновь поднятый на щит в деле «борьбы с коммунизмом» нынешней российской властью. Если б не просмотренный сериал по его книге, я бы тоже сейчас о нём и не вспомнил. Иуды интересны только тем, кто их использует...

ТРАГЕДИЯ ДОНА РУМАТЫ, или СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ

Последние межнациональные и межконфессиональные столкновения в России и Европе подвигли меня перечитать любимый с детства фантастический роман братьев Стругацких «Трудно быть богом». Ведь нынешние столкновения – это по большому счёту борьба разных культур за главенство в мире, т.е. – за правильность. Христианская Европа попыталась мирным путём «поднять до себя» иммигрантов из отсталых, по её мнению, мусульманских стран Востока и Африки. С огромным разочарованием европейцы недавно констатировали, что личным примером и словесными убеждениями им не удалось интегрировать иммигрантов в европейскую культуру. Те продолжают отвергать так называемые «общечеловеческие ценности» и живут по своим средневековым обычаям и законам.

В России же процесс столкновения пошёл ещё дальше и страшнее: пришельцы с Кавказа не только отвергают русские обычаи и порядок, но и демонстративно стараются навязать всем вокруг свои средневековые представления об образе жизни и давно устаревшие обряды. А наше российское руководство упорно заставляет остальных «россиян» противодействовать проявлениям зверств и дикости кавказцев только мирными средствами.

Но ведь братья Стругацкие уже почти полвека назад в своём романе показали несостоятельность метода «бескровного воздействия»! Да, это фантастический роман, но фантастика фантастике рознь. Одно дело чисто развлекательные сказки для взрослых, другое – научная фантастика, частью которой является и фантастика социальная.

Роман А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» с детства был одним из моих любимейших, а за его главного героя, дона Румату, я ранее готов был перегрызть глотку любому! Раньше я был уверен, что братья Стругацкие написали этот роман, чтобы показать бессмысленность самой идеи ускорения прогресса мирными способами. В романе есть сцены, в которых Румата обсуждает с аборигенами различные возможные способы воздействия «бога» на арканарское общество с целью улучшения жизни людей, и все эти способы в конечном итоге приводят не к прогрессу, а регрессу. В конце концов собеседник Руматы в отчаянии восклицает: **«Тогда, господа, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, ещё лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой»**. И я всегда ранее соглашался с авторами, восхищался независимостью и бесстрашием барона Пампы, сочувствовал Румате, вынужденному заниматься сизифовым трудом. Вместе с Руматой я ненавидел коварного, трусливого и глупого дона Рэбу, вместе с ним презирал «серость» и жалел грамотеев, вместе с ним мстил за смерть Киры.

Я неоднократно перечитывал эту книгу и с каждым разом ловил себя на неприятной мысли, что образ Руматы как-то тускнеет, теряет героизм в моих глазах. В процессе же нынешнего, последнего прочтения романа Румата чем дальше, тем больше начал вызывать у меня явное раздражение. И это при том, что роман мне по-прежнему нравится, и я наверняка буду перечитывать его в будущем. Что же не так с Руматой? Я решил разобраться.

Румата – прогрессор

Итак, в романе показаны два мира: Земля, где процветает светлое коммунистическое будущее, и планета, люди которой пока ещё не вышли из мрачного феодализма. В прологе романа авторы показывают нам трёх подростков-землян (Антона, Пашку и Анку), играющих в реальных персонажей той мрачной планеты. Этот пролог не случаен: уже в подростке Антоне Стругац-

кие показывают нам индивидуализм и позёрство будущего дона Руматы, его неспособность к игре в команде, глупое упрямство и неоправданную лёгкость, с которой он ставит своего друга Пашку под арбалетный выстрел. Причём, за короткий пролог Антон, красуясь перед Анкой, стреляет из арбалета в Пашку дважды! И если первый выстрел вызывает у Анки недоумение, то второй уже явное осуждение, к которому присоединяется и Пашка.

Антон немного влюблён в Анку, а потому постоянно переигрывает, совершает глупые и даже опасные вещи, чтобы выглядеть в глазах Анки сильным и решительным человеком, способным, в отличие от «правильного Пашки», на неординарный поступок. И в результате портит всем троем не только игру, но и весь день.

Повзрослевших мальчишек мы встречаем уже на погрязшей в средневековые планеты. Что же делают там коммунары Земли? Авторы сообщили нам, что на Земле создан институт экспериментальной истории (ИЭИ). Чем должны заниматься сотрудники этого института, Стругацкие читателю не сообщают. Нам известно только, что на планету заброшено двести пятьдесят коммунаров, среди которых находятся повзрослевшие Антон и Пашка. Авторы показывают нам поступки и мысли только одного из них – Антона, действующего в королевстве Арканар под личиной аристократа дона Руматы Эсторского. Судя по названию института и некоторым диалогам персонажей, земляне проводят на планете эксперимент. Очевидно, пытаются искать способы ускорения прогресса в отсталых в историческом плане обществах. Потому что внедрять на десятилетия коммунаров в феодальное государство ради простого наблюдения явно нерационально. Жизнь человека в историческом плане – миг! Да и что там наблюдать? Средневековые зверства? Интимную жизнь монархов? Феодальные войны? Внедрять агента в средневековое общество под видом безмерно богатого и высокородного аристократа имеет смысл

лишь тогда, когда собираешься использовать его положение для организации социальных преобразований.

Конечно, Румата был начинающим прогрессором. Наверно, поэтому его послали в сравнительно благополучный Арканар.

«Ещё совсем недавно двор Арканарских королей был одним из самых просвещённых в Империи.

Нельзя сказать, чтобы Арканарские короли были ревнителями просвещения или знатоками искусств. Просто это считалось приличным, как церемония утреннего одевания или пышные гвардейцы у главного входа. Аристократическая терпимость доходила порой до того, что некоторые учёные и поэты становились заметными винтиками государственного аппарата».

Просто невероятно благоприятные условия для прогрессорства! Но Румата ими так и не воспользовался. Почему?

В романе есть любопытный диалог Руматы с его коллегой доном Кондором, состоявшийся уже после того, как некогда благополучное Арканарское королевство трудами его первого министра дона Рэбы погрузилось в «серость», кровавый террор и избиение грамотеев. Румата говорит:

– Мне не нравится, что мы связали себя по рукам и ногам самой постановкой проблемы. Мне не нравится, что она называется Проблемой Бескровного Воздействия. Потому что в моих условиях это научно обоснованное бездействие.

На что получает ответ:

– Антон, – сказал дон Кондор. – Не горячись. Я верю, что положение в Арканаре совершенно исключительное, но

я убежден, что у тебя нет ни одного конструктивного предложения.

– Да, – согласился Румата, – конструктивных предложений у меня нет. Но мне очень трудно держать себя в руках.

– Антон, – сказал дон Кондор. – Нас здесь двести пятьдесят на всей планете. Все держат себя в руках, и всем это очень трудно. Самые опытные живут здесь уже двадцать два года. Они прилетели сюда всего-навсего как наблюдатели. Им было запрещено вообще что бы то ни было предпринимать. Представь себе это на минуту: запрещено вообще.

Как видно из этих цитат, коммунары уже не просто наблюдают за аборигенами. Они перешли к фазе активного воздействия, пытаются ускорить прогресс на отсталой планете. Но стараются делать это не путём революций, а бескровно. А Румату такие методы не устраивают! Он считает их «обоснованным бездействием» и, соответственно, никаким прогрессорством не занимается.

Что же конкретно делает Румата в Арканаре? В основном он играет роль бога, не более. Причём, глупого бога. Настоящие боги учат людей правильно жить. Дают им законы и стимулируют их выполнение. А Румата в Арканаре просто демонстрирует всем и каждому собственное превосходство и неуязвимость. Авторы пишут:

«Румата прилагал героические усилия, чтобы поддержать свое реноме. Половина его агентуры, вместо того чтобы заниматься делом, распространяла о нём отвратительные слухи, возбуждавшие зависть и восхищение у арканарской гвардейской молодежи».

Чем занимается вторая половина агентуры и какова её численность, читатель так и не узнает. Сам «бог» не делает никаких попыток хоть как-то продвинуть арканарские порядки вперёд по пути прогресса, «окультурить» аборигенов или ещё как-либо повлиять на происходящее в Арканаре. Не зря ещё в прологе авторы сообщают нам, что Антон новшеств не признавал. Он не работает, а, как и в детстве, играет.

«Время от времени, ... ему вдруг пришло в голову, что нет на самом деле никакого организованного зверства и напирющей серости, а разыгрывается причудливое театральное представление с ним, Руматой, в главной роли. Что вот-вот после особенно удачной его реплики грянут аплодисменты и ценители из Института экспериментальной истории восхищенно закричат из лож: «Адекватно, Антон! Адекватно! Молодец, Тошка!»

И Тошка ограничивается ролью высокородного хама и дуэлянта. Румата скандалит, шляется по бабам и кутит в кабаках. За пять лет своего присутствия в Арканаре он сто двадцать шесть раз дерётся на дуэли! Авторы не сообщают нам, сколько дней в году на той планете, но если судить по земным меркам, то Румата нарывается на дуэли с аристократами и королевскими офицерами не менее двух раз в месяц, а уж сколько он дерётся с «серой сволочью», состоящей из простолюдинов, в тексте романа вообще не упоминается! Ничего удивительного, что он, а вместе с ним и наблюдающие за происходящими в королевстве событиями через его «лобный глаз» земляне, проморгали в Арканаре переворот.

Стругацкие не показывают нам всех агентов-землян и не рассказывают об их деятельности. Антон-Румата пару раз встречается в тайном месте только с двумя своими коллегами: Александром Васильевичем – доном Кондором, носящим титулы Генерального судьи и Хранителя больших государств

венных печатей торговой республики Соан, вице-президента Конференции двенадцати негоциантов и кавалера имперского Ордена Десницы Милосердной, и с другом детства Пашкой, носящим личину дона Гуга, старшего постельничего его светлости герцога Ируканского. По их титулам мы можем догадаться, что коллеги Антона занимают в соседних государствах не последние должности. Они – «в руководстве», в курсе всех тамошних дел, имеют возможность влиять на властителей и события, и поэтому у них «в Багдаде всё спокойно».

Румата же **изначально** занял враждебно-презрительную позицию по отношению к Арканарской власти. Его единственный «блааародный» друг – это извечный враг и соперник короля барон Пампа. За пять лет в Арканаре Румата не смог и, видимо, изначально не захотел войти во властные структуры королевства и попытаться хоть что-то легально изменить.

А дон Рэба за три года провернул у него под носом практически два переворота, легко заставляя короля подписывать и поддерживать нужные Рэбе указы. Причём, успел попутно разглядеть за маской дона-скандалиста совершенно иную личность и выяснить судьбу подлинного дона Руматы. Нашёл и время и возможности.

А что узнал о доне Рэбе Румата? Ничего! Более того, Румата даже не пытается выяснить, кто такой дон Рэба, откуда он взялся и чего хочет. А действовать (работать, а не убивать неудобных!) надо было с самого начала. Румата никак не мог распрощиться с детскими играми. Он провалился и как разведчик, и как экспериментатор. Махать мечом – дело не хитрое. А тут думать надо. И работать!

Вся тайная деятельность Руматы свелась к спасению грамотеев: писателей, поэтов, знахарей и т.п. От чего? От истребления. Как он их спасает? Переправляет в соседние государ-

ства, под крылышко коллег-коммунаров. Образно выражаясь, постоянно сетующий на трудную роль бога дон Румата не только не предотвратил пожар в собственном доме, но даже не пытается его тушить, ограничившись спасением дорогих для него предметов.

Недеяние – это тоже зло. Может быть, куда страшнее того зла, что сотворил во гневе Румата. Но именно из-за недеяния Руматы, неисполнения им своих «должностных обязанностей», и стал возможен Орденский переворот и избиение грамотеев.

Румата – не лаборант, бездумно выполняющий указания учёного. Он сам проводит опыт, а лаборантов должен был найти в Арканаре. Но Румата не имеет программы. Приступая к опыту, он не удосужился её составить. Потому и выполнять-то ему нечего. Он жаждет кровавых сражений, а не долгого и кропотливого бескровного воздействия.

Конечно, критиковать мы все горазды. А возможна ли вообще программа бескровного воздействия? Разумеется! Стругацкие не зря показали в прологе детство героев. Это система учителей – программа воспитания самих коммунаров. Анку воспитательница **заставляла** мыть вечером ноги. Став взрослой, Анка, видимо, делала сию процедуру без принуждения. «Надо возглавить массы и вести их в нужном направлении». Римляне не вылезали из терм, а средневековая Европа считала купание вредным для здоровья. Всё зависит от воспитания.

Вот рецепт для начала: можно королевскими указами вводить начала личной гигиены. К примеру – запрещать неумытым грязнулям посещение дворца, торговлю в лавках и т.п., и т.д. Наш царь Пётр не гнушался лично стричь бороды и рвать больные зубы боярам. В армии и на флоте до сих пор гигиена солдат и матросов осуществляется полунасильно.

Будах, один из спасённых Руматой грамотеев, говорит ему:

– Сущность человека... – в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся.

Но Румата не слышит Будаха. Он заиклен на ненависти и презрении к арканарцам. А потому вместо планомерного искоренения грязи, серости и злобы старается к ним притерпеться. Румата так и не смог заставить даже Уно, своего мальчика-слугу, регулярно мыться и вовремя менять простыни хотя бы своему хозяину. Сам Румата ходил в застиранной и заштопанной одежде, несмотря на демонстративную брезгливость. Пара цитат:

«Хорошо бы всё-таки ввести в моду нижнее бельё, подумал Румата. Однако естественным образом это можно было сделать только через женщин, а Румата и в этом отличался неопозволительной для разведчика разборчивостью».

«Насколько было проще с носовыми платками! На первом же балу Румата извлек из-за обшлага изящный кружевной платочек и промокнул им губы. На следующем балу brave гвардейцы уже вытирали потные лица большими и малыми кусками материи разных цветов, с вышивками и монограммами».

Пример с носовым платком на балу, и наплевательство мальчишки-слуги на лекции о микробах могли бы заставить Румату задуматься о методах. Вовсе не обязательно вводить нижнее бельё путём сексуальных связей с практически никогда не моющимися женщинами. Это не носовой платок – нижнее бельё не выставишь на всеобщее обозрение. Поэтому арканарские женщины скорее всего отнеслись бы к трусам Руматы столь же недоумённо, как и его слуга Уно. Некоторые наши

современницы-феминистки уже тоже не носят нижнее бельё, особенно в летнюю жару, хотя им с детства известно о микробах и правилах личной гигиены.

Новшества лучше и легче внедряются сверху – пример царя Петра тому яркая иллюстрация. Да, насильно! Зато после Петра российских недорослей учили уже в собственном университете, а не посылали за границу. Вот такое прогрессорство в нашей собственной истории. Румате надо было внедряться в ближний круг короля, «пробивать» необходимые ему королевские указы и тем самым способствовать ускорению прогресса в арканарском обществе. Дон Рэба пошёл именно таким путём и быстро добился своих целей.

Испытывать чувства к подопытным особям можно, но вот руководствоваться ими, как это делает Румата, противопоказано.

«А ведь мне уже ничто не поможет, подумал он с ужасом. Ведь я же их по-настоящему ненавижу и презираю... Не жалею, нет – ненавижу и презираю. Я могу сколько угодно оправдывать тупость и зверство этого парня, мимо которого я сейчас проскочил, социальные условия, жуткое воспитание, всё, что угодно, но я теперь отчетливо вижу, что это мой враг, враг всего, что я люблю, враг моих друзей, враг того, что я считаю самым святым. И ненавижу я его не теоретически, не как «типичного представителя», а его самого, его как личность. Ненавижу его слюнявую морду, вонь его немытого тела, его слепую веру, его злобу ко всему, что выходит за пределы половых отправления и выпивки».

А действительно ли дело в физической брезгливости Руматы и неприятия им низкого интеллектуального развития и образа жизни арканарцев? Поглядим, каков из себя единственный друг Руматы барон Пампа:

«Барон возмещал потерю жидкости в течение полчаса и слегка осоловел. В промежутках между глотками он поведал Румате свои неприятности. Он несколько раз проклял «этих пропойц соседей, которые повадились в замок. Приезжают с утра якобы на охоту, а потом охнуть не успеешь – уже все пьяны и рубят мебель. Они разбредаются по всему замку, везде пачкают, обижают прислугу, калечат собак и подают отвратительный пример юному баронету. Потом они разъезжаются по домам, а ты, пьяный до неподвижности, остаёшься один на один с баронесой».

«Через несколько минут они бок о бок ехали верхом по узкой улице, погруженной в крошечную тьму. Барон, несколько оживившийся, в полный голос рассказывал о том, какого позавчера затравили вепря, об удивительных качествах юного баронета, о чуде в монастыре святого Тукки, где отец настоятель родил из бедра шестипалого мальчика... При этом он не забывал развлекаться: время от времени выпускал волчий вой, улюлюкал и колотил плеткой в запертые ставни».

Очевидно, что при таком образе жизни барон вряд ли благоухал розами и был интересным собеседником. И всё же Пампа, грамотеи, Кира и скупердяй Уно у Руматы отвращения и снисходительности не вызывают. Хотя никто из них сроду не мылся! Их грязь и запах ему совершенно не мешают, не вызывают никакой брезгливости. Значит, отвращение у Руматы вызывает не физическая грязь, не запах, а ...а что?

Проблема-то оказывается в том, что бог сам поделил арканарцев на «своих» и «чужих». Свои – это те, кто заботится о Румате, и те, о ком заботится он. Все остальные – чужие, а значит: грязные, вонючие, «серые» и злобные. При таком раскладе просто не возможна работа, которую ждут от Руматы

коллеги по ИЭИ. Дон Кондор однажды прямо говорит Румате, что коммунары пришли на эту планету «для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой. В конце концов, ты действительно не ребенок и знал, что здесь увидишь». Но Румата ищет и находит причину собственной несостоятельности не в себе, а в арканарцах.

«Это безнадежно, подумал он. Никаких сил не хватит, чтобы вырвать их из привычного круга забот и представлений. Можно дать им всё. Можно поселить их в самых современных спектроглассовых домах и научить их ионным процедурам, и всё равно по вечерам они будут собираться на кухне, резаться в карты и ржать над соседом, которого лупит жена. И не будет для них лучшего времяпрепровождения».

А раз «безнадежно», то Румата ничего и не делает по существу проблемы. Фактически он разделил подопытных «кроликов» на «хороших» и «плохих» и пытается отделить одних от других, пересаживая «хороших» из одной «клетки» в другую, чуть более для них комфортную, судьба же «плохих» экспериментатора совершенно не волнует. Румата ищет не способ, как ему что-либо сделать для арканарцев, а причины для того, чтобы ничего не делать. Смиримся с тем, что он фактически забросил Эксперимент, но как же работа разведчика?

Румата – разведчик

Румата постоянно носит на голове украшение в виде золотого обруча с драгоценным камнем.

«Камень был не камень, а объектив телепередатчика, и обруч был не обруч, а рация. Историки на Земле видели

и слышали всё, что видели и слышали двести пятьдесят разведчиков на девяти материках планеты. И потому разведчики были обязаны смотреть и слушать».

Ну что может увидеть один человек? Было бы гораздо рациональнее, если б Румата рассовал замаскированные (не в виде драгоценностей, конечно) телепередатчики в тех местах, где это нужно землянам, вместо того, чтобы служить ходячей телекамерой! Румата пять лет назад внедрил в процветающее королевство, в котором развивались науки и искусства, и, соответственно, были в почёте так называемые «грамотеи». На его глазах за последние два-три года в Арканаре происходят кардинальные изменения. Кем-то активно начат явный культурный откат, насаждение «серости», поголовное истребление поэтов, знахарей, лекарей и просто грамотных людей. Румата судорожно мечется по королевству, пытается спасти хоть кого-нибудь из грамотеев от издевательств и физического уничтожения. При этом он продолжает вести прежний образ жизни, чтобы сохранить имидж гуляки, дуэлянта и скандалиста. Соответственно, думать о причинах происходящих в стране перемен Румате абсолютно некогда. Да он и сам особо не стремится нагружать свой разум, целиком полагаясь на чувства и аналогии из земной истории.

Румата ***«чувствует»***, что ***«в недрах дворца, в роскошных апартаментах, где подагрический король, ...слабоумно хихикая, подписывает один за другим жуткие приказы, обрекающие на мучительную смерть самых честных и бескорыстных людей, где-то там вызревал чудовищный гнойник, и прорыва этого гнойника надо было ждать не сегодня-завтра»***. Любой нормальный разведчик бросил бы все силы на выяснение причин происходящего в стране. Тут-то Румата с его возможностями мог бы развернуться во всю силу! Но нет, и здесь он провалился по всем статьям.

Очевидный для любого разведчика вопрос: кто же истребляет грамотеев? Ответ никто не пытается скрывать: дон Рэба, второй после короля человек в Арканаре. А зачем дон Рэба истребляет грамотеев? Над этим Румата совершенно не задумывается! Любой нормальный разведчик сразу же приставил бы к дону Рэбе часть своих шпионов или использовал соответствующие технические средства, чтобы выяснить, что тот задумал. Но считающий себя богом Румата высокомерно считает дона Рэбу ничтожеством, на которое не стоит и внимания обращать.

«Дон Рэба, дон Рэба! ...Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький, даже какой-то синеватый. Потом тогдашний первый министр был вдруг арестован и казнён, погибли под пытками несколько одуревших от ужаса, ничего не понимающих сановников, и словно на их трупах вырос исполинским бледным грибом этот цепкий, беспощадный гений посредственности. Он никто. Он ниоткуда. Это не могучий ум при слабом государе, каких знала история, не великий и страшный человек, отдающий всю жизнь идее борьбы за объединение страны во имя автократии. Это не златолюбец-временщик, думающий лишь о золоте и бабах, убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать.

Он упразднил министерства, ведающие образованием и благосостоянием, учредил министерство охраны короны, снял с правительственных постов родовую аристократию и немногих учёных, окончательно развалил экономику, написал трактат «О скотской сущности земледельца» и, наконец, год назад организовал «охранную гвардию» – «Серые роты». За Гитлером стояли монополии. За доном Рэбой не стоял никто, и было очевидно, что штурмовики в конце концов сожрут его, как муху.

А может быть, дон Рэба просто глупый и удачливый интриган, сам толком не знающий, чего он хочет, и с хитрым видом валяющий дурака у всех на виду? Смешно, я три года слежу за ним и так до сих пор и не понял, что он такое. Впрочем, если бы он следил за мной, он бы тоже не понял».

Непонятно, каким образом Румата следит за доном Рэбой, если до последнего мига уверен, что за ним никто не стоит? И почему считает ничтожным человека, который всего за три года смог кардинально изменить всю жизнь в королевстве, в то время как сам «бог» за почти вдвое больший срок не смог сделать ничего? Румата даже не заметил, что за каждым его шагом постоянно следят агенты дона Рэбы! А вот дон Рэба за всеми своими немалыми заботами умудрился не только понять, но и доказать, что под личиной дона Руматы Эсторского в Арканаре действует представитель неизвестной могущественной организации, возможности которой игнорировать нельзя. Более того, он даже обнаружил связь между Руматой и доном Кондором! Вот такой вот «гений посредственности»!

Беда Руматы в том, что играя роль бога, он остаётся заурядным человеком, не способным подняться над собственными комплексами. Перед самым переворотом Румата мог получить ценные сведения от доны Оканы, любовницы дона Рэбы. Та сама назначила Румате любовное свидание.

«Идти было противно, не идти было глупо – дона Ока-на много знала».

Почему же Румате было противно встречаться с первой красавицей королевства? Нет, никаких моральных препятствий для этого у него не было. Румата отправился на любовное свидание с доной Оканой прямо из постели Киры, своей единственной настоящей любовницы-арканарки, и не испытывал по данному поводу никаких угрызений совести.

Не принимал во внимание Румата и возможные смертельно опасные лично для него и доны Оканы последствия такого свидания, если о нём узнает дон Рэба. Разве бог может испытывать страх перед ничтожным человечешкой! Судьба же доны Оканы Румату совершенно не заботила, а ведь любовница всесильного министра могла бы стать его ценнейшим агентом! Но Румата является к ней не тайно, а открыто, демонстративно показывая всем и каждому, что пришёл на любовное свидание, прекрасно понимая, что этим бесповоротно губит глупую красотку и наживает себе смертельного врага в лице оскорблённого дона Рэбы.

Единственным препятствием для связи с доной Оканой и другими арканарскими аристократками Румата считает собственную брезгливость. Необходимость телесного и даже сексуального контакта с практически никогда не моющейся женщиной вызывала у Руматы тошноту. И он по обыкновению, как и с другими арканарскими красотками ранее, не доводит дело до физической близости и сбегает. В результате важные сведения о планах дона Рэбы не получены, а несчастная дона Окана гибнет под пытками палачей оскорблённого министра.

Румата тут же находит себе оправдание и прощение в следующем диалоге с самим собой:

«У Пашки бы тоже ничего не вышло, подумал он. Ни у кого бы не вышло. «Ты уверен?» – «Да, уверен». – «Тогда грош вам всем цена!» – «Но меня тошнит от этого!» – «Эксперименту нет дела до твоих переживаний. Не можешь – не берись». – «Я не животное!» – «Если Эксперимент требует, надо стать животным». – «Эксперимент не может этого требовать». – «Как видишь, может». – «А тогда!..» – «Что «тогда»?» Он не знал, что тогда. «Тогда... Тогда... Хорошо, будем считать, что я плохой историк. – Он пожал плечами. – Постараемся стать лучше. Научимся превращаться в свиней...»

Вот так вот. Бог просто пожал плечами. Ну не смог он преодолеть собственную брезгливость! А вот с Кирой смог. Видимо, та не употребляла пудру и духи, а потому воняла меньше аристократок.

Огульное презрение к арканарцам убило в Румате разведчика. Он пропустил или проигнорировал все признаки грядущего переворота.

В Арканаре уже два года работает Патриотическая школа, учреждённая иждивением дон Рэбы для подготовки из мелкопоместных и купеческих недорослей военных и административных кадров. Заметьте, не прогрессор Румата добился открытия школы, не он составил программу обучения и не он подбирал учителей, а губитель грамотеев, рассадник серости дон Рэба!

Румата так и не удосужился узнать, кого на самом деле готовит эта школа. Высокомерный бог зашёл в неё, чтобы устроить туда за взятку преподавателями пару грамотеев, пытаясь таким образом спасти их от уничтожения. При этом Румата по своему обыкновению не упускает случая унизить и оскорбить отца Кина, прокуратора школы, садиста-убийцу, постригшегося в монахи, называя глупыми как написанную прокуратором книгу «Трактат о доносе», так и самого автора. А ведь дон Рэба вряд ли случайно доверил этому человеку Патриотическую школу.

– Не умом поразить тщулся, – с достоинством ответил отец Кин. – Единственно, чего добивался, – успеть в государственной пользе. Умные нам ненадобны. Надобны верные. И мы...

– Ладно, ладно, – сказал Румата. – Верю. Так пишешь что новое или нет?

– *Собираюсь подать на рассмотрение министру рассуждение о новом государстве, образцом коего полагаю Область Святого Ордена.*

– *Это что же ты? – удивился Румата. – Всех нас в монахи хочешь?..*

Отец Кин стиснул руки и подался вперёд.

– *Разрешите пояснить, благородный дон, – горячо сказал он, облизнув губы. – Суть совсем в ином! Суть в основных установлениях нового государства. Установления просты, и их всего три: слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми!*

– *Гм, – сказал Румата. – А зачем?*

– *Что «зачем»?*

– *Глуп ты все-таки, – сказал Румата. – Ну ладно, верю. Так о чём это я?.. Да! Завтра ты примешь двух новых наставников.*

Полагая всех вокруг глупыми, Румата сам совершает непоправимую глупость, проигнорировав столь откровенный намёк на грядущее развитие событий в Арканаре. Любой настоящий разведчик вместо того, чтобы оскорблять отца Кина, внимательно и заинтересованно выслушал бы его откровения, и тогда вторжение Ордена в Арканар не было бы для землян столь неожиданным. Были и другие намёки, о которых горе-разведчик вспомнил уже после переворота.

«Румата поглядел им вслед и вспомнил, что тысячи раз он видел на улицах эти смиренные фигуры в долгополых

чёрных рясах. Только раньше не волочились за ними в пыли ножны тяжёленных мечей. Проморгали, ах, как проморгали! – подумал он. Какое это было развлечение для благородных донов – пристроиться к одиноко бредущему монаху и рассказывать друг другу через его голову пикантные истории. А я, дурак, притворяясь пьяным, плёлся позади, хохотал во всё горло и так радовался, что Империя не поражена хоть религиозным фанатизмом... А что можно было сделать? Да, что можно было сделать?»

Разумеется, сделать можно было многое. Если б у Руматы было желание что-либо делать. Будь Румата при власти, и занимайся он делом прогрессорства вместо того, чтобы корчить из себя бога и огульно презирать окружающих, Орден никогда не смог бы захватить Арканар.

То, что дон Рэба знает о доне Кондоре и связывает его с лже-Руматой, свидетельствует о том, что Орден внимательно изучил не только Арканарское королевство. Он каким-то образом выявил тайную сеть землян и выбрал в ней самое слабое звено. Вот почему дон Рэба «возник из неоткуда» именно в Арканаре. Румата, как и просчитал Орден, до самого конца так и не понял, что происходит. Арканар погружался в «серость», а Румата занимался спасением грамотеев, вместо того, чтобы доискиваться причин внезапных перемен.

«Лейб-знахарь Тата вместе с пятью другими лейб-знахарями оказался вдруг отравителем, злоумышлявшим по наущению герцога Ируканского против особы короля, под пыткой признался во всём и был повешен на Королевской площади. Пытаясь спасти его, Румата роздал тридцать килограммов золота, потерял четырёх агентов (благородных донов, не ведавших, что творят), едва не попался сам, раненный во время попытки отбить осуждённых, но сделать ничего не смог. Это было его первое по-

ражение, после которого он понял, наконец, что дон Рэба фигура не случайная».

И что же сделал Румата? Установил наблюдение за доном Рэбой? Постарался выяснить его связи и цели? Нет! Буквально перед самым переворотом он бездарно губит наиценнейший источник сведений – любовницу дона Рэбы.

«Вчера я убил дону Окану. Я знал, что убиваю, ещё когда шёл к ней с пером за ухом. И я жалею только, что убил без пользы».

Это единственное, о чём сожалеет брезгливый бог, который ***«пришёл сюда любить людей, помочь им разогнуть-ся, увидеть небо»***. И при этом он считает своим поражением только то, что не смог спасти какого-то лейб-знахаря, а не то, что из-за его бездарных действий в качестве разведчика и прогрессора королевство Арканар погружается в террор и хаос, и вовсе не один, а все грамотеи подвергаются истреблению.

Вот ещё один пример непрофессионализма земного разведчика: когда один из агентов Руматы сообщает ему, что дон Рэба тайно встречается во дворце с «королём» разбойников Вагой Колесом, тот вместо благодарности «выливает на него ушат холодной воды»:

«Милейший дон Рипат, – внушительно сказал Румата, – меня интересуют слухи. Сплетни. Анекдоты... Жизнь так скучна... Вы меня, очевидно, неправильно понимаете... (Лейтенант смотрел на него безумными глазами.) Посудите сами – какое мне дело до нечистоплотных связей дона Рэбы, которого, впрочем, я слишком уважаю, чтобы как-то судить?... И потом, простите, я спешу...».

Неудивительно, что Румата практически ничего не знает о доне Рэбе и его планах. Очевидно, одна половина агентуры Руматы занимается сбором сплетен и слухов, а вторая распространением сплетен и слухов о самом Румате. Более того, Румата настолько уверен в собственном превосходстве над всеми, что отказывается признавать свои ошибки. В детстве он упрямо отрицал очевидное в споре с Пашкой о том, в какую сторону поехала машина. В Арканаре после переворота он столь же упрямо отказывается верить, что дон Рэба – наместник Святого Ордена в Арканарской области, епископ и боевой магистр. Стараясь переложить свою вину за произошедшее в Арканаре на дону Рэбу, Румата заявляет дону Кондору и Пашке:

«Мы здесь ломаем головы, тщетно пытаюсь втиснуть сложную, противоречивую, загадочную фигуру орла нашего дона Рэбы в один ряд с Ришелье, Неккером, Токугавой Иэясу, Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком! Он предал и продал всё, что мог, запутался в собственных затеях, насмерть трусил и кинулся спасаться к Святому Ордену. Через полгода его зарежут, а Орден останется. Последствия этого для Запроливья, а затем и для всей Империи я просто боюсь себе представить. Во всяком случае, вся двадцатилетняя работа в пределах Империи пошла насмарку. Под Святым Орденом не развёрнёшься».

Как видите, это не Румата прошляпил переворот и оказался дураком, а мелкий пакостник и трус дон Рэба предал всё и вся! Вот кто виновник того, что «вся двадцатилетняя работа в пределах Империи пошла насмарку». Но дон Кондор не принимает версию Руматы. Он прямо обвиняет того в преступном бездействии:

– Тебе надо было убрать дону Рэбу, – сказал вдруг дон Кондор.

– То есть как это «убрать»?

На лице дона Кондора вспыхнули красные пятна.

– Физически! – резко сказал он.

Румата сел.

– То есть убить?

– Да. Да! Да!!! Убить! Похитить! Сместить! Затащить! Надо было действовать. Не советоваться с двумя дураками, которые ни черта не понимали в том, что происходит.

– Я тоже ни черта не понимал.

Последняя фраза Руматы вовсе не является признанием вины за провал миссии коммунаров в Арканаре. Это очередное оправдание: раз уж дон Кондор с Пашкой не понимали, что происходит, то и Румату упрекать не за что. Румата не принимает во внимание то обстоятельство, что дон Кондор и Пашка работают в своих феодах, в Арканаре бывают редкими наездами, по ночам, исключительно для встреч с Руматой, да и происходят эти встречи не в городе, а в глухом лесу. И Пашка, и дон Кондор, в отличие от Руматы, находятся на службе у своих монархов. Они невероятно заняты собственной работой, но всё же выкраивают время для встреч с Руматой, прибывают к нему в Арканар. Не он к ним ездит посоветоваться, а они, бросая всё, спешат к нему! К этому бездельнику, занятому кутежами, свиданиями с красотками и дуэлями. Они знают арканарскую обстановку только со слов Руматы. Поэтому их «не понимали» совершенно не аналогично его «не понимал». Румата не мог сообщить своим коллегам ничего конкретного о доне Рэбе и его замыслах, снабжая их на редких встречах не

точными разведанными, а своими смутными «чувствами» и «предчувствиями». Что же могли дон Кондор и Пашка посоветовать Румате при подобных исходных данных? Но Румата после каждой такой встречи обижается на своих коллег, упрекает их в шаблонности мышления и отсутствии конкретных советов. Он обижен на то, что они скептически относятся к его «предчувствиям».

Какие уж тут предчувствия! На глазах у Руматы спокойное процветающее королевство погружается в пучину хаоса и террора. Он привлекает к спасению лучших представителей науки и искусства Арканара дон Кондора и Пашку, тем самым засвечивая их перед Орденом, стоящим за доном Рэбой. Те вынуждены отрываться от собственных дел, взваливать на себя проблемы Руматы, как-то устраивать передаваемых им Руматой арканарских грамотеев. Но ни дон Кондор, ни Пашка не могут делать за Румату его работу. Это он снабжает их шаблонными предположениями, это он внушает им ничтожность личности и замыслов дон Рэбы.

В ночь переворота Румата идёт во дворец охранять принца. Он считает эту охрану простой никому не нужной формальностью.

«Покои принца во все времена охранялись плохо. Возможно, именно поэтому на Арканарских принцев никто никогда не покушался. И уж в особенности не интересовались нынешним принцем. Никому на свете не нужен был этот чахлый голубоглазый мальчик, похожий на кого угодно, только не на своего отца».

Румата уже знает, что дон Рэба заключил какую-то сделку с «королём» бандитов Вагой Колесом. Идя на дежурство, он видел стоящих на каждом перекрёстке ждущих сигнала штурмовиков. И поэтому Румата садится в покоях принца у окна

и, как в театре, собирается смотреть «пьесу», приготовленную доном Рэбой.

И вот «заполыхало в порту. События начались. Через несколько часов станет понятно, что означает союз серых и ночных армий, противоестественный союз лавочников и грабителей с большой дороги, станет ясно, чего добивается дон Рэба и какую новую провокацию он задумал. Говоря проще: кого сегодня режут. Скорее всего, началась ночь длинных ножей, уничтожение зарвавшегося серого руководства, попутное истребление находящихся в городе баронов и наиболее неудобных аристократов».

Как видно из этой цитаты, Румата совершенно не понимает сути происходящего. Он приписывает дону Рэбе очередной шаблон из земной истории. Ни принцу, ни Румате, находящемуся в его покоях, в этом шаблоне ничего не грозит. И поэтому когда во дворец принца врываются штурмовики, Румата растерялся.

«За спиной из спальни донесся короткий подавленный вопль. Плохо дело, подумал Румата. Ничего не понимаю».

Когда штурмовики схватили непобедимого «бога» и потащили связанного из дворца, Румата увидел *«ворох окровавленных простыней на кровати. «Так это переворот! – подумал он. – Бедный мальчик...»*. И вновь ошибся! Для обыкновенного переворота дону Рэбе незачем было вступать в сговор с Вагой Колесом. Но Румата по-прежнему мыслит шаблонами, отменяя всё, что в этот шаблон не вписывается. Ведь он считает арканарцев *«колонией простейших»*. Разве амёба может быть умнее бога и придумать что-то новое, ему пока не известное?

Узнав, наконец, из уст самого дона Рэбы, что происходит на самом деле, Румата по обыкновению снимает с себя всякую

ответственность за принятие каких-либо решений: **«надо связаться с доном Кондором. И надо связаться с патрульным дирижаблем, пусть сообщат на Базу. И надо прикинуть, что мы теперь должны делать, и можем ли мы что-нибудь сделать, и как быть, если мы ничего больше не сможем сделать».**

Дон Кондор, как всегда, отложив собственные дела, примчался в Арканар на встречу с Руматой. Мы знаем, что Румата рассказал дону Кондору свою версию событий, в которой он многоходовую операцию Ордена по захвату Арканарского королевства представил интригой глупого и трусливого дона Рэбы. И дон Кондор, поверив Румате, говорит:

– Что будем делать с Орденом? Я предлагаю блокаду Арканарской области. Ваше мнение, товарищи? И побыстрее, я тороплюсь.

– У меня никакого мнения ещё нет, – возразил Румата. – А у Пашки тем более. Надо посоветоваться с Базой. Надо оглядеться. А через неделю встретимся и решим.

Получается, что Румата оторвал своих товарищей от дел не для того, чтобы посоветоваться и решить, что делать дальше. Он не желает принимать никаких решений и даже нагло отказывает Пашке в наличии у того собственного мнения! Пусть пока База думает и решает. Тем самым Румата преступно оттягивает время конкретных действий землян. Ведь блокада – это всё та же не устраивающая Румату политика «бескровного воздействия». Но есть ли иной путь? Чего же хочет сам Румата?

Румата и Арата

С детства идеалом Антона является имперский простолюдин Арата Красивый. «Это был профессиональный бунтовщик, мститель божьей милостью». Пытки врагов и боевые раны изменили прозвище Араты с «Красивый» на «Горбатый», но одновременно увеличили ореол героизма главного бунтовщика Империи в глазах выросшего Антона, и тот, будучи уже доном Руматой, оказывает своему кумиру максимально возможную помощь. Он постоянно финансирует все авантюры Араты, хотя отлично понимает всю их бесперспективность. Однажды Румата даже лично бросается спасать из застенков захваченного врагами бунтовщика, что приводит в дальнейшем к полной расшифровке истинной личности дона Руматы в глазах Араты. Даже возлюбленная Руматы, арканарка Кира, не знала о нём того, в чём он признался Арате, поставив тем самым под удар всю тайную прогрессорскую сеть землян.

Но, видимо, Румата открыл Арате правду о себе столь же неуклюже, как и всё, что он делал в Арканаре, и тот понял только одно: ***«за небесной твердью действительно живут боги, всеблажие и всемогущие. И с тех пор каждый разговор с Руматой он сводил к одному: бог, раз уж ты существуешь, дай мне свою силу, ибо это лучшее, что ты можешь сделать».***

Румата прекрасно понимает, что метод Араты – бунт и истребление аристократов – не приведёт к осуществлению поставленной цели: не даст свободу простолюдинам. Бунтовщик – это не революционер. Арата не собирается менять в Империи общественный строй. В случае победы он просто заменит потомственных аристократов-феодалов на себя и своих соратников, а для простолюдинов практически ничего не изменится, и никакой свободы они не получают. До сих пор ни одно восстание под предводительством Араты так и не увенчалось успехом. И всё же Румата рискует всей миссией землян, помогая во всём

главному бунтовщику Империи. Он снабжает Арату золотом для очередного кровавого бунта даже после захвата Орденом Арканарского королевства! Почему, наплевав на собственные проблемы, Румата тратит время и ресурсы на поддержку бессмысленного кровопролития в безнадёжных проектах Араты, вместо того, чтобы дать главному бунтовщику Империи настоящую цель и прогрессивную идею переустройства мира?

Румата был уверен, что *«Арата явно превосходил его в чём-то, и не только его, а всех, кто незваным пришёл на эту планету»*. Мы знаем, что Антон с детства не мог примириться с тем, что кто-то в чём-либо превосходит его. И Румата играет перед Аратой всемогущего бога. Он знает больше, видит дальше, может невозможное для местных аборигенов, у него неисчерпаемые запасы золота и невиданное здесь мощное оружие. Знаменитый Арата постоянно обращается к Румате за помощью, и это не может не тешить самолюбие землянина. Хоть в этом он выше Араты!

Но воевать в одном ряду с Аратой Румата по туманным для того причинам упорно отказывается. И поделиться оружием не желает. Поэтому Арата видит в коммунарах не образец для подражания и уж тем более не идеал, а развлекающихся от скуки небожителей. Но на таких союзников невозможно положиться! Сегодня бог на твоей стороне, а завтра куда он кинется в поисках приключений? И Арата прямо заявляет Румате:

«Уходите отсюда, дон Румата, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите. Либо дайте нам ваши молнии, или хотя бы вашу железную птицу, или хотя бы просто обнажите ваши мечи и встаньте во главе нас. В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину – это всегда наполовину враг».

Слова Араты звучат как ультиматум, но Румата пропускает их мимо ушей. Ему всегда было плевать на цели и методы

главного бунтовщика Империи, потому что не они, а сам Арата изначально привлекают землянина.

«Арата был здесь единственным человеком, к которому Румата не испытывал ни ненависти, ни жалости, и в своих горячечных снах землянина, прожившего пять лет в крови и вони, он часто видел себя именно таким вот Аратой, ПРОШЕДШИМ все АДЫ Вселенной и ПОЛУЧИВШИМ ЗА ЭТО высокое ПРАВО УБИВАТЬ убийц, пытать палачей и предавать предателей».

Я специально выделил то, о чём мечтал Румата, этот человек будущего, связанный путами воспитания и гуманизма. Как мы знаем, Румату изначально не устраивал метод бескровного воздействия. Румата жаждет действий, кровавой драки. Он хочет превзойти своего кумира и добиться успеха там, где Арату постоянно преследует поражение. Но как сбросить с себя путы непрерывно наблюдающих за ним землян? Где тот ад, который Румате надо пройти, чтобы ПОЛУЧИТЬ ПРАВО УБИВАТЬ?

Впервые мы встречаемся в романе с доном Руматой, когда он помогает бегущему из Арканара «грамотею» избежать встречи с «серым патрулём». Буквально в первом же диалоге авторы показывают нам истинное желание Руматы:

– Было бы скучно проехать столько миль и ни разу не подраться. Неужели тебе никогда не хочется подраться, Киун? Всё разговоры, разговоры...

– Нет, – сказал Киун. – Мне никогда не хочется драться.

– В том-то и беда, – пробормотал Румата, поворачивая жеребца и неторопливо натягивая перчатки.

Он толкнул жеребца коленом и рысью двинулся навстречу штурмовикам. Трусят, подумал он. Мнутя... Ну хоть пару оплеух! Нет... Ничего не выйдет. Так хочется разрядить ненависть, накопившуюся за сутки, и, кажется, ничего не выйдет. Останемся гуманными, всех простим и будем спокойны, как боги. Пусть они режут и оскверняют, мы будем спокойны, как боги. Богам спешить некуда, у них впереди вечность...

Как видите, Румата начал торить дорогу в ад, провоцируя опасность для себя лично. Он намеренно хамит всем подряд, нарываясь на дуэли, становится другом и собутыльником барона Пампы, извечного врага арканарских королей. Но спецподготовка и постоянно носимая Руматой непробиваемая местным оружием рубашка (погибать он не собирается!) сделали его неуязвимым. В результате уже никто не осмеливается вступать в схватку с доном Руматой. Оказалось, что таким путём он не смог получить право убивать.

Тогда Румата намеренно провоцирует всесильного дона Рэбу, «соблазняя» его любовницу дону Окану. Но дон Рэба неожиданно для всех ограничивается местью предавшей его женщине. А, возможно, это была вовсе не месть. Несчастную дону Окану пытаются. Что если дон Рэба специально подставил дону Окану Румате в качестве любовницы? В отличие от «брезгливого» Антона дон Рэба вполне мог использовать женщину в качестве дополнительного источника сведений о загадочном лжеРумате. И дону Окану пытаются, но несчастная ничего нового не может сообщить дону Рэбе и умирает в муках. Ни о какой ревности или любви к доне Окане со стороны дона Рэбы не может быть и речи. Ведь Рэба – монах! Он носит личину дона, выполняя задание Ордена. Но Румата этого пока не знает, и когда в ночь переворота на него нападают штурмовики и явно пытаются убить, Румата решает, что долгожданный миг освобождения от пут земного гуманизма настал: **«он бил и бил**

локтями, кулаками, плечами (давно он не чувствовал себя так свободно)».

Будь Румата местным аборигеном любого ранга и положения, его, несомненно, убили бы. Но дон Рэба уже понял, что за лжеРуматой стоит неизвестная могущественная организация. Когда связанного Румату штурмовики доставляют в кабинет дона Рэбы, тот предлагает земному прогрессору раскрыть карты. Более того, Рэба предлагает Румате сотрудничество!

«Я ценю ваше упорство, – сказал он. – В конце концов, вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их. Я очень рад, что мы объяснились. Возможно, вы когда-нибудь изложите мне свои взгляды, и совершенно не исключено, что вы заставите меня пересмотреть мои. Люди склонны совершать ошибки. Может быть, я ошибаюсь и стремлюсь не к той цели, ради которой стоило бы работать так усердно и бескорыстно, как работаю я. Я человек широких взглядов, и я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу».

Но Румата немедленно отвергает любое сотрудничество. Он продолжает вести себя, как недостижимый бог, который может в любой момент раздавить столь ничтожного червяка, как дон Рэба. Ошеломлённый несговорчивостью, откровенной наглостью и потоком оскорблений со стороны легко уязвимого в данный момент Руматы, Рэба говорит:

– Но я тоже могу убить вас. В любую минуту. Сейчас. Завтра. Вчера. Это вы понимаете?

– Это меня не интересует, – сказал Румата.

– А что же? Что вас интересует?

– А меня ничто не интересует, – сказал Румата. – Я развлекаюсь.

Конечно, вряд ли Орден всерьёз пошёл бы на сотрудничество с земными прогрессорами. Скорее всего, предлагаемое сотрудничество – это способ узнать как можно больше о землянах и их целях. И всё же намеренно грубая и оскорбительная форма, в которой Румата отвергает любую возможность сотрудничества с Орденом в лице дон Рэбы, не может быть объяснена ни врождённой тупостью Антона, так и не осознавшего всей полноты опасности такого поведения для него лично, ни привычкой Руматы вести себя по-хамски с окружающими. Румата уже понял, что ему не грозит немедленная смерть. Так, может быть, он решил организовать себе муки ада и получить, наконец, заветное право убивать, если дон Рэба не выдержит оскорблений, сорвётся и отправит Румату в лапы палача? Или он пытался натолкнуть дон Рэбу на мысль узнать о землянах побольше с помощью пыток? Однако дон Рэба не поддаётся ни на какие провокации, даже на наглое освобождение Руматой из камеры пыток барона Пампы и организацию его бегства. Всё это даёт Румате уверенность, что дон Рэба его боится. Он так и заявляет дону Кондору на тайной встрече:

– Он по крайней мере у меня в руках.

– Каким образом?

– Он меня боится. Он догадывается, что за мною сила.

Таким образом, Румата прекрасно понимает, что больше не может рассчитывать на личные физические муки в деле обретения желанного ПРАВА. Остаётся единственный способ. Более того, эта возможность очевидна и его коллегам.

Румата и Кира

– Все мы разведчики, – сказал дон Кондор. – И всё дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника.

– Вы говорите о Кире? – спросил Румата.

– Да, мой мальчик. Если всё, что я знаю о доне Рэбе, – правда, то держать его в руках – занятие нелёгкое и опасное. Ты понимаешь, что я хочу сказать.

Конечно, Румата всё и сам прекрасно понимает. Гибель мальчика-слуги Уно и несостоявшейся любовницы доны Оканы не дают ему желаемое ПРАВО. Другое дело – Кира! После раскрытия карт между Руматой и Рэбой трагедия Киры становится неизбежной. До случившегося с Кирой Румата был пришельцем в этом мире. Именно её смерть сделала его жителем этой планеты, и он, наконец, получил право (внутреннее) действовать.

Мне хочется думать, что Румата бессознательно стремился к трагедии Киры, чтобы получить то самое право убивать. Однако, нужно признать, что сама Кира не раз говорит Румате, что ей страшно. Дон Кондор прямо предупреждает Румату об опасности, грозящей ей. Сам Румата «каменел» от таких же мыслей, но ничего не сделал, чтобы обезопасить единственного дорогого ему человека. И «кольчужку» в роковую минуту он натягивает на себя, а не на Киру! И приобрести для Киры подобную рубашечку он не сподобился. А всё почему? Смерть друзей и слуг не даёт такого ПРАВА, как смерть жены: «муж и жена – одна сатана». Конечно, формально Кира не жена Румате, а только возлюбленная, и всё же её смерть касается уже лично Руматы. Этот тот ад, обретения которого он так жаждал.

Орден не рискнул убить самого Румату, но вот смерть его любовницы-аборигенки, очевидно, должна была послужить своеобразным уроком самому Румате и одновременно вызовом для стоящей за ним организации. Орден, видимо, предполагал, что Румата сорвётся. А все предыдущие срывы земных агентов в соседних государствах приводили к эвакуации провалившихся прогрессоров. Таким образом, Орден решил руками эгоцентричного Руматы окончательно освободить Арканар от присутствия и влияния в нём землян.

Дон Рэба прекрасно изучил Румату, а потому план Ордена полностью удался. Румата действовал, как марионетка Рэбы. Нет, он вовсе не впал в состояние аффекта, увидев смерть Киры. Он не бросился, сломя голову, в кровавую сечу. Румата действовал спокойно и обдуманно. Снял и спрятал передатчик, чтобы наблюдающие за ним земляне не сразу поняли, что происходит, и не успели ему помешать, **«потом подобрал мечи, медленно спустился по лестнице в прихожую и стал ждать, когда упадёт дверь»**. Ну, а когда дверь упала, Румата, наконец-то, «отвёл душу» и помахал мечами, проложив себе кровавый путь до самого дворца и дона Рэбы в нём.

Выводы

Таким образом, эгоизм Руматы, его очередное пренебрежение к соблюдению установленных «правил игры», его постоянное желание показать всем и каждому, что он выше, умнее и сильнее всех, и, наконец, его неутолимая жажда разрядить накопившуюся ненависть к «серости», ко всей этой арканарской «колонии простейших» и главное — к «гению посредственности» дону Рэбе, переигравшему по всем статьям его, Румату, и даже посмевшему убить любимую женщину земного бога, приводят к катастрофе и большим человеческим жертвам. Сам Румата, разумеется, остаётся жив и невредим.

Его вовремя спасают коллеги. Но вот Арканар для землян окончательно потерян. И виноват в провале арканарской миссии земных прогрессоров Румата, игравший роль бога, вместо того, чтобы работать им.

Стругацкие не зря написали пролог. В нём авторы показали, что Антон с детства был таким: позёр и тупоупрямец. Не знал, где надо остановиться: корчил из себя Вильгельма Теля, в споре отказывался признавать очевидное, из чистого упрямства пошёл по дороге не в том направлении. А Пашка пошёл тогда, в детстве, идёт и сейчас, по правильной дороге. В детстве он, в результате, «помогал чинить машину», сейчас — помогает приближать светлое будущее аборигенам. А Антон, как в детстве пошёл не в ту сторону, так и сейчас, в Арканаре, **«натывается на прикованного к пулемёту фашиста»**. Вместо того, чтобы поднимать арканарцев до себя, Антон сам деградировал до их уровня. Куда при этом смотрели и о чём думали непрерывно наблюдавшие за всеми действиями Руматы сотрудники ИЭИ, совершенно не понятно.

Получается, что Стругацкие показали нам дон Румату, который НЕ занимался сбором информации как разведчик и НЕ пробовал никаких инструментов воздействия как прогрессор.

Своего единственного друга, барона Пампу, Румата считает «безмозглым быком»! Своего мальчика-слугу Уно Румата нагружает непосильной задачей защиты Киры от толпы убийц, и бедняга гибнет, пытаясь исполнить заведомо невыполнимое задание хозяина. И Кира бы погибла вместе с преданным (как двусмысленно звучит это слово!) мальчиком, если б не вмешались монахи, посланные доном Рэбой для её защиты. То есть Киру спасает злодей Рэба, а не любящий её Румата! И какие выводы из этого факта делает Румата? Только один: дон Рэба его боится, а потому всё страшное для них с Кирой позади, и

бояться теперь нечего! Как Румата старается оградить любимую от дальнейших возможных угроз? Никак!

Что же из всего вышесказанного следует? Антон изначально не подходил для этой работы, но в мире коммунистического Полдня каждый человек сам свободно выбирает себе профессию. И это, как оказалось, может привести к катастрофе. «Трудно быть богом» – то есть, не каждый желающий может стать специалистом в выбранной области. Более того, некоторые профессии необходимо защищать от людей, не имеющих данных для работы в них. Можно стать «писателем» или «художником» – графомания и мазня не страшны для жизни людей. Можно даже экспериментировать с созданием всяких кибермонстров. Но вот в «боги», десантники или прогрессоры должен быть жёсткий отбор.

Антон по складу своего характера изначально не годился в «боги», что и привело к Арканарской катастрофе. И поэтому провал дона Руматы вовсе не иллюстрирует порочность самой идеи «бескровного воздействия». Так что, если братья Стругацкие ставили перед собой задачу показать бессмысленность бескровного прогрессорства, то они с этой задачей не справились, выбрав в качестве героя заведомо негодный образец.

Показать, что любым делом должны заниматься профессионалы, они тоже не смогли, ибо в романе мы видим только провал Руматы, но даже мельком не встречаем упоминаний о хоть небольшом успехе кого-нибудь из его коллег. Так о чём же тогда написан роман Стругацких «Трудно быть богом»? Как-то не хочется думать, что это обыкновенное развлекательное чтение, вроде «Трёх мушкетёров» А.Дюма, в котором «нашим» позволено совершать любые мерзости только потому, что они «наши». И не важно, кто прав, кто виноват. Главное – дружба, «один за всех и все за одного»!

СОДЕРЖАНИЕ:

Гетман Мазепа – герой России!	3
О крахе русской культуры	46
Битва за Прибалтику	57
Слезливый рыцарь в звериной шкуре	82
Феминистки и Дон Жуан	94
В круге первом, или Вечная востребованность иуд	111
Трагедия дона Руматы, или Слон в посудной лавке ...	116

Калабухин Сергей Владимирович
СПОРНЫЕ МЫСЛИ
Сборник эссе

Сборник выпускается в авторской редакции

Подписано в печать 15.06.2011.
Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура PetersburgC.
Печать RIZO. Бумага офсетная. Усл.п.л. 8,84.
Заказ 53-05-11. Тираж 100 экз.

Издательско-полиграфический комплекс «Индиго»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Отпечатано на собственном полиграфическом оборудовании

Сергей Калабухин – русский писатель: прозаик, фантаст, публицист. Более тридцати лет печатается в российских газетах и журналах.

В этом сборнике собраны эссе на исторические и литературные темы.

Почему гетман Украины Иван Мазепа, тридцать лет верой и правдой служивший России, в трудную минуту предал её и переметнулся к врагу? Почему буквально все украинские гетманы в конце концов предавали Россию? Когда и зачем возник украинский национализм?

Как повлияли предательства украинских гетманов на судьбу Украины и её народа?

Что такое русская культура? Правда ли, что она сейчас гибнет? Истоки русской литературы и её сегодняшнее положение – каковы они? Чем отличаются элитарная литература и чтение?

Каковы причины ненависти прибалтийских народов к России? Что сделала Россия: спасла прибалтийские народы от рабства или ввергла в него? Кто дал свободу прибалтам?

Кто автор памятника грузинской литературы – поэмы «Витязь в тигровой шкуре»? Был ли он грузином? Кто истинный герой поэмы? О чём она? За что церковь преследовала поэму, жгла её на костре?

За что феминистки ненавидят дон-жуанов? Зачем и как они борются с дон-жуанами? Какими методами?

Возможно ли мирное слияние разных культур? Можно ли ускорить прогресс в отсталых культурах? Каково это – быть богом среди дикарей?

Над этими и многими другими вопросами размышляет автор в своих увлекательнейших эссе, которые читаются, как детективы.